

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ
НАУЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. В. ЩЕРБЫ

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ
КАК ХРОНОТОПНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА

«РАССКАЗ О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ» М. ГОРЬКОГО
КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ ФАНАТИЗМУ
И «ВАКХАНАЛИИ СЕРДЦА»

2021 / № 5

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2021 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2021 / № 5

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

**Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.
Серия: Русская филология»:**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н. А. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Леденёва В. В. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. – д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. – д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. – д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселёва И. А. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Колларова Э. – доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Моторин А. В. – д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. – д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. – д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. – д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. – д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. – д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. – д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. – д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Шеншина В. А. – д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндская республика);

Щедрина Н. М. – д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» – печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2021. – № 5. – 156 с.

© МГОУ, 2021.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. N. Anoshkina – Dr. Sci. (Philology), Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. T. Guzmán – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L. F. Kopusov – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Professor, Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Professor, Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology” is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2021. – № 5. – 156 p.

© MRSU, 2021.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Акулова А. А. Традиции и особенности метатекста «комментарий – текст» (на примере дагестанской литературы)	6
Гимаев Я. А. Моделирование концепта <i>родина</i> в сознании студентов 1–2 курсов Финансового университета.	12
Добродомов И. Г., Чапаева Л. Г. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына: непродуктивные словообразовательные модели.	23
Иванова Е. Н. Развитие категории имперфективности в историческом гнезде с праславянским корнем <i>*rei-</i> / <i>*roi-</i>	29
Орехова Е. Н. Субъективная модальность научных произведений Л. В. Щербы	36
Папуша И. С. Сложное синтаксическое целое как хронотопная языковая единица	47
Федорченко Е. А. Когнитивные доминанты идиостиля и их жанрообразующие функции в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора»	56

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александрова-Осокина О. Н. Проблема «человек и природа» в очерке А. В. Елисеева «В тайге» (1891).	68
Белова Т. Д. «Рассказ о безответной любви» М. Горького как художественная оппозиция фанатизму и «вакханалии сердца»	78
Бондарь И. А. «Гитлер-сатира» в романе Тимура Вермеша «Он снова здесь».	92
Колондаева Н. А. Архетип ленинградской квартиры в романах Е. С. Чижовой	100
Парамонова М. К. «Светлейший между россиянами»: художественное своеобразие комплекса надгробных слов на смерть Г. А. Потёмкина.	106
Руфова Е. С. Проза поэта: лирические компоненты стиля П. Н. Черных-Якутского (на примере рассказа «Страшное лекарство»)	113

РЕЦЕНЗИИ

Акимова Э. Н. Рецензия на учебник: Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2020. 421 с.	119
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: К 80-ЛЕТИЮ Л. П. РУПОСОВОЙ

<i>От редколлегии</i>	123
Никитин О. В. Лидия Петровна Рупосова: научный и душевно-биографический очерк (к 80-летию со дня рождения)	125
Астахина Л. Ю., Козин А. А., Королева И. А., Редина О. Н. Воспоминания о Л. П. Рупосовой.	145

CONTENTS

LINGUISTIC STUDIES

- A. Akulova.** Traditions and Features of the “Comment – Text” Metatext (On the Example of Dagestan Literature) 6
- Ya. Gimaev.** Modeling the Concept of *Motherland* in the Consciousness of the First- and Second-Year Students of the Financial University 12
- I. Dobrodomov, L. Chapaeva.** “Russian Dictionary of Language Expansion” of A. Solzhenitsyn: Unproductive Word-Formation Models 23
- E. Ivanova.** Development of the Category of Imperfectivity in the Historical Paradigm with the Proto-Slavic Root **pei-* / **poi-* 29
- E. Orekhova.** Subjective Modality of L. Shcherba’s Scientific Works 36
- I. Papusha.** A Complex Syntactic Whole as a Chronotopic Language Unit 47
- E. Fedorchenko.** Cognitive Dominants of The Author’s Idiostyle and Their Genre-Forming Functions in the Autobiographical Narrative of “Without Choice” by L. Borodin 56

LITERARY STUDIES

- O. Alexandrova-Osokina.** Problem of “Man and Nature” in A. V. Eliseev’s Essay “In the Taiga” (1891) 68
- T. Belova.** M. Gorky’s “The Story of Unrequited Love” as an Artistic Opposition to Fanaticism and “Bacchanalia of The Heart” 78
- I. Bondar.** “Hitler satire” in the Novel “Look Who’s Back” by Timur Vermes 92
- N. Kolondaeva.** Archetype of a Leningrad Flat in E. S. Chizhova’s Novels 100
- M. Paramonova.** “His Serene Highness Between Russians”: Artistic Originality of a Series of Eulogies in Tribute to Grigory Potemkin 106
- E. Rufova.** Prose of the Poet: Lyrical Components of P. N. Chernykh-Yakutsky’s Style (On the Example of the Story “Scary Medicine”) 113

REVIEWS

- E. Akimova.** Textbook Review: Kolesnikova S. M., ed. Functional Grammar of The Russian Language: Textbook and Workshop for Universities 119

SCIENTIFIC LIFE: TO THE 80TH BIRTHDAY OF L. RUPOSOVA

- From the Editorial Board* 123
- O. Nikitin.** Lidiya Petrovna Ruposova: Scientific and Heartful Biographical Essay (On the 80th Birthday) 125
- L. Astakhina, A. Kozin, I. Koroleva, O. Redina**
Memories of L. Ruposova 145

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-6-11

ТРАДИЦИИ И ОСОБЕННОСТИ МЕТАТЕКСТА «КОММЕНТАРИЙ – ТЕКСТ» (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Акулова А. А.

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описать формирование и развитие лингвистической традиции составления комментариев к изданиям с помощью лингвистической экспертизы.

Процедура и методы. В рамках текстоцентрической парадигмы комментарий можно исследовать, исходя из лингвистических и экстралингвистических факторов, на материале текстов, комментирующих памятники дагестанской литературы.

Результаты. Выявлена зависимость формы и содержания комментария как текста от конкретной исторической действительности, от тех эстетических запросов, которые выдвигались в тот или иной период общественной жизни, от фоновых знаний адресата.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию комментария, интертекстуальности и метатекста.

Ключевые слова: комментарий, текст, экстралингвистические факторы, лингвистические факторы, фоновые знания, читатель

TRADITIONS AND FEATURES OF THE “COMMENT – TEXT” METATEXT (ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN LITERATURE)

A. Akulova

An independent researcher, Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. The paper describes the formation and development of the linguistic tradition of making comments to publications with the help of linguistic expertise.

Methodology. Within the framework of the textocentric paradigm, the commentary can be studied based on linguistic and extralinguistic factors, as well as on the material of texts commenting on the monuments of Dagestan literature.

Results. We have revealed the dependence of the form and content of the commentary as a text on the specific historical reality, on those aesthetic requests that were put forward in a particular period of social life, and on the background knowledge of the addressee.

Research implications. The results of the research contribute to the theory of commentary, intertextuality and metatext.

Keywords: commentary, metatext, extralinguistic factors, linguistic factors, background knowledge, reader

Введение

В данном исследовании рассматриваются особенности текстов, появившихся в результате традиционного комментирования как полиаспектной лингвистической деятельности по подготовке к изданию на русском языке памятников дагестанской литературы.

Исходим из положения, что комментарий как текст задаётся прагматикой этого текста. «Переадресация – шестой аспект влияния комментария на текст из круга выявленных, обусловленный прагматикой текста в его направленности на адресата» [1, с. 73]. Автор выявил восемь аспектов влияния комментария на текст, и переадресация – лишь один из них, который означает, что основной текст, будучи прокомментирован, меняет читательский адрес: тот читатель, которого определял для себя автор текста, сменяется читателем, которым его полагает комментатор. «Тип комментария определяется прежде всего читательским назначением издания»¹. И в этой работе мы предполагаем, что читательский адрес задаётся прагматикой текста. Такие направления лингвистики, как лингвокультурология и межкультурная коммуникация, считают комментарий особым видом вторичного текста, который должен расшифровать и дать объяснение основного содержания текста, написанного на иностранном языке [2, с. 142]. Лингвисты и исследователи-переводоведы также полагают, что комментарий – это «произведение, призванное дать максимальное представление о тексте оригинала» [4, с. 344], а автор комментария должен дать «возможность читателю нарисовать чёткую картину иноязычного научного текста» [6, с. 39].

Фактическим материалом для исследования послужили тексты комментариев сборников стихотворений Расула Гамзатова «Песня о самом дорогом»² и

Сулеймана Стальского «Шаири»³ советской эпохи, а также сборник произведений Омарлы Батырая, подготовленный в 1989 г. А. А. Алихановой⁴.

Мы не планируем лингвистического анализа самих произведений данных авторов. Наш объект исследования – комментарий к ним в редакции на русском языке как текст в системе его признаков. Полагаем, что имеем дело со своего рода метатекстами «художественный текст – комментарий к нему», и предлагаем рассмотреть их в хронологической последовательности.

Прагматика комментария диктует его структуру и тип. В рамках текстоцентрической парадигмы комментарий можно исследовать, исходя из лингвистических и экстралингвистических факторов. Лингвистические факторы – прежде всего лексика – определяют объём и глубину словарного комментария, а экстралингвистические – исторический, биографический, этнокультурный и другие виды комментария. Если задача автора комментария – подчеркнуть определённую социально-идеологическую установку автора, то и комментарий содержит маркёры этой установки.

Считаем нужным упомянуть также об интертекстуальности метатекста «текст – комментарий». Интертекстуальность – это свойство текста, в отношении которого следует говорить как о лингвистических составляющих, так и об экстралингвистических составляющих данной категории. Исследователи указывают, что текст всегда обладает интертекстуальностью [5, с. 39; 8, с. 123], и наш анализ позволил [1, с. 175] уточнить, что комментарий проявляет, раскрывает интертекстуальные связи основного текста. Однако комментарий не только проявляет эти интертекстуальные связи – он сам интертекстуален по отношению к основному тексту.

¹ Рейсер С. А. Основы текстологии: учебное пособие для студентов педагогических институтов. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. С. 92.

² Гамзатов Р. Песня о самом дорогом: стихи / худ. А. Таран. М.: Детгиз, 1950. 64 с.

³ Стальский С. Шаири: поэтические произведения / пер. с лезгинск. Э. Кандиева. Пятигорск: Северо-Кавказское государственное издательство, 1937. 96 с.

⁴ Батырай О. Поэтическое наследие. Тексты / сост., пер. с даг., комм., вступ. ст. А. А. Алихановой; худ. Х.-М. А. Алиханов. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1989. 504 с.

Структура комментария влияет на общую структуру метатекста «комментарий – текст». С возникновением комментария создаётся гипертекстовая структура в тексте, и, чем сложнее устроен комментарий, тем сложнее гипертекстовое пространство в тексте.

Анализ изданий Р. Газматова, С. Стальского и О. Батырая

В советском издании стихов Расула Гамзатова «Песня о самом дорогом»¹ есть подстрочный комментарий:

«С этим именем на пересохших губах умирали бойцы в *Араканском ущелье*»*.

**Место кровопролитных боёв партизан с белобандитами*².

Данный комментарий – реальный. Лексема *белобандиты*, на наш взгляд, является маркером прагматической установки подчеркнуть идеологические взгляды автора, которые соответствовали оценкам исторической эпохи.

Другой случай – тоже реальный комментарий:

«О весёлом *Дингир-Дангарчу*»*.

**Герой горских сказок*³.

Книга адресована детской аудитории, следовательно, текст комментария является по жанру научного стиля речи популярным. Однако мы выявили всего два примечания, посвящённых именам собственным. Нет комментариев, поясняющих бытовые, этнокультурно значимые реалии, хотя в тексте функционируют лексеммы *ашуг*, *сакля*, *бешмет*, которые следует отнести к экзотизмам. Наблюдение позволяет сделать предположение, что комментирование их лексических значений не отвечало прагматической установке автора комментария: он либо предполагал, что советские дети обладают необходимыми фоновыми знаниями, либо считал, что это неинтерес-

ные для аудитории единицы и смещение фокуса внимания читателя на эти аспекты авторской картины мира не соответствует задачам издания.

В сборнике дагестанского поэта Сулеймана Стальского⁴ используются вступительная статья и подстрочный комментарий, разъясняющий подробности истории Дагестана (события и лица, представленные антропонимами):

«Когда *Гоцинский** – подлый вор...»

**Организатор контрреволюционных националистических банд в Дагестане*⁵.

Есть также комментарий, поясняющий топонимы (сведения о географии) края:

«От Ленинграда до *Урмы** сегодня наяву я вижу...»

**Урма – отдалённый аул в Дагестане*⁶.

Словарный комментарий в рамках этого метатекста раскрывает значения отдельных лексем – экзотизмов для русскоязычного текста:

«Давно рвалась моя рука к тобою полным струнам *саза*»*.

**Саз – горский музыкальный инструмент*⁷;

«И он, как драгоценный *лал**, в страны златом уборе».

**Лал – рубин*⁸;

«Твой гений светит, как *чирах**...»

**Самый большой светильник*⁹.

Мы отметили, что и к тексту «Песни о самом дорогом», и к «Шаири» комментарий довольно краткий; кроме словарных пояснений, каких-то ещё объяснений этнокультурных особенностей автор комментария не предлагает.

¹ Гамзатов Р. Песня о самом дорогом: стихи / худ. А. Таран. М.: Детгиз, 1950. 64 с.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 33.

⁴ Стальский С. Шаири: поэтические произведения / пер. с лезгинск. Э. Кандиева. Пятигорск: Северо-Кавказское государственное издательство, 1937. 96 с.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Там же. С. 47.

⁹ Там же. С. 49.

Комментарий научного издания текста иллюстрирует сборник поэта Омарлы Батырая, подготовленный в 1989 г. А. А. Алихановой¹.

В этом сборнике комментарий текста комплексный: представлен вступительной статьёй, затекстовым источниковедческим комментарием и двумя словарями. Так, выявлены комментарии, поясняющие различные реалии, связанные с религиозными обычаями Дагестана. «*Дарг. хлисабсуал, переведённое нами как вопросы-да-ответы, связано с мусульманским мифом о загробной жизни; имеются в виду вопросы, которые ангелы задают усопшим, и их ответы*»².

Выделяем и бытовой комментарий. Например, *квя* – «калёное зерно, лакомство для детей типа кукурузных хлопьев; готовится на раскалённой сковороде, зерно трескается от жара, теряя свою форму, или имеется в виду горная порода азербайджанской лошади *вьючно-упряжного типа*»³. Видим, что прагматика автора комментария проявилась в потребности передать читателю необходимые для восприятия текста фоновые знания, чтобы он был максимально точно осмыслен реципиентом.

Интертекстуальность как текстовая категория проявляется благодаря текстологическому комментарию, высвечивая связи между различными текстами автора. Однако некоторые комментарии связывают тексты поэта с метатекстом мусульманской культуры. Например:

«*Аминь* – заключительное слово молитвы, при всеобщей службе в мечети молитва мусульманского священнослужителя сопровождается этим возгласом прихожан...»⁴.

Нельзя не упомянуть, что сам комментарий интертекстуален, т. к. является научным текстом, и для его понимания требуются определённые фоновые знания. Исследователь В. Е. Чернявская отмечает, что в научном тексте, которым является и данный комментарий, интертекстуальность выступает универсальным принципом построения на уровне содержания⁵.

Гипертекст в этом издании создаётся не только ссылками в основном тексте на комментарий затекстовый. Важно отметить, что гипертекст заложен в билингвальную структуру данного типа издания. Тексты стихов даны сразу на двух языках – постранично – и могут читаться параллельно.

Важно заметить, что все анализируемые сборники иллюстрированы – текст поликодовый. Считаем, что необходимо помнить о распространении метонимических лексико-семантических вариантов слова *комментарий* в речи и о том, что *комментарием* некоторые исследователи называют также иллюстрацию⁶. Иллюстрация как комментарий влияет на восприятие текста, объясняет его и актуализирует интертекстуальные связи. Сочетание вербальных и невербальных, изобразительных средств передачи информации образует креолизованный (смешанного типа) текст [7, с. 148]. Известно, что изобразительный ряд в виде иллюстраций художественно-образных, декоративных, познавательных в совокупности с вербальным компонентом создаёт единый образ креолизованного текста как объекта вербальной и визуальной коммуникации [3, с. 118].

В сборнике «Песнь о самом дорогом» иллюстрации выполнены художником А. Тараном в жанре классиче-

¹ Батырай О. Поэтическое наследие. Тексты / сост., пер. с даг., комм., вступ. ст. А. А. Алихановой; худ. Х.-М. А. Алиханов. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1989. 504 с.

² Там же. С. 394.

³ Там же. С. 421.

⁴ Там же. С. 421.

⁵ Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учебное пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 165.

⁶ Павленко А. В. По поводу иллюстрации // LiveJournal: [сайт]. URL: <https://alexander-pavl.livejournal.com/129323.html> (дата обращения: 21.07.2021).

ской книжной детской иллюстрации, а в сборнике Омарлы Батырая иллюстрации принадлежат дагестанскому автору Х.-М. А. Алиханову и гораздо более самобытны.

Результаты анализа

В результате анализа комментария памятников дагестанской литературы разных лет приходим к выводу, что комментарий как текст даёт материал, подтверждающий зависимость его формы и содержания от конкретной исторической действительности, от эстетических запросов, которые выдвигались в тот или иной период общественной жизни.

Иллюстрация в роли комментария представляет информацию, подтверждающую зависимость её формы и содержания от конкретной исторической действительности, раскрывает прагматику автора комментария (издателя и редакции).

Заключение

Мы считаем, что необходимость комментирования текста связана с несовпадением лингвокультурных пространств – фоновых знаний автора и читателя, что приводит к сбою в межкультурной коммуникации и к появлению разного рода лакун, которые снимаются посредством введения в текст дополнительной поясни-

тельной информации. Умение комментатора работать с текстом, характер отбора и передачи информации дают возможность сформировать у читателя более чёткое представление о смыслах основного текста, вложенных автором, подсветить те смыслы, которые актуализируются в тексте согласно прагматической установке комментатора [6].

В результате осуществлённого анализа сложилось представление об эволюции комментирования текстов изданий дагестанских поэтов, прежде всего в отношении прагматических установок составителей. В советское время каждый текст рассматривался в первую очередь с позиции общественной идеологии и ценностей социалистического государства, и комментарий поддерживал этот подход. В эпоху перестройки произошёл разворот в сторону научной беспристрастности и усиления интереса к культуре народов России. Дагестанский автор стал особенно интересен российскому читателю именно национальной самобытностью, и перед автором текста комментария встала задача раскрыть её специфические черты, сформировать необходимые фоновые знания о культуре Дагестана. Как видим, особенности комментария как текста, его структура и сложность задаются именно этой прагматикой.

Статья поступила в редакцию 17.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акулова А. А. Влияние комментария на текст (на примере художественной литературы) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3. С. 69–76.
2. Батунова И. В., Лобынева Е. И., Николаева А. Ю. Роль переводческого комментария в научной статье // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 10–2 (100). С. 142–148.
3. Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
4. Григорьян Е. Л. Художественный перевод и комментарий к нему как единое произведение // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 344–356.
5. Коробейникова Н. Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 202 с.
6. Папулова Ю. К. Переводческий комментарий как особый вид метатекста // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 1. С. 38–45.
7. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
8. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: Комкнига, 2006. 280 с.

REFERENCES

1. Akulova A. A. [Impact of the Commentary on the Text (on the Example of Fiction Literature)]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2021, no. 3, pp. 69–76.
2. Batunova I. V., Lobyneva E. I., Nikolaeva A. Yu. [Role of Translation Commentary in a Scientific Article]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], 2020, no. 10–2 (100), pp. 142–148.
3. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ., 2003. 280 p.
4. Grigor'yan E. L. [Literary Translation and Commentary to It as a Single Work]. In: Arutyunova N. D., ed. *Logicheskii analiz yazyka. Perevod khudozhestvennykh tekstov v raznye epokhi* [Logical Analysis of Language. Translation of Literary Texts in Different Epochs]. Moscow, Indriks Publ., 2012, pp. 344–356.
5. Korobeynikova N. N. *Ontologiya kommentariya i ego rol' v ponimanii inoyazychnogo khudozhestvennogo teksta: dis. ... kand. filol. nauk* [Ontology of Commentary and Its Role in Understanding a Foreign Language Literary Text: Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Barnaul, 2006. 202 p.
6. Papulova Yu. K. [Translation Commentary as a Special Type of a Metatext]. In: *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University], 2015, no. 1, pp. 38–45.
7. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. [Creolized Texts and Their Communicative Function]. In: *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya* [Optimization of Speech Impact]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 180–186.
8. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [Intertext in the World of Texts: Counterpoint of Intertextuality]. Moscow, Komkniga Publ., 2006. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акулова Арина Алексеевна – независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация;
e-mail: arina_akulova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arina A. Akulova – An Independent Researcher, Moscow, Russian Federation;
e-mail: arina_akulova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Акулова А. А. Традиции и особенности метатекста «комментарий – текст» (на примере дагестанской литературы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 6–11.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-6-11

FOR CITATION

Akulova A. A. Traditions and Features of the “Comment – Text” Metatext (On the Example of Dagestan Literature). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 6–11.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-6-11

УДК 811

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-12-22

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *РОДИНА* В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ 1–2 КУРСОВ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гимаев Я. А.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить компоненты концепта *родина* в сознании студентов Финансового университета.

Процедура и методы. Автором проведён цепной ранжированный ассоциативный эксперимент. Содержание исследования составляет анализ полученных результатов с применением методов наблюдения, обобщения, интерпретации речевых реакций.

Результаты. В ходе работы были выявлены основные лексические компоненты концепта *родина* в массовом сознании студентов 17–20 лет.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в практику концептуального лингвистического анализа, показывают функционирование важного концепта в сознании молодого поколения.

Ключевые слова: концепт, массовое сознание, ассоциативный эксперимент, слово-стимул, слова-реакции

MODELING THE CONCEPT OF *MOTHERLAND* IN THE CONSCIOUSNESS OF THE FIRST- AND SECOND-YEAR STUDENTS OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

Ya. Gimaev

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskii prosp. 49, Moscow 125993, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the paper is to identify the components of the concept of *motherland* in the consciousness of the students of the Financial University.

Methodology. The ranged association experiment is performed. The content of the research represents an analysis of the obtained results with the use of methods of observation, generalization and interpretation of speech reactions.

Results. The main components of the lexical concept of *motherland* in the mass consciousness of the 17-20-year-old students are identified.

Research implications. The results of the study contribute to the practice of the conceptual linguistic analysis and show the functioning of the important lexical concept in the mass consciousness of the youth.

Keywords: lexical concept, mass consciousness, association experiment, stimulus word, reaction words

Введение

В современной гуманитарной науке активно применяются экспериментальные психолингвистические методики, изучающие спонтанные речевые реакции носителей языка. Они особенно актуальны при анализе ментальных образований в массовом сознании, т. к. позволяют выявить функционирование и смысловое наполнение конкретных концептов в конкретной возрастной или профессиональной среде. По мнению Д. Г. Выговской, психолингвистические эксперименты обнаруживают «специфику процессов категоризации

и идентификации через типичные примеры и признаки в языке» [2], что говорит о возможности выявлять особенности национальной идентичности участников таких исследований, «особенностей видения мира и его оценки национальным языковым сознанием» [5, с. 191].

Н. Ф. Уфимцева утверждает: «Исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [9, с. 41]. Таким образом, материалы ассоциативного эксперимента являются важнейшим источником изучения концептов национальной культуры и массового сознания.

Данная работа посвящена характеристике содержания концепта *родина* в сознании студентов первого и второго курсов факультета экономики и бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Возраст респондентов – 17–20 лет.

Выбор предмета исследования был обусловлен пристальным вниманием современной общественности к внешней политике нашей страны, связан, с одной стороны, с консолидацией мирового сообщества в период эпидемии коронавируса и «противостоянием» российского и западного общества, активно освещаемым в зарубежных СМИ, с другой. В такой обстановке особенно актуально, по нашему мнению, выявление того, какое представление о Родине имеют наши соотечественники разного возраста и социального статуса. Имеет смысл также сравнить полученные результаты с результатами, представленными в разных редакциях русского ассоциативного словаря Института языкознания РАН, и результатами аналогичных когнитивных исследований, проведённых ранее.

Решение о выборе указанной категории респондентов было продиктовано несколькими причинами. Во-первых, сту-

денты Финансового университета, обучающиеся по направлениям «Логистика», «Экономика и бизнес», «Экономическая безопасность», «Топливо-энергетический комплекс», в процессе обучения в вузе и в дальнейшем в трудовой деятельности неизбежно будут анализировать экономические процессы как в своей родной стране, так и в зарубежных странах. Возможно, кто-то из них предпочтёт работать в иностранных организациях в России или за рубежом, а кто-то, наоборот, исходя из собственных убеждений, предпочтёт работу исключительно на благо своей Родины. Поэтому изучение того, что стоит за словом *родина* в массовом сознании обучающихся, может быть полезно для адекватного осуществления патриотического воспитания в системе высшего образования и в целом при проведении молодёжной политики.

Во-вторых, в ходе личных бесед, а также на занятиях по иностранному языку было выявлено, что значительная часть респондентов уже к возрасту 17–20 лет побывала за границей в туристических целях, а также активно интересуется общественными, политическими и экономическими событиями, происходящими за рубежом. Поэтому студенты готовы как на бытовом, так и на базовом экономическом уровнях сравнивать повседневную жизнь людей в зарубежных странах и в России, их уровень доходов, финансовые возможности, анализировать микроэкономические процессы в разных странах. Эти обстоятельства, на наш взгляд, должны влиять на то, как в сознании данных молодых людей функционирует концепт *родина*, какие ключевые компоненты концепта выходят на первый план.

В-третьих, сам процесс проведения психолингвистического эксперимента среди студентов ведущего экономического вуза России, направленного на выявление особенностей функционирования важнейшего, на наш взгляд, концепта отечественной культуры, имел воспитательную функцию. Студенты задумывались над исследуемым феноменом, возможно, вносили коррективы в собственное понимание Родины.

Мы убеждены, что это важно для них как для будущих специалистов – экономистов, хозяйственников, управленцев. Анализ обучающимися личного, корпоративного или национального сознания вписывается в современную задачу профессиональной диверсификации и самоидентификации студентов [1, с. 12].

Аналогичные ассоциативные эксперименты в студенческой среде в разных учебных заведениях уже проводились. Академические Русский ассоциативный словарь (РАС)¹, русские региональные ассоциативные словари ЕВРАС² и СИБАС³ представляли реакции студентов конца 1990 – начала 2010 гг. на слово-стимул *родина*.

Подобное исследование также было проведено М. А. Колесник и В. С. Саймовой в 2011 г. среди студентов Сибирского федерального университета. Ассоциативный эксперимент показал, что самой распространённой реакцией на слово-стимул *родина* оказалось слово *дом*. Его упомянул 91 человек из 200. Слово *Россия* (85) и словосочетание *место рождения* (60) также оказались ядром изучаемого концепта [6].

В 2014 г. Т. В. Демидова и О. Е. Павловская представили результаты анализа речевых репрезентаций концепта *родина* студентами среднего профессионального образования Краснодарского края. Авторы эксперимента после анализа ответов 382 человек на слово-стимул *родина* пришли к выводу, что «ядро ассоциативного поля включило 10 реакций: Россия, Родина-мать, дом, патриот(-изм), армия, страна, честь, семья, Кубань, земля, что составило 55% от общего количества полученных реакций» [4, с. 109].

В указанных работах акцентировалось внимание на явную региональную специфику реакций респондентов. Словарь-тезаурус ЕВРАС имел целью выявить особенности языкового сознания жителей Центральной части России, словарь СИБАС и эксперимент М. А. Колесник и В. С. Саймовой – жителей Сибири, работа О. Е. Павловской и Т. В. Демидовой – жителей Краснодарского края. Поэтому авторы отдельно изучали такие слова-реакции, как *Ангара*, *Енисей*, *тайга*, *Кубань*, *станция* и т. д.

После ознакомления с результатами перечисленных исследований у нас появилось предположение, что студенты Финансового университета в 2021 г. в своём понимании Родины должны иметь пусть не региональную, но определённую общую профессиональную и политическую специфику.

Выявление компонентов концепта *родина* по результатам цепного ранжированного ассоциативного эксперимента

Цепной реакцией в ассоциативном эксперименте принято называть ряд ассоциаций, которые даются респондентом в течение определённого времени. Е. И. Горошко отмечает, что «под цепной ассоциативной реакцией понимают неуправляемое, спонтанное, протекание процесса воспроизведения содержания сознания и подсознания субъекта» [3, с. 15].

В нашем исследовании был осуществлён цепной ранжированный ассоциативный эксперимент среди студентов 2001–2004 гг. рождения. Респондентам предлагался вопрос: «Что для вас родина? Какие слова и выражения приходят вам на ум в связи со словом *родина*?» Ответы следовало упорядочить по мере убывания субъективной значимости, количество возможных рангов не ограничивалось. Задание расположить свои реакции по рангам в порядке убывания их субъективной значимости, на наш взгляд, позволяет не только выявить частотность, но и определить структуру такого ментального образования, как *ро-*

¹ Русский ассоциативный словарь (РАС). Т. 1. От стимула к реакции: около 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ: Астрель, 2002. 781 с.

² Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции [Электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru/mail/publications/evras> (дата обращения 19.08.2021).

³ Шапошникова И. В., Романенко А. А. СИБАС: Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015). URL: <http://adict.ru/nsu.ru> (дата обращения 19.08.2021).

дина, в индивидуальном сознании каждого студента. В свою очередь, изучение совокупности всех реакций позволяет научно описать структуру изучаемого нами концепта в массовом сознании обучающихся.

Результаты, полученные после обработки материала анкет, мы представили в таблице 1. Было зарегистрировано 520 реакций. Процедура интерпретации заключалась в следующем:

1) выделялись наиболее частотные слова и выражения. В строках таблицы они

представлены в начале списка, в скобках указано число информантов, давших соответствующие ответы;

2) выборочно рассматривались ассоциаты, представляющие собой словосочетания и выражения. В таблице они выделены курсивом.

Данный метод, по нашему убеждению, в отличие от стандартизированного ассоциативного эксперимента, показывает, насколько та или иная реакция представлена на разных уровнях полевой структуры концепта.

Таблица 1 / Table 1

Результаты ранжированного ассоциативного эксперимента по стимульному слову *родина* / Results of the ranged association experiment with the stimulus word *motherland*

Ранг	Реакции студентов 1–2 курсов Финансового университета (65 человек)
1.	(мой) дом (12); семья (12); <i>Родина-мать</i> (4); (моя) страна (4); <i>место, где ты родился(лась) / вырос(ла)</i> (3); Россия (3); родные (3); (родная) земля (2); культура (2); детство (1); родители (1); природа (1); Тверь (1); надежда (1); <i>любовь к родному краю</i> (1); Москва (1); история (1); <i>место силы</i> (1); <i>там, где семья</i> (1); Отечество (1); Отчизна (1); патриотизм (1); память (1); лес (1); <i>место, где чувствуешь себя «в своей тарелке»</i> (1); <i>очень близкое</i> (1); мама (1); Таганрог (1); <i>домашний очаг</i> (1); 65 реакций
2.	(отчий) дом (9); семья (9); Россия (6); земля (5); страна (3); Отчизна (2); родственники (2); друзья (2); место (2); менталитет (2); <i>хорошо там, где родина</i> (1); Отечество (1); <i>родной город</i> (1); язык (1); родители (1); <i>знакомые места</i> (1); <i>место, где ты родился и вырос</i> (1); <i>место, которое нужно беречь</i> (1); искренность (1); <i>место, где успокаивается душа</i> (1); Липецк (1); верность (1); <i>родной край</i> (1); простор (1); <i>природные богатства</i> (1); долг (1); флаг (1); традиции (1); культура (1); природа (1); любовь (1); <i>место, где нет языкового барьера</i> (1); <i>большой отрезок жизни</i> (1); 65 реакций
3.	семья (7); дом (5); страна (4); земля (4); (родной) город (3); природа (3); Россия (2); люди (2); <i>близкие люди</i> (2); патриотизм (2); безопасность (1); <i>русское население</i> (1); тепло (1); детство (1); дороги (1); <i>домашние животные</i> (1); Уссурийск (1); друзья (1); гостеприимство (1); умиротворение (1); <i>моя опора</i> (1); <i>неуверенность в моём будущем</i> (1); Отчизна (1); мать (1); мама (1); <i>страна, в которой родился</i> (1); защита (1); достопримечательности (1); Коломна (1); Кавказ (1); армия (1); конституция (1); теплота (1); Иордания (1); уют (1); разруха (1); <i>страна происхождения</i> (1); место (1); менталитет (1); гордость (1); русский язык (1); 65 реакций
4.	дом (5); <i>родной язык</i> (3); история (3); страна (2); Россия (2); Отчизна (2); семья (2); <i>близкие друзья</i> (2); <i>русский язык</i> (2); (родной) город (2); природа (2); защита (2); менталитет (2); народ (1); <i>долг Родине</i> (1); <i>где хорошо, там и родина</i> (1); уют (1); образование (1); лес (1); Москва (1); смысл (1); позитив (1); улица (1); дача (1); мечта (1); счастье (1); <i>моя национальность</i> (1); ответственность (1); <i>место, где всегда хорошо</i> (1); перемены (1); земля (1); <i>природа страны, в которой родился</i> (1); <i>улица, на которой вырос</i> (1); свобода (1); война (1); люди (1); спокойствие (1); коррупция (1); <i>место, где родился</i> (1); память (1); детство (1); родственники (1); патриотизм (1); Невинномысск (1); любовь (1); стихотворение «Родное» (1); 64 реакции
5.	семья (7); дом (5); природа (4); любовь (2); город (2); язык (2); традиции (2); земля (2); горы (2); еда (2); коррупция (1); лето (1); безопасность (1); свобода (1); зима (1); развитие (1); <i>города моей страны</i> (1); Россия (1); отвага (1); <i>старые друзья</i> (1); окружение (1); тоска (1); стабильность (1); <i>огромная история</i> (1); несправедливость (1); <i>история страны</i> (1); родители (1); друзья (1); сплочённость (1); память (1); душа (1); история (1); репрессии (1); конституция (1); помощь (1); родное (1); упадок (1); ценность (1); память (1); гордость (1); уверенность (1); близкие (1); комфорт (1); 63 реакции

Окончание Таблицы 1

6.	дом (3); природа (3); история (3); Россия (2); патриотизм (2); любовь (2); преданность (2); друзья (2); ответственность (2); возможности (1); <i>отсутствие смены власти</i> (1); солнце (1); <i>тот, кто всюду живёт, нигде не живёт</i> (1); гены (1); счастье (1); свобода (1); доброта (1); Самара (1); сила (1); ностальгия (1); мать (1); <i>страна, где росли мои родители</i> (1); <i>место, где тепло на душе</i> (1); верность (1); отечество (1); воздух (1); коррупция (1); <i>любовь к своей стране</i> (1); <i>место рождения</i> (1); люди (1); честь (1); защита (1); кров (1); <i>родной язык</i> (1); Тула (1); поддержка (1); литература (1); семья (1); история (1); обман (1); крепость (1); счастье (1); культура (1); воспоминания (1); земля (1); сплочённость (1); горы (1); <i>чистый воздух</i> (1); 60 реакций
7.	природа (4); друзья (3); культура (3); защита (3); земля (2); история (2); гостеприимство (2); простор (1); счастье (1); народ (1); территория (1); восприятие (1); красота (1); уют (1); Москва (1); Россия (1); самопожертвование (1); гитара (1); спокойствие (1); <i>место, где всегда хорошо и спокойно</i> (1); выспаться (1); дух (1); воспоминания (1); берёза (1); <i>хорошее место, которым я горжусь</i> (1); сомнения (1); покой (1); <i>красота природы</i> (1); Отечество (1); граница (1); мировоззрение (1); гордость (1); свобода (1); любовь (1); комфорт (1); <i>возможность развиваться</i> (1); память (1); речка (1); обида (1); полиция (1); язык (1); традиции (1); война (1); <i>разбитые дороги</i> (1); 56 реакций
8.	любовь (2); люди (2); народ (2); <i>Родина-мать зовёт!</i> (1); водка (1); красота (1); свобода (1); пейзажи (1); беспредел (1); кормилица (1); характер (1); твоя (1); несправедливость (1); комфорт (1); защита страны (1); безопасность (1); язык (1); природа (1); образование (1); обычаи (1); семья (1); обычаи (1); поле (1); страх (1); традиции (1); земля (1); атмосфера (1); вера (1); <i>детский сад</i> (1); пропаганда (1); 33 реакции
9.	семья (2); язык (2); кокошник (1); имущество (1); обыденность (1); <i>воля к победе</i> (1); <i>запах росы</i> (1); <i>светлое будущее</i> (1); безопасность (1); дом (1); возможности (1); оборона (1); архитектура (1); еда (1); чувства (1); страна (1); история (1); память (1); цензура (1); люди (1); обычаи (1); народ (1); 24 реакции
10.	кухня (3); патриотизм (2); семья (1); <i>обособленность от мира</i> (1); дом (1); разнообразие (1); сила (1); страна (1); дружба (1); <i>борьба за правду</i> (1); любовь (1); друзья (1); тоска (1); нестабильность (1); ресурсы (1); 18 реакций
11.	семья (1); Кабарда (1); неуверенность (1); <i>«своё, родное»</i> (1); 4 реакции
12.	дом (1); кризис (1); 2 реакции
13.	Кубань (1); 1 реакция

Источник: данные автора.

Наибольшее число упоминаний имеют следующие слова:

Семья (41); дом (40); Россия (17); страна (16); (*родная*) земля (16); место, (*где родилась*) / (*где хорошо*) и т. д. (16); природа (14); (*русский*) / (*родной*) язык (13); друзья (10); Отечество / Отчизна (9); история (9); любовь (8); (*близкие*) люди (8); (Родина)-мать (7); патриотизм (7); культура (7); родные / родственники (5); народ (5); обычаи / традиции (4); менталитет (5); родители (3).

Отметим, что слова-реакции *дом* и *семья* были упомянуты большинством респондентов. Видно также, что данные лексемы наиболее частотны в первых 4–5 рангах.

По 16–17 раз были упомянуты слова *Россия*, *страна*, *земля*, *место* (рождения),

что также говорит об актуальности этих понятий в сознании респондентов в связи со словом-стимулом *родина*. Эти слова тоже появлялись в основном в первых рангах.

Слова и выражения (*родная природа*, (*родной*) язык были упомянуты 14 и 13 раз соответственно. Обратим внимание на то, что основная часть этих упоминаний находится в диапазоне с 3 по 7 ранг, в середине.

Следующий лексический уровень концепта составляют слова *друзья*, *Отечество* / *Отчизна*, *любовь*, (*близкие*) *люди*, упомянутые по 8–10 раз. Данные слова примерно равномерно распределены по всем рангам.

Ещё один уровень концепта, по результатам нашего эксперимента, представляют

слова *патриотизм, культура* и выражение *Родина-мать*, названные по 7 раз.

Стоит также отметить реакции *родные / родственники, народ, обычаи / традиции, менталитет*, имеющие по 4–5 упоминаний. Появляются эти слова в разных рангах, что не говорит об их приоритетном положении в структуре концепта.

Учитывая количество упоминаний тех или иных слов и выражений, а так-

же их ранги в анкетах, мы представили полученные результаты в схеме, отражающей выявленные нами уровни концепта *родина* в массовом сознании студентов Финансового университета (рис. 1). Ближе к центру схемы находятся наиболее актуальные в сознании респондентов реакции. При этом все указанные в схеме слова в совокупности, на наш взгляд, представляют собой ядро изучаемого концепта.

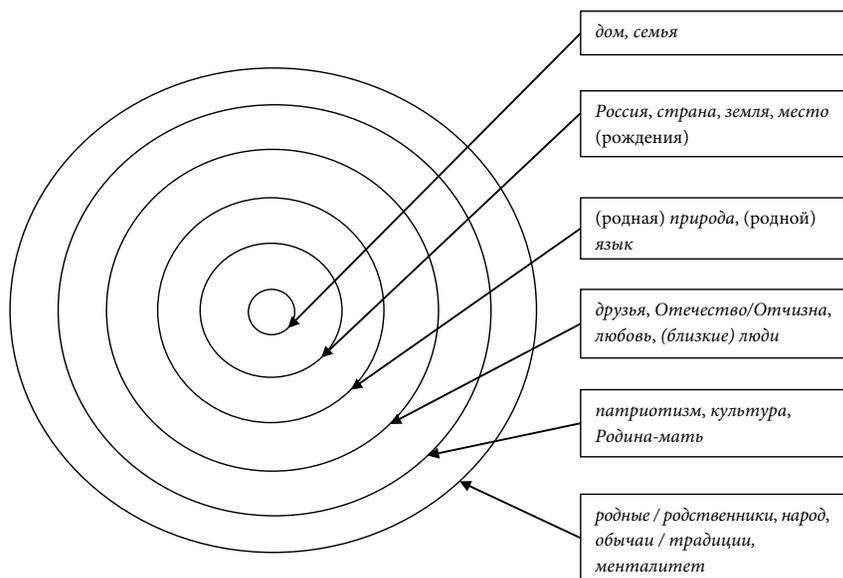

Рис. 1 / Fig. 1. Уровни концепта *родина* в массовом сознании студентов Финансового университета / Levels of the concept of *motherland* in the mass consciousness of the Financial University students

Источник: данные автора.

Полученные результаты совпадают с результатами исследования М. А. Колесник и В. С. Саймовой в том, что в обоих случаях самой распространённой реакцией среди респондентов оказалось слово *дом*. Итоги ассоциативного эксперимента О. Е. Павловской и Т. В. Демидовой демонстрируют примерно такую же картину (в ядро концепта включены слова *Россия, дом, семья* и др.). Можно констатировать, что подобные результаты, действительно, отражают ядро концепта *родина* в массовом сознании нашего общества вне зависимости от региона проживания. Родина – это дом, семья, Россия, страна, культура,

традиции, народ. В этом ряду обращает на себя внимание лишь некоторый приоритет личного (*дом, семья*) над общественным (*традиции, менталитет, народ*).

Однако статьи в академических ассоциативных словарях РАС, ЕВРАС и СИБАС показывают немного иные результаты.

Так выглядит статья, посвящённая слову-стимулу *родина*, в Русском ассоциативном словаре 2002 г.:

РОДИНА: *мать 65; моя 19; Россия 15; зовёт 6; любимая, одна, СССР 5; Отчизна 4; большая, Отечество, страна 3; город, кинотеатр, край, любовь, мать зовёт, Москва, наша, патриот, родная 2; аршин,*

берёза, берёзка, берёзки, берёзы, большой, в опасности, всегда одна, гадина, где родился, глупа, громко, достоинство, единственная, есть Родина, защита, зелень, зов, иметь, край родной, красивая, Кузбасс; лес, поле, речка; *любить*, мать твою, мать твоя, милая, много-много, могучая, моя мать; моя, моя Россия; моя страна, Оксана, Октября, она моя, патриотизм; поля, леса, реки; пос. Колотовка, природа, рождение, РСФСР, Рязань, север, Северодвинск, с маленькой буквы, Советский Союз, теплоход, тюрьма, философии, флаг 1;

205+70+4+50¹.

Как видно, были опрошены 205 человек, выявлено 70 различных реакций, 4 человека отказались давать свою реакцию, 50 человек дали единичные реакции, не встречающиеся больше ни у кого из опрошенных.

Вот статья, посвящённая слову-стимулу *родина*, в Русском региональном ассоциативном словаре-тезаурусе ЕВРАС, который был составлен Г. А. Черкасовой и Н. В. Уфимцевой и опубликован в 2014 г.:

РОДИНА: мать 162; Россия 97; моя 47; дом 25; страна 24; отчизна 10; земля 9; город 8; отчество, патриотизм 6; зовёт, край, патриот 5; матушка, мать зовёт, наша 4; долг, любовь, малая, мама 3; война, гордость, двор, жизнь, кино, любимая, море, Москва, одна, Отечество, радость, родная, родное, России, Русь, РФ, святое, СССР, Сталин 2; абсурд, армия, Байконур, Безруков, большая, важна, где хорошо, героя, гимн, ДДТ, деревня, доля, душа, Есенина, ждёт, за нами, завет, защищать, здесь, Казахстан, Калач, карта, Коми, кормит, красная звезда, красный, Ленина, лес, любить, люблю, масть, мать!, месторождения, место {} где родился, месторождение, моя Россия, на замке, ностальгия, отстаивать интересы, Отчизна, партия, песня, позвала, поле, поля {} берёза, поменять, поэта, природа, прогресс,

¹ Русский ассоциативный словарь (РАС). Т. 1. От стимула к реакции: около 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ: Астрель, 2002. С. 558.

продана, расти, река, Республика Коми, родной, родной дом, родные, рождение, Рязань, сад, Самара, своё, Северодвинск, село, Сервантес, сердце, сквер, слово, слона, странная, там {} где попа в тепле, Тверь, тело, тепло, территория, туалет, Узловая, флаг, чувство 1;

550+117+1+78².

Так выглядит статья, посвящённая слову-стимулу *родина*, в Русском региональном ассоциативном словаре СИБАС, который составлялся И. В. Шапошниковой и А. А. Романенко в 2008–2015 гг.:

РОДИНА: мать 138; Россия 105; моя 41; дом 25; страна 21; патриот 12; земля 8; зовёт; отчизна 7; мама; отчество 6; мать зовёт 5; защищать; наша; патриотизм; уродина 4; гордость; город; Казахстан; край; одна; поле; родная; Русь 3; великая; долг; жизнь; защита; мать моя; мир; родной; своё 2; Амурск; белая; берёзки; большая; вид национализма; возвращение; война; всё; героизм; далёкая; деревня; деревья; держава; друзья; Есенин, Блок; ждёт; жить; красный; леса; локация; любимая; люблю; любовь; люди; малая; Междуреченск; место; мм; моё; Москва; навсегда; Наша Rus\$ia; ничто; Новосибирск; ностальгия; Омск; Ордынка; песня; песня «Родина»; Польша; преданность; природа; работяга; родная страна; родные; Россия, великая гордость; Россия, жизнь; РФ; Чита; святая; сердце; слово; солдат; степь; стихотворение; стоит; там, где я; то, ради чего живёшь; тут; Усть-Илимск; флаг 1;

502+93+4+61³.

Во всех академических ассоциативных словарях наиболее частотным является слово-реакция *мать*. Очевидно, в памяти респондентов актуализировались знаменитый советский плакат «Родина-мать зовёт», а также скульптура «Родина-мать» в

² Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции [Электронный ресурс]. URL: <http://iling-ran.ru/mail/publications/evras> (дата обращения 19.08.2021).

³ Шапошникова И. В., Романенко А. А. СИБАС: Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015). URL: <http://adictu.nsu.ru> (дата обращения 19.08.2021).

г. Волгограде. Слово-реакция *семья* на стимул *родина* не зафиксировано ни в одном из словарей, а слово *дом* – только в ЕВРАС. В нашем же эксперименте из 65 человек лишь 4 человека упомянули ассоциат *Родина-мать* (в первом ранге), 1 человек – слово *мать* (в третьем ранге) и 1 человек – фразу *Родина-мать зовёт!* (в восьмом ранге), а самыми распространёнными реакциями оказались слова *дом* и *семья*. Это говорит о том, что *Родина как мать* не находится в самом центре изучаемого нами концепта в массовом сознании студентов Финансового университета, хотя этот метафорический образ, безусловно, присутствует. Исследователь А. Д. Палкин, анализируя реакции русских студентов на слово-стимул *мать*, также обратил внимание на тот факт, что реакция *Родина* незначительна [7, с. 81].

Объяснить такую разницу в первых реакциях на одинаковое слово-стимул можно либо временным диапазоном исследований (разница даже в 7 лет способна изменить приоритеты молодёжи в понимании Родины), либо различием в процедурах проведения экспериментов. Респонденты РАС, ЕВРАС и СИБАС давали свои реакции на несколько слов-стимулов сразу и в связи с ограниченностью во времени указывали явно клишированную фразу. Участники же нашего исследования получали лишь одно слово-стимул и должны были ранжировать свои реакции, т. е. представить на первых позициях действительно то, что им наиболее дорого. Для них *Родина* ассоциируется с домом и семьёй.

Несомненно, для большинства современных людей дом и семья являются главными ценностями в жизни. Показательно, что именно мысли о Родине заставляют думать о семье и доме в первую очередь. Мы предполагаем, что если тем же респондентам предложить в качестве слов-стимулов слова *дом* и *семья*, то реакция *родина* будет не самой распространённой и не будет стоять на первом месте. Дом и семья будут ассоциироваться с родителями и детьми. Таким образом, в ходе своих изысканий мы приходим к выводу, что для современ-

ного светского молодого человека, живущего и обучающегося в России, система ценностей вполне традиционна: СЕМЬЯ (РОДИТЕЛИ, ДЕТИ) – ДОМ – РОДИНА.

Специфические особенности концептуализации Родины в сознании студентов Финансового университета

Специфические особенности концепта *родина* в сознании студентов Финансового университета, на наш взгляд, проявляются на периферии данного ментального образования и вербализуются единичными реакциями.

Обращают на себя внимание наименования населённых пунктов и географических объектов: *Тверь, Москва, Таганрог, Липецк, Усурийск, Коломна, Кавказ, Иордания, Невинномысск, Самара, Тула, горы, Кабарда, Кубань*. Данный факт говорит не только о том, что в университете обучаются студенты из разных частей нашей страны и даже из-за рубежа, но и о том, что они, находясь вместе, друг с другом, соотносят себя не только с университетским сообществом, но и с другими сообществами по территориальному признаку. Напомним, что *родина* для них – это, в первую очередь, не место на карте, а дом, семья. Более того, для некоторых студентов актуальна тоска или ностальгия. Это заметно по единичным реакциям: *там, где семья; память; место, где чувствуешь себя «в своей тарелке»; очень близкое; мама; домашний очаг; хорошо там, где родина; родители; знакомые места; место, где ты родился и вырос; искренность; место, где успокаивается душа; место, где нет языкового барьера; детство; умиротворение; уют; место, где всегда хорошо; улица, на которой вырос; спокойствие; память; лето, старые друзья, комфорт, ностальгия, воспоминания, покой*. Отметим, что многие из этих реакций представляют собой составные наименования, которые, по мнению Т. В. Симашко и В. В. Леденёвой, «могут отражать внутреннюю дифференциацию понятийного содержания концепта» [8]. Поэтому признаём, что изучаемое нами

ментальное образование имеет сложную структуру, порой состоящую из противоположных по значению и коннотации компонентов.

Наряду с абсолютным большинством положительных по коннотации слов зафиксированы единичные реакции с негативным смысловым оттенком: *война, коррупция, несправедливость, репрессии, упадок, отсутствие смены власти, разбитые дороги, водка, беспредел, страх, пропаганда, обыденность, цензура, обособленность от мира, борьба за правду, нестабильность, неуверенность, кризис*. Неоспорим тот факт, что слова, обозначающие эти явления, отражают периферию концепта *родина*. Подобные слова фиксируются во всех ассоциативных экспериментах, но в нашем случае стоит отметить, что перечисленные лексемы и словосочетания не указывались респондентами в первых рангах и, предположительно, обозначают определённую озабоченность студентов по поводу внутренней и внешней политики, экономики и общественной жизни нашего государства. На наш взгляд, данные реакции отражают профессиональную специфику респондентов.

Заключение

По итогам проведённого цепного ранжированного ассоциативного эксперимента мы смоделировали концепт *родина* в массовом сознании студентов Финансового университета и можем констатировать определённые выводы.

1. Студенты 1–2 курсов имеют вполне традиционное представление о Родине. Она является для них безусловной ценностью. Соответствующий концепт в их массовом сознании вписывается в ценностный ряд **семья – дом – родина** и актуализирует непререкаемые человеческие ценности.

2. Концепт *родина* в массовом сознании респондентов имеет иерархическую структуру. Его периферию могут формировать как положительные, так и отрицательные явления современной жизни, но ядро концепта – это ценностные понятия.

Нам представляется, что подобные экспериментальные исследования целесообразны для моделирования концептов национальной культуры в массовом сознании различных сообществ.

Статья поступила в редакцию 19.08.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков В. В. Полисубъектность образовательной среды и проблема профессиональной диверсификации и самоидентификации современных студентов // Дальневосточная весна – 2021: материалы XIX Международной научно-практической конференции по проблемам экологии и безопасности, Комсомольск-на-Амуре, 30–31 марта 2021 г. Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский на-Амуре государственный университет, 2021. С. 12–15.
2. Выговская Д. Г. Ассоциативный эксперимент как один из методов в психолингвистике [Электронный ресурс] // Наука Южно-Уральского государственного университета: материалы 66 научной конференции секции социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
3. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М.: РА-Каравелла, 2001. 320 с.
4. Демидова Т. В., Павловская О. Е. Речевая репрезентация концепта *родина* студентами среднего профессионального образования (СПО) // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2014/ Т. 27 (66). № 1. Ч. 1. С. 106–110.
5. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.
6. Колесник М. А., Саймова В. С. Специфика понимания слова «родина» студентами СФУ [Электронный ресурс] // Молодёжь и наука: сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, посвящённой 155-летию со дня рождения К. Э. Циолковского [2012]. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/7751> (дата обращения: 19.08.2021).

7. Палкин А. Д. Образ матери в языковой картине мира русских и японцев // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 1. С. 71–83.
8. Симашко Т. В., Леденёва В. В. Концепт «Либерализм» в осмыслении современного российского социума // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 19.08.2021).
9. Уфимцева Н. В. Языковое сознание русских в зеркале ассоциативного эксперимента // Русское слово в русском мире: сборник статей. М.; Калуга: Эйдос, 2004. С. 40–45.

REFERENCES

1. Volkov V. V. [The Polypersonal Nature of the Educational Environment and the Problem of Professional Diversification and Self-identification of Modern Students]. In: *Dal'nevostochnaya vesna – 2021: materialy XIX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po problemam ekologii i bezopasnosti, Komsomol'sk-na-Amure, 30–31 marta 2021 g.* [Far Eastern Spring – 2021: Materials of the XIX International Scientific and Practical Conference on Problems of Ecology and Security, Komsomolsk-on-Amur, March 30–31, 2021]. Komsomolsk-na-Amure, Komsomolsk-na-Amure State University Publ., 2021, pp. 12–15.
2. Vygovskaya D. G. [Association Experiment as One of the Methods in Psycholinguistics]. In: *Nauka Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta: materialy 66 nauchnoi konferentsii seksii social'no-gumanitarnykh nauk* [Science of the South Ural State University: Materials of the 66th Scientific Conference of the Section of Social and Humanitarian Sciences]. Chelyabinsk, South Ural State University Publ., 2014. 1 DVD-ROM.
3. Goroshko E. I. *Integrativnaya model' svobodnogo asociativnogo eksperimenta* [An Integrative Model of a Free Association Experiment]. Kharkov, Moscow, RA-Karavella Publ., 2001. 320 p.
4. Demidova T. V., Pavlovskaya O. E. [Speech Representation of the Concept of *Homeland* by Students of Secondary Vocational Education]. In: *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernad'skogo. Seriya: Filologiya. Social'nye kommunikatsii* [Scientific Notes of the Vernadsky Tavrichesky National University. Series: Philology. Social communications], 2014, vol. 27 (66), no. 1, iss. 1, pp. 106–110.
5. Karaulov Yu. N. [Indicators of National Mentality in the Associative-Verbal Network]. In: Ufimceva N. V., ed. *Yazykovoie soznanie i obraz mira* [Language Consciousness and the Image of the World]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., 2000, pp. 191–206.
6. Kolesnik M. A., Sajmova V. S. [Specificity of the Understanding of the Word “Homeland” by Students of the Siberian Federal University]. In: *Molodyozh' i nauka: sbornik materialov VIII Vserossiiskoi nauchno-tekhnikheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, posvyashchennoi 155-letiyu so dnya rozhdeniya K. E. Tsiolkovskogo* [Youth and Science: A Collection of Materials of the VIII All-Russian Scientific and Technical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, Dedicated to the 155th Birthday of K. E. Tsiolkovsky], 2012. Available at: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/7751> (accessed: 19.08.2021).
7. Palkin A. D. [The Image of Mother in the Language Picture of the World of Russians and Japanese]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, vol. 18, no. 1, pp. 71–83.
8. Simashko T. V., Ledeneva V. V. [The Concept of “Liberalism” in the Understanding of Modern Russian Society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 19.08.2021).
9. Ufimceva N. V. [Linguistic Consciousness of Russians in the Mirror of an Association Experiment]. In: *Russkoe slovo v russkom mire* [Russian Word in the Russian World]. Moscow, Kaluga, Ejdos Publ., 2004, pp. 40–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гимаев Ян Айратович – кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: yan094@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan A. Gimaev – Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer, Department of English for Professional Communication, Financial University under the Government of Russian Federation;
e-mail: yan094@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гимаев Я. А. Моделирование концепта *родина* в сознании студентов 1–2 курсов Финансового университета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 12–22.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-12-22

FOR CITATION

Gimaev Ya. A. Modeling the Concept of Motherland in the Consciousness of the First- and Second-Year Students of the Financial University. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 12–22.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-12-22

УДК 81-26

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-23-28

«РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА: НЕПРОДУКТИВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

Добродомов И. Г., Чапаева Л. Г.

Московский педагогический государственный университет

119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать узуальные потенциальные возможности слов, выбранных автором словаря.

Процедура и методы. В работе применялись методы анализа, синтеза, интерпретации.

Результаты. Выявлено, что «Словарь» А. И. Солженицына создавался преимущественно на основе «Словаря» В. И. Даля, из которого на субъективной основе отбирались слова для языкового расширения с той целью, чтобы архаичные или диалектные слова могли бы быть использованы писателями и в определённой мере были возрождены. В предлагаемом исследовании рассматривается группа слов с суффиксом *-ищ-*, преимущественно с финалью *-е*, иногда *-а*, и анализируется, в какой степени «оживляемые» слова отвечают тенденциям развития самого языка, которые, как известно, мало зависят от воли и желания его носителей. Данный класс во многих значениях продуктивен в древнерусском периоде, но уже в старорусском становится непродуктивным. Большинство слов, называющих объект, орудие труда в современном русском языке относятся к книжной или архаичной лексике. Из-за несоответствия некоторых образований грамматическим закономерностям языка, т. е. противоречия историческим тенденциям языкового развития, они не могут пополнять словарный запас современного носителя языка, но способны быть элементами художественной речи, формирующими изобразительные и эстетические функции.

Теоретическая и/или практическая значимость. Наблюдения и выводы могут быть использованы в курсах по словообразованию, изучению творчества писателя.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, словарь, словообразование, языковое расширение, суффикс *-ищ-*, продуктивность

“RUSSIAN DICTIONARY OF LANGUAGE EXPANSION” OF A. SOLZHENITSYN: UNPRODUCTIVE WORD-FORMATION MODELS

I. Dobrodomov, L. Chapaeva

Moscow Pedagogical State University

ul. Malaya Pirogovskaya 1/1, Moscow 119435, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to analyze the common potentialities of the words chosen by the author of the dictionary.

Methodology. The research relies on such methods as analysis, synthesis, and interpretation.

Results. It is found that the "Dictionary" by A. I. Solzhenitsyn was created mainly on the basis of the V. I. Dal' s Dictionary, from which, on a subjective basis, words were selected for linguistic expansion in order that archaic or dialect words could be used by writers and to a certain extent be revived. The proposed study examines a group of words with the suffix *-ishch-*, mainly with the ending *-e*, sometimes *-a*, and analyzes the extent to which "revived" words correspond to the developmental tendencies of the language itself, which, as is known, depend little on the will and desire of its carriers. This class is productive in many ways in the Old Russian period, but already in the Old Russian period it becomes unproductive. Most of the words that name an object, a tool of labor in modern Russian refer to book or archaic vocabulary. Due

to the inconsistency of some formations with the grammatical laws of the language, that is, contradictions to the historical trends of language development, they cannot replenish the vocabulary of a modern native speaker, but they are able to be elements of artistic speech that form pictorial and aesthetic functions.

Research implications. Observations and conclusions can be used in courses on word formation, as well as the study of the writer's creativity.

Keywords: A. Solzhenitsyn, dictionary, word formation, linguistic expansion, suffix -ishch-, productivity

Введение

«Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына впервые вышел в 1990 г., затем несколько раз переиздавался (в работе используется одно из последних изданий – 2000 г.). Почти сразу он вызвал отклики как положительные, так и критические. Лексикографы полагают, что эту книгу не стоило называть словарём, т. к. никаким критериям лексикографического описания она не отвечает. Это, скорее, словник, отражающий идею автора о способе обогащения современного русского языка: «Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств»¹. В «Объяснении» к словарю автор говорит об основном способе отбора слов: он выписывал понравившиеся слова, «внимчиво» читая «Словарь» В. И. Даля и труды других писателей, т. е. выступал не как автор-создатель, а «как воскреситель редких и забытых слов, главным образом заимствованных у Даля и писателей-словотворцев» [5, с. 207], с целью выявить лексику хоть и пассивную, но способную, по его мнению, перейти в активную часть русского языка. Однако авторские оговорки и о субъективности подхода, и об узкой функциональности словаря, интересного в основном писателям (сам автор использовал лишь «пятисотую часть найденного»²), кажется, должны бы снять все вопросы и замечания к составу словника. Тем не менее, стало любопытно проверить, в какой степени «оживляемые» слова отвечают тенденциям развития самого языка, которые, как известно, мало зависят от воли и желания его носителей.

¹ Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 3.

² Там же. С. 4.

Анализ группы слов с суффиксом -ищ

Для анализа была выбрана группа существительных с суффиксом -ищ- (варианты -вищ-, -лищ-, -бищ-) преимущественно с финалью -е, иногда -а. Подобных слов оказалось неожиданно много – 132. Все слова, кроме одного, взяты из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля. Одно слово – *картофельище* – найдено у Л. Толстого (указание А. И. Солженицына. – И. Д., Л. Ч.). Стоит отметить, что в «Русской грамматике» слово *картофельище* дано как новое [3, с. 192].

В современном русском языке, по данным авторов «Русской грамматики», слова с суффиксом -ищ-, во-первых, преимущественно связаны со средним родом (однозначную связь суффикса со средним родом в исходной древнерусской системе подчёркивает и Ю. С. Азарх [1, с. 7]); во-вторых, образования с -ищ- могут быть мотивированы словами разных частей речи; в-третьих, чаще всего они передают значение места или пространства с некоторыми нюансами в оттенках значений. Понятно, что и в словнике А. И. Солженицына существительных с этими значениями большинство. Например, слова, называющие:

1) предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом: *виталище, вместилище, гнездилище, летовище, закрывище, ловище, крестилище, куревище* (свежее пожарище), *обителище, пребывище, пребывалище, спище торжище, торговище* и др.;

2) место того, что названо мотивирующим существительным; здесь два типа значений: а) «место по находящемуся на нём предмету или по производимому действию» [3, с. 192] *глинище, глиновище, греховище, грязевище, идолище, каршевище, муравьище, волчье нырище*; б) место, где

прежде находился предмет или действие: *городище, гречанище, грозовище, дворище* и *дворовище, жнище* и *жнивище, добровище, обметище, овсище, огнище, печище, пожарище, разбоище, разорище, ржище, ржанище, пшенище, юртовище*. Ко второй группе примыкают слова, мотивированные прилагательными и называющие пространство, – это в основном названия площадей под сельскохозяйственными культурами типа *овсянище, овсище*. Стоит заметить, что *мотивированность* – термин синхронного словообразования. В диахронии ему соответствует понятие *продуктивности*. Однако, по справедливому замечанию Л. Н. Новиковой, «синхронные словообразовательные отношения (мотивация) не всегда аналогичны пути образования слова» [2, с. 24]. Производные слова могли быть «образованы в русском языке (в древнерусскую, старорусскую эпоху или в новое время)» и сохранять «в русском языке живые связи со своим производящим» [2, с. 24]. Относительно рассматриваемых нами образований можно вполне признать, что они и производны, и сохраняют мотивированность от производящего слова.

Имена с пространственным значением (и в том числе указывающие на место), как отмечает Ю. С. Азарх, были продуктивными в древнерусский период [1, с. 185], но в старорусский период словопроизводственная база имён с пространственным значением на *-ище* сужается, по крайней мере тех, что мотивированы глаголами. Исследователь также отмечает, что «в деловом языке слова с пространственным значением на *-ище* часто употребляются с определением *старое*, что указывает на ослабление у дериватов на *-ище* этого типа мутационного словообразовательного значения ‘носитель предметного признака – место, где находился предмет, названный производящим словом’» [1, с. 185]. А. И. Солженицын обратил на это особое внимание: почти у всех слов с местным значением в толковании есть указание на то, чем место, указанное в деривате, было в прошлом, т. е. дано производящее сло-

во: «*дворище, дворовище* – место, где был двор»¹; «*доброчище* – остаток погибшего добра»²; *огнище* – место, где разводился огонь³; *разбоище* – место, где был разбой»⁴ и т. п. Вероятно, исторически подобные образования с определённого времени начинают конкурировать с имеющими тот же суффикс, но уже в экспрессивном, увеличительном значении – помета *старое* в деловых текстах помогает отличить эти слова от слов с увеличительным значением. Кроме того, параллельно существуют и пополняются пространственные дериваты с другими суффиксами.

Итак, уже в древности существительные с суффиксом *-ищ-*, мотивированные глаголом и указывающие на ‘место, где находился предмет’, представляют непродуктивный класс.

К этой группе дериватов, мотивированных глаголом, авторы «Русской грамматики» отнесли и существительные, называющие субъект, объект, орудие действия, а также *прозвище* [3, с. 153]. Большинство слов в современном русском языке относятся к книжной или архаичной лексике. В «Словаре» А. И. Солженицына эта группа кроме слов архаичных, включает и диалектные: *игралище, седалище, чтилище, потычище* (‘посмешище, на что пальцами тычут’), *чувствилище* человека, *запужище, назвище, назывище, продразнище*. По мнению авторов «Русской грамматики», в этой группе только вариант суффикса *-ищ(е)* обнаруживает некоторую продуктивность в образованиях с местным значением [3, с. 192].

К непродуктивному типу авторы «Русской грамматики» относят слова, называющие часть (обычно рукоятку) предмета, обозначенного в основе мотивирующего прилагательного [3, с. 176]. Надо сказать, что и в древности названия рукоятей имели ограниченную словопроизводственную базу, были малопродуктивны.

¹ Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. С. 54.

² Там же.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 207.

В «Словаре» А. И. Солженицына интерес вызвали существительные, значение которых не соответствует современному, в частности, *ножевище* – ‘неосаженный нож’, т. е. именно лезвие, а не рукоять (!); *лопатище* дано лишь как увлч. без толкования, ‘рукоять’, вероятно, признаётся словом активного лова; в значении ‘рукоять’ отмечено лишь *грабловище*. К значению ‘часть предмета’ относятся также *колосовище* – ‘верх снопа’, *переднище* – ‘передняя часть чего-либо’.

Единственным вполне продуктивным типом образований с суффиксом *-ищ-*, правда, в разговорном языке и художественной речи, можно считать лишь слова с субъективно-оценочным значением увеличительности типа *человечище*. У подобных дериватов родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется, при этом слова мужского и среднего рода имеют окончание *-е* (*дружище, веслище*), слова женского рода – окончание *-а* (*ручища*) [3, с. 216]. В древних текстах такие образования встречались редко, т. к. относились к разговорной речи. Кроме того, как отмечает Ю. С. Азарх, «характерной особенностью славянских субъективно-оценочных имён является их первичная принадлежность к среднему роду ... при мужском или женском роде производящих существительных» за исключением некоторых деминутивов, и окончание было только *-е* [1, с. 67]. В «Словаре» А. И. Солженицына слов с указанием на значение увеличительности немного (многие из них всем известны, модель активная и достаточно продуктивная, цели писателя они не отвечали), часто это значение даётся через толкование со словом *большой*, но недоумение вызывает не это. Вслед за В. И. Далем А. И. Солженицын отбирает слова, противоречащие грамматическим закономерностям русского языка. Проявляется это в том, что слова мужского рода (специальное указание в «Словаре») оканчиваются на *-а*: *городища* – ‘большой город’; *дворища* – ‘большой двор’; *идолища* – ‘истукан’; *огнища* – м. ‘большой огонь’; *пожарища* – м. ‘большой пожар’; а также *хватища, хва-*

тюга – ‘удалец’. К мужскому роду отнесён и вариант *плотища* (наряду с *плотище*) – ‘дебаркадер на воде’; к женскому только *ленища* – ‘увлч. от лени’ и *ужища* – ‘верёвка, снасть’. Конечно, вопрос возникает не столько к А. И. Солженицыну, сколько к В. И. Далю: подобных дериватов либо нет в русских говорах, либо для них в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) указан или иной род, или иное значение. Таких слов всего два: *городища* – ‘возвышенный одинокий кряж; подводная каменная мель’; *плотища* – значение совпадает, но род женский!¹ Получается, что такие образования – авторская вольность В. И. Даля. Впрочем, и сам он, оправдываясь перед критиками его детища, писал: «На что я пошлюсь, если бы потребовали у меня отчёта, откуда я взял такое-то слово? Я не могу указать ни на что, кроме самой природы, духа нашего языка, могу лишь сослаться на мир, на всю Русь, но не знаю, было ли оно в печати, не знаю, где и кем и когда говорилось. Коли есть глагол: *пособлять, пособить*, то есть и *посабливать*, хотя бы его в книгах наших и не было, и есть: *посабливанье, пособление, пособ* и *пособка* и пр. На кого же я сошлюсь, что слова эти есть, что я их не придумал? На русское ухо, больше не на кого»². Очевидно, что «Словарь» В. И. Даля – не столько реальный список слов, существующих в национальном русском языке, сколько моделирование возможных слов в большинстве словарных гнезд. То же можно сказать и о многих лексемах «Словаря» А. И. Солженицына.

Заключение

Таким образом, анализ даже небольшой группы слов, образованных по определённой деривационной модели, позволяет прийти к следующему выводу. Непродуктивность в основных значениях класса существительных с суффиксом *-ищ-* – и не только в современном русском языке, но уже в древ-

¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 27: Печечки-Подельвать. СПб.: Наука, 1992. С. 152.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1: А-З. М.: Типография М. О. Вольфа, 1880. С. LXXXVIII.

ности (по крайней мере, в старорусский период, XVI–XVII вв.), – несоответствие некоторых образований грамматическим закономерностям языка, т. е. противоречие историческим тенденциям языкового развития, не способствующим их «оживлению» и потенци в качестве «расширителей» словарного запаса. Но субъективный, не профессионально лингвистический, отбор «далевских словечек», по справедливому замечанию М. Н. Эпштейна, «усиливает эффект их художественности, придуманности, поскольку они выделены из массы привычных, употребительных слов и предстают в своей особенности, внеположности языку» [5, с. 212]. Отказываясь от авторского начала в «Словаре», А. И. Солженицын тем не менее выступает здесь именно как автор, творец, полагающийся и на своё «русское ухо», а не только чувство языка В. И. Даля. В отборе слов обнаруживаются

художественные, изобразительные задачи: дать средства для более точной, тонкой и подробной передачи пространственных отношений (в частности, в назывании места), объёма и формы тех или иных действий, предметов или их важных частей.

Как справедливо заметила С. Г. Шулежкова, «учебная литература по истории русского языка отстаёт от современной науки. В пособиях для будущих русистов нет разделов по исторической морфемике и историческому словообразованию, хотя они сформировались уже к середине XX в.» [4, с. 48]. Мы можем заключить, что наблюдения над словообразовательными моделями, включёнными А. И. Солженицыным в «Словарь», могут быть полезны для курсов исторического словообразования.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх Ю. С. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984. 246 с.
2. Новикова Л. Н. Соотношение понятий «производность» и «мотивированность» в описании фактов диалектного словообразования // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4-2. С. 23-26.
3. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.
4. Шулежкова С. Г. Русское словообразование с позиции историка языка в вузовском преподавании // Болгарская русистика. 2018. № 2. С. 48-57.
5. Эпштейн М. Н. Слово как произведение. О жанре однословий // Новый мир. 2000. № 9. С. 202-220.

REFERENCES

1. Azarh Yu. S. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nyh v istorii russkogo yazyka* [Word Formation and Form Formation of Nouns in the History of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 246 p.
2. Novikova L. N. [Correlation of the Concepts of “Productivity” and “Motivation” in the Description of the Facts of Dialect Word Formation]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vятka State Humanitarian University], 2009, no. 4-2, pp. 23-26.
3. Shvedova N. Yu., ed. *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.
4. Shulezhkova S. G. [Russian Word-formation From the Perspective of a Language Historian in University Teaching]. In: *Bolgarskaya rusistika* [Bulgarian Russian Studies], 2018, no. 2, pp. 48-57.
5. Epstein M. N. [Word as a Work. On the Genre of One-word Words]. In: *Novyj mir* [New World], 2000, no. 9, pp. 202-220.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Добродомов Игорь Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета;
e-mail: ig.dobrodomov@mpgu.su

Чапаева Любовь Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета;
e-mail: lg4@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor G. Dobrodomov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of General Linguistics, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: ig.dobrodomov@mpgu.su

Libov G. Chapaeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of General Linguistics, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: lg4@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Добродомов И. Г., Чапаева Л. Г. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына: непродуктивные словообразовательные модели // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 23–28.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-23-28

FOR CITATION

Dobrodomov I. G., Chapaeva L. G. “Russian Dictionary of Language Expansion” of A. Solzhenitsyn: Unproductive Word-Formation Models. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 23–28.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-23-28

УДК 81-112.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-29-35

РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ИМПЕРФЕКТИВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ГНЕЗДЕ С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *PEI- / *POI-

Иванова Е. Н.

Вологодский государственный университет

160000, Вологодская обл., г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описать развитие категории имперфективности в историческом гнезде с праславянским корнем *pei- / *poi-, проанализировать видовые оппозиции с участием глагола *поить* и производных от него глаголов.

Процедура и методы. Используются методы наблюдения, описания, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. В работе проанализированы многочленные видовые корреляции, в состав которых входят имперфективные формы, образованные по разным моделям. Выявлены факторы, обуславливающие преобразование исходных видовых корреляций, дано описание процесса параллельного образования видовых форм, результатом которого является возникновение в историческом гнезде с праславянским корнем *pei- / *poi- одинаково звучащих, но семантически нетождественных глаголов. Проведённый анализ показал, что развитие категории имперфективности – это один из важнейших факторов, повлиявших на формирование исторического гнезда с праславянским корнем *pei- / *poi-.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в изучение становления глагольной категории вида в русском языке. Результаты исследования могут найти применение в вузовской практике преподавания лингвистических дисциплин.

Ключевые слова: история русского языка, историческое корневое гнездо, глагол, категория вида, суффикс, инфикс

DEVELOPMENT OF THE CATEGORY OF IMPERFECTIVITY IN THE HISTORICAL PARADIGM WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT *PEI- / *POI-

E. Ivanova

Vologda State University

ul. Lenina 15., Vologda 160000, Vologda Region, Russian Federation

Abstract

Aim. We describe the development of the category of imperfectivity in the historical paradigm with the proto-slavic root *pei- / *poi-, and analyze species oppositions with the participation of the verb *poiti* and verbs derived from it.

Methodology. Use is made of the methods of observation, description, generalization and interpretation of results.

Results. The paper analyzes polynomial species correlations, which include imperfect forms produced by different models. The factors that determine the transformation of the original species correlations are revealed. We describe the process of parallel formation of species forms, the result of which is the emergence of similarly sounding, but semantically non-identical, verbs in the historical paradigm with the proto-slavic root *pei- / *poi-. The analysis shows that the development of the category of imperfectivity is one of the most important factors that influenced the formation in the historical paradigm with the proto-slavic root *pei- / *poi-.

Research implications. The research contributes to the study of the formation of the verb category of the species in the Russian language. The research results can find application in the university practice of teaching linguistic disciplines.

Keywords: history of the Russian language, historical root paradigm, verb, species category, suffix, infix

Введение

В современном русском языке праславянский корень **pei-* / **poi-* (основная ступень чередования) / **pai-* (ступень продления) / **pъj-* (ступень редукции) представлен алломорфами *nej-* / *noj-* / *naj-* / *nij-* / *nъj-* / *ni-*. Исконное значение корня – ‘поглощать, всасывать, впитывать какую-либо жидкость’. В праславянском языке от именной основы **poi-* при помощи суффикса глаголов 4-го класса **-i-* был образован глагол **pojiti*, каузатив по отношению к глаголу **piti*. В истории русского языка глагол **pojiti* и производные от него глаголы активно включаются в словообразовательные процессы, связанные с развитием грамматической категории вида.

Проблема становления категории вида в русском языке до сих пор не имеет однозначного решения. Теоретическую основу данной работы составляет гипотеза Ю. С. Маслова, согласно которой развитие категории вида связано с формированием новых моделей имперфективации [4, с. 446]. Как отмечает В. Б. Силина, «становление славянского глагольного вида начиналось с развития количественной (т. е. итеративно-дуративной) аспектуальности, которое происходило в сфере приставочных глаголов» [8, с. 195]. Следующий этап становления категории вида – появление оппозиций, в которых производные имперфективные образования составляли коррелятивную пару производящему префиксальному глаголу результативного способа действия. С. Д. Никифоров считает, что категория вида в русском языке сложилась к XVII в., когда видовые отношения вытеснили более ранние способы выражения длительности [6, с. 127]. По мнению В. Б. Силиной, упорядочение видовой системы произошло в XVIII – начале XIX вв. [3, с. 176].

В отечественной аспектологии нет единого мнения о статусе глагольной категории вида. А. В. Бондарко, Ю. С. Маслов и др. считают инвариантным значением категории вида семантику предельности / неопределенности действия [1; 4]. Вслед за И. Г. Милославским мы рассматриваем категорию вида как словообразовательную категорию, а процесс имперфективации – как процесс словообразования [5, с. 38].

Видовые корреляции с участием глагола *поить* и производных от него приставочных глаголов

Первичное видовое противопоставление сложилось между глаголом **pojiti* и его дуративной формой **pajati*, образованной от праславянского корня на ступени продления **pai-* при помощи суффикса **-a-*. В дальнейшем эта модель была использована для выражения имперфективного значения в сфере приставочных глаголов. В Этимологическом словаре славянских языков (далее – ЭССЯ) зафиксированы глаголы **napajati*, **obpajati*, которые составляли коррелятивные пары с предельными глаголами общего вида **napojiti*, **obpojiti*. Данные оппозиции стали наиболее древним типом видовых корреляций в исследуемом историческом корневом гнезде (далее – ИКГ).

Приставочные глаголы 3-го класса с суффиксом *-a-*, образованные от глаголов 4-го класса на *-и-*, получили широкое распространение уже в самых ранних памятниках письменности¹. Первая письменная фиксация отвлечённо-длительного глагола *напаяти*, по данным Словаря русского языка XI–XVII вв. (далее – СлРЯ XI–XVII вв.), относится к 1057 г.: *Къждо васъ въ субботу не отрѣштитъ ли волю своего или осьла отъ ясли и ведъ напаяеть*

¹ Колесов В. В. История русского языка: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. С. 522.

(Лук. XIII, 15–16)¹. Производный глагол *напаяти* отражает в своей семантической структуре многозначность производящего *напоити*. В СлРЯ XI–XVII вв. у глагола *напаяти* отмечаются следующие значения: ‘поить, утолять чью-либо жажду’, ‘орошать, поливать, увлажнять, напитывать влагой’, ‘насыщать, преисполнять’. Глагол *опаяти* ‘поить’ в исторических словарях не зафиксирован.

Как отмечает В. Б. Силина, глагольные формы с суффиксом *-а-*, основная функция которого – тематизация глагольных основ, обнаруживают отчётливое тяготение к перфективности [3, с. 168]. Вероятно, неустойчивость видовой принадлежности изначально была свойственна и имперфективу **нарајати*. Уже в праславянском языке глагол **нарајати* подвергся вторичной имперфективации. В ЭССЯ отмечен глагол **наројавати* / **нарајавати*, который, по мнению О. Н. Трубачёва, является результатом дальнейшей имперфективации, сравнительно с более древним **нарајати*². Таким образом, двучленная видовая корреляция **наројити* – **нарајати* трансформируется в многочленную **наројити* – **нарајати*, **нарајавати*.

По данным СлРЯ XI–XVII вв., единственная фиксация глагола *напаявати* ‘поить, утолять чью-либо жажду, насыщать’ в русском языке относится к XVII в.³ В памятниках письменности более частотными являются стяжённые формы *напавати*, *напаватися*. Как отмечает О. Н. Трубачёв, формы, возникшие в результате опущения интервокального йота и последующего стяжения избыточного вокализма, представляют собой инновацию позднепраславянского времени с возможным дунайско-славянским центром⁴. Вероятно, появление данных форм в списках Толковой

Палеи, Хроники Георгия Амартола и Пчелы, датированных XIV–XV вв., связано со вторым южнославянским влиянием.

Употребительность стяжённых форм в указанных памятниках письменности может быть обусловлена тем, что XIV–XV вв. – это период, когда суффикс *-ва-*, специализированное средство имперфективации, обладал высокой продуктивностью. В древнерусском языке глаголы с основами на корневой гласный могли входить в трёхчленные видовые корреляции, в составе которых параллельные имперфективные формы различались суффиксами *-ја-*, *-ва-* (*излити* – *излияти*, *изливати*). Формы с суффиксом *-ва-* постепенно расширяли сферу употребления и вытесняли имперфективы на *-ја-*. В XIV–XV вв. лексема *напаяти* подвергается архаизации. В этот период в результате аналогического воздействия форм типа *излити* – *излияти*, *изливати* имперфективный вариант *напавати* включился в видовую корреляцию *напоити* – *напаяти*, однако не смог приобрести устойчивый статус и не был сохранён русским языком.

В глаголе *напаяти*, обнаруживающем тяготение к перфективации, значение длительности действия ослаблено. Это повлекло поиск новой, более выразительной имперфективной формы. В древнерусском языке имперфективы от глаголов на *-и-* могли образовываться при помощи суффикса *-ова-/ева-* (*възвеличевати*, *въпрошевати*, *порабоцевати*) [3, с. 172]. В древнерусских памятниках отмечен глагол *напоевати*, словообразовательный вариант имперфектива *напаяти* (*напояти*). Первая фиксация глагола *напоевати*, по данным СлРЯ XI–XVII вв., относится к XIII в.: *Источникъ учения напоева цркъвное лице*⁵. Глагол *напоевати* был известен в XIX в.: лексема отмечена в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля и в Словаре церковнославянского и русского языка⁶. Словарь

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. С. 169.

² Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 22 / под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1995. С. 221.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. С. 169.

⁴ Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 22. / под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1995. С. 221.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. С. 181.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. 3-е изд. М.: Прогресс, 1994. С. 458.

Академии Российской фиксирует глагол *упоевати*, образованный по аналогии с *напоевати*: *упоеваю* ‘довольно допьяна даю пить, напиться влагою’¹.

С XVI в. в связи с дальнейшим развитием категории вида в памятниках письменности широкое распространение получают глаголы на *-ивать*, *-ывать*. В исследуемом ИКГ отмечены имперфективы *вспаивать*, *выпаивать*, *допаивать*, *запаивать*, *испаивать*, *недопаивать*, *опаивать*, *попаивать*, *напаивать*, *отпаивать*, *переплаивать*, *подпаивать*, *спаивать*, *пропаивать*, *упаивать*. В современном языкознании нет однозначного ответа на вопрос о способе образования глаголов на *-ивать*. С точки зрения синхронного словообразования, такие лексемы образованы суффиксальным способом на базе усечённой производящей основы [7, с. 349]. Согласно этой точке зрения производные глаголы *выпаивать*, *допаивать*, *напаивать*, *отпаивать* и т. д. образовались путём присоединения суффикса *-ива-* к сегменту производящей основы *выпоить*, *допоить*, *напоить*, *отпоить*, возникшему в результате усечения конечного *-и-*.

Образование слов подобного типа в работах исследователей, представляющих школу русского исторического словообразования, трактуется иначе: способ их образования определяется как инфиксальный. Как отмечают Д. Г. Демидов и А. М. Камчатнов, глаголы на *-ивать*, как правило, образованы «с помощью инфикса *-ив-* от глаголов отвлечённо-длительного способа действия на *-ять*, которые, в свою очередь, образованы от приставочных глаголов IV класса со значением результативного способа действия» [2, с. 123]. Следовательно, глагол *напаивать*, который известен в русском языке с XVIII в., образован от лексемы *напаять*. Способ словообразования – инфиксальный, инфикс *-ив-* имеет значение интенсивно-длительно-го способа действия, это значение также выражается переносом ударения на корень.

Глаголы 3-го класса с суффиксом *-а-* могут терять значение отвлечённо-длительного

способа действия. Как отмечают Д. Г. Демидов и А. М. Камчатнов, «инфикс *-ив-* есть тот элемент, который “усиливает вес” суффикса *-а-*, благодаря ему суффикс *-а-* как бы обретает “вторую молодость”, то есть значение интенсивного отвлечённо-длительного способа действия» [2, с. 121]. Таким образом, в структуре глагола *напаивать* инфикс *-ив-* является дополнительным средством имперфективации.

В XIX в. старые и новые имперфективные формы ещё сосуществовали, в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля представлен ряд однокоренных глаголов несовершенного вида, противопоставленных перфективному глаголу *напоить*: «*напаивать* или *напоевать* или *напоять*, а в церк. также *напаяти*»². В результате конкуренции словообразовательных синонимов глагол *напоевать*, занимавший недостаточно устойчивую позицию в системе имперфективных форм, выходит из употребления. Глагол *напаять* в XV–XVIII вв. приобрёл стилистическую маркированность: в Словаре русского языка XIII в. глагол дан с пометой *Слав.*³, в Словаре церковнославянского и русского языка – с пометой *Церк.*⁴. В XX в. славянизм *напаять* был оттеснён на периферию русского литературного языка: по данным Национального корпуса русского языка, в текстах XVII–XIX вв. глагол *напаять* (*напоять*) использован 51 раз, в XX–XXI вв. – только 16. Глагол *напаять* устойчиво сохраняется в богослужебных текстах, в значении ‘насыщать, преисполнять’ славянизм также используется в церковных ораторских текстах: *Не только медом и млеко духовным, блаженной радостью о Господе **напоят** нас Апостол Иоанн Богослов – в его посланиях звучат и увещевания, и предостережения, и обличения*⁵.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. 3-е изд. М.: Прогресс, 1994. С. 458.

³ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13 / гл. ред. Ю. С. Сорокин. СПб.: Наука, 2003. С. 261.

⁴ Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. Т. 2. СПб.: Императорская Академия Наук, 1847. С. 389.

⁵ Владимир (Иким), митр. Слово в день памя-

Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. Т. 2. СПб.: Императорская Академия Наук, 1847. С. 392.

¹ Словарь Академии Российской. Т. 4. СПб, 1793. С. 1027.

Интенсивно-длительный глагол *напаять*, по данным Национального корпуса русского языка, обычно употребляется в значении ‘поить до опьянения’ и тяготеет к сфере разговорной речи: *Мне было бы неприятно попасть в такой барский дом, где хозяин, примостившийся к литературе, кормил и поил литературскую братию, как, бывало, баре в крепостное время держали прихлебателей и напаявали их*¹. Таким образом, лексемы *напаять* и *напаявать* распределяются по разным стилям русского литературного языка.

В исследуемом ИКГ большая группа приставочных глаголов на *-ивать* (*вспаивать, выпаяивать, допаяивать, запаяивать, испаяивать, недопаяивать, опаяивать, попаяивать, отпаяивать, перепаяивать, подпаяивать, спаяивать, пропаяивать, упаяивать*) не имеет реальных производящих звеньев типа **вспаивать, *выпаяивать*. Следовательно, глаголы *вспаивать, выпаяивать* и т. д. образованы от основ *вспойть, выпойть*. Средством словообразования является суффикс *-ва-* со значением несовершенного вида, это значение также выражается продлением гласного корня и переносом ударения на корень. Для корреляций типа *вспойть – вспаяивать, выпойть – выпаяивать* источником аналогии стала видовая пара *напойть – напаяивать* без среднего звена *напаять*.

Видовые корреляции с участием глаголов, производных от *паять*. Омонимия в историческом гнезде с праславянским корнем **rei- / *roi-*

В данное ИКГ включается глагол **rajati* ‘соединять паянием’, образованный от праславянского корня на ступени продления **rai-* и представляющий собой дуративную форму глагола **roitī*, возникшую в результате развития одной из

семантических составляющих исходного корня (ср. цслав. *съпоити* ‘связать, спаять’, сербохорв. *spoјiti* ‘соединять, спаяивать’, словен. *spojiti* – то же, чеш. *pojiti, spojiti* ‘соединить’, польск. *spoić* – то же, *spój* ‘соединение, связь’). Этимологическое родство *поить* ‘давать пить’ и *паять* ‘соединять паянием’ находит обоснование в сходстве процесса пайки при помощи расплавленного металла, с поением [9, с. 748]. Как отмечает Ж. Ж. Варбот, глагол **rajati* ‘соединять паянием’ является праславянским диалектизмом восточнославянских языков². Первая фиксация глагола *паяти* в памятниках письменности относится к XVII в.: *Прислать к нам двух члѣвкъ нарочитых ... на соборнои црѣкве кровля поять из наиму*³.

Приставочные глаголы *впаять, выпаять, допаять, запаять, напаять, отпаять, перепаять, попаять, подпаять, припаять, пропаять, распаять, спаять*, по данным словарей, известны в русском языке с XVII в. В XVII–XIX вв. от глаголов совершенного вида *впаять, выпаять, допаять, запаять* и т. д. инфиксальным способом были образованы имперфективные формы *впаяивать, выпаяивать, допаяивать, запаяивать, напаяивать, отпаяивать, перепаяивать, попаяивать, подпаяивать, припаяивать, пропаяивать, распаяивать, спаяивать*.

Таким образом, в результате параллельного словообразования, связанного с развитием категории вида, в историческом гнезде с праславянским корнем **rei- / *roi-* возникли одинаково звучащие, но семантически нетождественные глаголы на *-ять, -ивать*. Омонимы *напаять*¹ ‘поить’ – *напаять*² ‘припаять’ образованы в разные периоды истории русского языка, имеют разные производящие основы и отличаются друг от друга способом словообразования. Глаголы также характеризуются стилистическими различиями: *напаять*¹

ти апостола и евангелиста Иоанна Богослова [Электронный ресурс] // Журнал Московской патриархии. 2004. № 5 (52). URL: http://www-old.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/04/12-04/08.htm (дата обращения: 12.04.2021).

¹ Боборыкин П. Д. Воспоминания (1906–1913): в 2 т. Т. 1. За полвека. М.: Художественная литература, 1965. С. 280.

² Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 40 / под ред. А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2016. С. 218.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. С. 182.

является славянизмом, что определяет специфику его употребления и ограничивает частотность. Омонимы *напаяивать*¹ 'поить' и *напаяивать*² 'припаяивать' образованы инфиксальным способом от глаголов *напаять*¹ и *напаять*². Если в структуре глагола *напаяивать*¹ инфикс -ив- является средством усиления значения длительноности действия, то в составе глагола *напаяивать*² инфикс -ив- имеет собственно видовое имперфективное значение.

Заключение

Развитие категории имперфективности является одним из важнейших факторов, повлиявших на формирование ИКГ, поскольку большая часть словообразовательных гнезд в составе данного ИКГ представлена глаголами. На разных этапах развития ИКГ глагол *поить* и производные от него глаголы входили в состав

различных двучленных и многочленных видовых корреляций. Наибольшей вариативностью отличалась система имперфективных форм глагола *напоить* (*напаять*, *напаяивать*, *напаявать*, *напаявать*, *напаявать*). Предпосылкой для появления новых имперфективных образований стало включение глагола *напаять* в процесс перфективации. Это повлекло за собой перестройку старой видовой корреляции *напоить* – *напаять*. Особый интерес представляют формы, возникшие в результате вторичной имперфективации глагола *напаять* (*напаяивать*, *напаяивать*). В дальнейшем становление категории вида в историческом гнезде с праславянским корнем **rei-* / **roi-* шло по пути утраты вариативности суффиксальных образований и преобразования многочленных корреляций в двучленные.

Статья поступила в редакцию 16.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2017. 333 с.
2. Демидов Д. Г., Камчатнов А. М. Происхождение двух моделей инфиксального глагольного словообразования в истории русского языка: глаголы на -ать (-ять) и -ивать, -ывать // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 115–124.
3. Историческая грамматика русского языка: морфология, глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М.: Наука, 1982. 436 с.
4. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.
5. Милославский И. Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория // Филологические науки. 1989. № 4. С. 37–49.
6. Никифоров С. Д. Глагол: его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 344 с.
7. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемную. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 783 с.
8. Сирина В. Б. О. Н. Трубочёв о древнейших видовых формах глагола в славянских языках (по материалам «Этимологического словаря славянских языков») // Труды Института русского языка имени В. В. Виноградова. 2018. № 18. С. 192–196.
9. Трубочёв О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура: в 4 т. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 800 с.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. *Glagoľ'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki* [Verbal Categories in the System of Functional Grammar]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2017. 333 p.
2. Demidov D. G., Kamchatnov A. M. [The Origin of Two Models of Infixed Verbal Word Formation in the History of the Russian Language: Verbs Ending in -at (-yat) and -yat, -yat]. In: *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Questions of Medieval Studies], 2019, no. 2 (76), pp. 115–124.

3. Avanesov R. I., Ivanov V. V., eds. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: morfologiya, glagol* [Historical Grammar of the Russian Language: Morphology, Verb]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 436 p.
4. Maslov Yu. S. [Role of the So-called Perfection and Imperfection in the Process of the Emergence of the Slavic Verbal Form]. In: Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 445–476.
5. Miloslavskiy I. G. [View of the Russian Verb as a Derivational Category]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1989, no. 4, pp. 37–49.
6. Nikiforov S. D. *Glagol: ego kategorii i formy v russkoy pis'mennosti vtoroy poloviny XVI veka* [The Verb: Its Categories and Forms in Russian Writing of the Second Half of the 16th Century]. Moscow, AS USSR Publ., 1952. 344 p.
7. Shvedova N. Yu. *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Vvedenie v morfemiku. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Introduction to Morphemics. Word Formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.
8. Silina V. B. [Trubachev on the Most Ancient Specific Forms of the Verb in Slavic Languages (Based on the Materials of the “Etymological Dictionary of Slavic Languages”)]. In: *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov], 2018, no. 18, pp. 192–196.
9. Trubachev O. N. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriya. Kul'tura. T. 3* [Works on Etymology. Word. History. Culture. Vol. 3]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2008. 800 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета;
e-mail: el-ivan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Ivanova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Russian Language, Journalism and Communication Theory, Vologda State University;
e-mail: el-ivan@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Иванова Е. Н. Развитие категории имперфективности в историческом гнезде с праславянским корнем **pei-* / **poi-* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 29–35.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-29-35

FOR CITATION

Ivanova E. N. Development of the Category of Imperfectivity in the Historical Paradigm with the Proto-Slavic Root **pei-* / **poi-*. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 29–35.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-29-35

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-36-46

СУБЪЕКТИВНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. В. ЩЕРБЫ

Орехова Е. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Обосновать статус субъективной модальности как стилеобразующей и текстообразующей категории, важного компонента идиостиля.

Процедура и методы. В работе рассмотрены разноуровневые средства выражения субъективной модальности в научном лингвистическом тексте. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, структурно-семантического и логико-семантического анализа.

Результаты. В ходе работы были выявлены типовые модальные значения, характерные для идиостиля Л. В. Щербы, а также продуктивные модальные операторы, с помощью которых реализуется коммуникативный замысел автора – создателя научного произведения.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования расширяют представления о функционировании антропоцентрических категорий русского языка.

Ключевые слова: субъективная модальность, научный текст, идиостиль, Л. В. Щерба

SUBJECTIVE MODALITY OF L. SHCHERBA'S SCIENTIFIC WORKS

E. Orekhova*Moscow Region State University**u. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. The purpose is to substantiate the status of subjective modality as a style-forming and text-forming category, which is an important component of idiostyle.

Methodology. The paper considers the multi-level means of expressing subjective modality in a scientific linguistic text. The research relies on the methods of observation, generalization, and structural-semantic and logical-semantic analysis.

Results. Typical modal values characteristic of L. Shcherba's idiostyle are identified, as well as productive modal operators, with the help of which the communicative intention of the author and creator of a scientific work is realized.

Research implications. The results of the study expand the understanding of the functioning of the anthropocentric categories of the Russian language.

Keywords: subjective modality, scientific text, idiostyle, L. Shcherba

Введение

В современной лингвистике оказываются тесно взаимосвязанными, взаимопереплетёнными проблемы изучения антропоцентрических языковых категорий и средств их выражения, вопросы изучения текста, стиля, идиостиля. В числе субъективных категорий, существенных для построения текста заданной стилевой и жанровой принадлежности, выделяются модальность, оценочность, градуальность, адресованность, темпоральность, локативность и др. В их основе – личность говорящего, его субъективный взгляд на окружающий мир, разнообразные оценки явлений действительности, богатая

палитра эмоций: «Одной из важнейших сторон речевой деятельности является субъективность, то есть обнаружение позиции говорящего, его отношения, его оценок. Они направлены на отражаемую в речи действительность, на способ, манеру высказывания, на собеседника. В целом всё это – сфера модальности» [9, с. 113]. С одной стороны, сам автор, будучи творцом текста, задаёт ту или иную субъективную доминанту, осуществляет выбор языковых средств и их организацию с целью построения эффективной коммуникации; с другой – качество и количество операторов субъективных категорий позволяет увидеть за произведением субъективное «я» его создателя.

Представляется несомненным стилообразующий и текстообразующий характер категории субъективной модальности, предполагающей выражение личного отношения к содержанию высказывания, модальных оценок говорящего: «Субъективная модальность высказывания – самостоятельная функционально-семантическая категория, имеющая собственное лингвистическое содержание (выражение отношения говорящего) и специализированные средства его выражения на различных языковых уровнях: лексико-грамматическом, синтаксическом, интонационном. Субъективная природа исследуемой категории проявляется чётко и последовательно: это оценка ситуации говорящим, итог субъективного мнения, размышления, обозначение позиции субъекта речи в отношении описываемого»¹. Проблема модальности изучается в отечественной лингвистике давно и плодотворно (В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова, Г. А. Золотова, П. А. Лекант, Н. К. Онипенко, В. В. Востоков и др.). Доказано, что модальность – сложная и многоаспектная языковая категория, отражающая различные связи предложения с действительностью, выявляющая речевые интенции

субъекта, его позицию, личностные оценки [2; 8; 11].

Перспективным является изучение роли модальных операторов в создании модального поля отдельного текста, а также рассмотрение их как важных конститuentов авторского идиостиля: «Представляется целесообразным разделить субъективно-оценочную модальность на фразовую и текстовую. Если фразовая модальность выражается грамматическими или лексическими средствами, то текстовая, кроме этих средств, применяется особым способом, реализуется в характеристике героев, в своеобразном распределении предикативных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, в умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста и в ряде других средств» [5, с. 115]. Последнее справедливо в отношении научного стиля речи. Именно широкое понимание категории субъективной модальности позволяет адекватно оценить речевую стратегию автора научного произведения: оперировать значительным массивом информации, производить анализ, комментирование, обобщать, выделять важное, включать дополнительные сведения и т. д. – всё это с целью сделать научное изложение понятным, авторитетным, достоверным для читателя.

О научном стиле Л. В. Щербы

Научный дискурс характеризуется особыми задачами: поставить перед читателем научную проблему, дать всесторонний анализ точек зрения на неё, предложить возможные пути решения, спрогнозировать результат. Факт учёта адресата в научном общении несомненен. Как отмечает М. П. Котюрова, «научный функциональный стиль – это исторически сложившийся, общественно осознанный тип функционирования языка, обладающий своей речевой системностью, сложившийся в результате реализации конструктивного принципа открытой, последовательной, подчёркнутой логичности речи»².

¹ Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2020. С. 39.

² Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учебное пособие. М.: Академия, 2010. С. 42.

Отметим, что такая подчеркнутая логичность, объективность, отстранённость не только не исключает субъективной модальности научного текста, но является одним из её проявлений наряду с однозначностью, обобщённостью, терминованностью и др.

Научная проза Л. В. Щербы даёт богатый материал для исследования функционирования языковых единиц, в частности модальных операторов. Последние служат для создания разнообразной модальной палитры текста, выражения персуазивных, логических, эмоциональных и других субъективных оценок. В произведениях Л. В. Щербы мы находим действительно богатый арсенал модальных единиц и широкий диапазон модальных квалификаций высказывания, что, безусловно, определяется личностью самого учёного, имевшего широчайшую научную эрудицию, глубокий взгляд на языковые явления, уважение к оппонентам, любовь к русскому языку [4; 6].

В своей научной деятельности Л. В. Щерба соединял широчайшую эрудицию, смелость в постановке лингвистических и методических проблем, новаторство: «Академик Щерба убеждает, доказывает, борется, стремясь добиться бережного, заботливого отношения к языку – средству общения, коммуникации. Такие практические задачи ставило перед учёным Время – и он их с честью решал»¹. Л. В. Щерба в своих научных произведениях – это прежде всего пропагандист внимательного и ответственного отношения к языковым богатствам, обличитель всего ненужного и лишнего, что засоряет язык, мешает его развитию, методист, призывающий учить грамотности только через глубокое и всестороннее изучение языковой системы в целом.

Выбранные для анализа тексты, с одной стороны, безусловно характеризуются чертами научного стиля, в числе которых объективность, логизированность, терминованность, с другой – всегда обнаруживают вторжение яркого личного начала,

скрывают за собой неординарного учёного и равнодушного человека. Научная позиция лингвиста предполагает такой выбор языковых средств и такую их организацию, которые наилучшим образом доносят авторскую мысль до читателя, убеждают в достоверности выдвинутых положений, заостряют внимание на главном.

Справедливо утверждение Т. В. Марковой, что «аксиология языковой личности профессионального лингвиста формируется отношением к языку как объекту познания и одновременно средству описания этого объекта – лингвистическим единицам и категориям» [10, с. 313].

Модальные значения в научной прозе Л. В. Щербы

Широта определения понятия «субъективная модальность» как отношения говорящего к сообщаемому позволяет включить в её объём разнообразные значения. Целесообразно представить субъективную модальность как полевою моноцентрическую структуру. Ядро поля субъективной модальности – это модальность достоверности / недостоверности (персуазивности) с центром в виде модальности предположения. В околоядерной зоне располагаются следующие модальные смыслы: эвиденциальность, эмоциональная оценка, логическая модальность, модальность обычности, контактоустанавливающее модальное значение. Операторы субъективной модальности являются дискурсивными знаками, их использование прагматически обусловлено, связано с коммуникативной перспективой текста; с одной стороны, в различных типах дискурса употребление модальных квалификаторов специфично, с другой – во всех случаях они являются средством выявления модусного содержания и характеризуют языковую личность автора, выявляют авторскую интенцию: «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [7, с. 38].

¹ Колесов В. В. Л. В. Щерба: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1987. С. 6.

Научные тексты Л. В. Щербы чрезвычайно разнообразны в модальном отношении. Палитра модальных оценок здесь широка. Наиболее востребованным в идиостиле учёного является модальное значение логической оценки, что обусловлено стилиобразующими свойствами научной речи как таковой. Логическая модальность как околоядерное значение поля субъективной модальности представлена в языке следующими разновидностями: модальность реляционности (упорядочивание хода изложения, выделение звеньев логической цепочки), модальность указания на продолжение ранее начатого изложения, модальность вывода, модальность связи с предшествующими и последующими частями текста, модальность добавочного сообщения, включения / исключения, модальность важности (установление иерархии по степени важности между членами информативного ряда), иллюстративная модальность. В изучаемом дискурсе многие из этих значений востребованы. По выражению В. В. Виноградова, «они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой» [3, с. 606].

Так, учёный предельно последователен и логичен в своих рассуждениях, ему важно быть доказательным, убедить читателя в справедливости сделанных выводов и, конечно, маркировать эти выводы в тексте: *Итак, реформа не сделала орфографию безусловно лёгкой, но зато в корне подорвала её престиж; В самом деле, ведь совершенно ясно, что если все будут писать по-разному, то мы перестанем понимать друг друга. Значит, смысл и ценность орфографии в её единстве; Внимание должно задерживаться на некоторых формах языка, быстро их анализировать и соответственно решать ту или иную орфографическую задачу. Уже из этого следует, что механизация процесса письма никоим образом не даст абсолютной грамотности, и даже больше – она обязательно приведёт к полуграмотности...*¹. В употреблении

операторов логической оценки сказывается особенность научного подхода лингвиста, призывавшего опираться на факты, не делать голословных утверждений. Выводы Л. В. Щербы обдуманые, веские, иногда даже безапелляционные, что маркируется в тексте дополнительными показателями: *Из этого неопровержимо следует, что списывание следует сделать максимально сознательным, сосредоточивая внимание детей на языковых формах и их анализе*².

Выделение звеньев логических рассуждений упорядочивает текст, помогает разобраться в обширном лингвистическом материале, обеспечивает связность сложного синтаксического целого. Отсюда употребление реляционных вводных компонентов, которые функционируют как на уровне простого осложнённого предложения, так и в сложном предложении и тексте, т. е. оценивают в субъективно-модальном аспекте информативные единицы различного объёма. На уровне простого предложения реляционный компонент маркирует члены однородного ряда, устанавливает градацию отрезков рассуждения по степени важности: *Два метода сейчас, так сказать, в ходу: с одной стороны, метод звуковой, с другой стороны, метод целых слов, или американский метод*³.

На уровне сложного предложения реляционные операторы активно включаются в построение логико-смысловых отношений между предикативными компонентами, образуя вводно-союзную скрепу: *Однако и здесь надо помнить, во-первых, что у многих писателей всё же встречаются ляпсусы, и, во-вторых, что по существу вещей произведения писателей не содержат в себе отрицательного языкового материала*⁴.

На уровне сложного синтаксического целого реляционные единицы – средство связи предложений, текстовые скрепы:

² Там же. С. 59.

³ Щерба Л. В. Новейшие течения в методике преподавания родного языка // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 50.

⁴ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 37.

¹ Щерба Л. В. Безграмотность и её причины // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 56–62.

А почему сравнение языков имеет такое большое значение? **Во-первых**, через сравнение, как уже было указано, повышается сознательность: сравнивая разные формы выражения, мы отделяем мысль от знака, её выражающего, и этой мысли. **Во-вторых**, и это самое главное, надо иметь в виду, что языки отражают мировоззрение той или иной социальной группы¹.

Классифицирующая и иллюстрирующая функции экспликаторов логической модальности обуславливаются отношениями между частным и общим. Функция таких единиц – маркировать иллюстративный материал к авторскому тезису, имеющему обобщающий характер и выступающему в качестве классификатора [1, с. 139]: *В английском языке, например, отсутствует согласование прилагательного с существительным, оно заменено примыканием, но смысл сочетаний от этого не меняется ...*².

Наконец, конкретизирующие операторы оформляют различного рода попутные замечания, добавления к сказанному; при этом обобщающе-конкретизирующее значение претерпевает осложнение дополнительными модальными и эмоциональными оттенками: **Строго говоря**, единственным фонетическим методом является метод субъективный ...; **Но, с другой стороны**, то, что не находится непосредственно в сфере сознания, то, что происходит в мире физиологическом и физическом, имеет тоже громадный интерес для лингвиста ...³; **Это социально совершенно необходимо и вытекает из очень простых вещей: это, так сказать, мысль о других, потому что безграмотное писание читать трудно ...**⁴; **Кроме того,**

во всяком произведении всегда много безразличного материала (который я назвал когда-то «упаковочным») ...⁵.

Не менее ярко эксплицируется модальность достоверности в двух своих разновидностях: уверенности и акцентированной убеждённости: *Нельзя терпеть неграмотных чиновников, секретарей, машинисток, переписчиков и т. д., и т. д. И, конечно, по мере налаживания жизни, поднятие грамотности будет осуществляться самым безжалостным образом этой самой жизнью ...*⁶; при этом усиление данной семантики контекстуальными показателями типично: **Совершенно очевидно, что дети, которые должны овладеть литературным языком, должны читать наших классиков ... и читать их в большом количестве; Можно было бы подумать, что русские учителя не любят русского языка. Я верю, что это не так; я верю, что они любят русский язык, но любят его инстинктивно, не сознательно, не отдавая себе отчёта, что и почему они должны в нём любить**⁷. В своих работах Л. В. Щерба убеждает, внушает, пропагандирует, призывает, настойчиво доказывает: *я полагаю; совершенно естественно, что; совершенно понятно, что; само собой разумеется, что; нельзя сомневаться в том, что* и т. д. В этих словах сам Лев Владимирович, «несгибаемый в верности своим принципам борец и искатель»⁸, неутомимый спорщик, который «всегда искал новых путей, никогда не склонял головы перед авторитетами»⁹.

Многие работы Л. В. Щербы имеют яркую методическую направленность: в них он напрямую обращается к учителям и

¹ Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 316.

² Щерба Л. В. Новая грамматика // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 76.

³ Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 137.

⁴ Щерба Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 49.

⁵ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 269.

⁶ Щерба Л. В. Безграмотность и её причины // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 56.

⁷ Щерба Л. В. Там же. С. 56–62.

⁸ Колесов В. В. Л. В. Щерба: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1987. С. 146.

⁹ Аванесов Р. А. О встречах с Львом Владимировичем Щербой // Теория языка: методы его исследования и преподавания: к 100-летию со дня рождения академика Л. В. Щербы. Л.: Наука, 1981. С. 4.

ученикам, к своим коллегам-лингвистам, к широкой общественности. Отсюда обилие фатических операторов – выразителей контактоустанавливающей модальности: *Итак, знание родного литературного языка обычнo бывает сознательным. Чем же эта сознательность обуславливается? Сравнением двух языков – родного разговорного и родного литературного, подлежащего усвоению; В каком же типе двуязычия мы имеем условия, благоприятствующие сравнению, а следовательно и сознательности? Очевидно, лишь в смешанном типе двуязычия, где самый факт постоянного чередования двух языковых форм всё время побуждает к сравнению, а следовательно и к большему осознанию их значения*¹.

«Всё это – особенности речи университетского профессора, который внимательно следит за своими слушателями, подмечая малейшее движение: неодобрения, несогласия, нетерпения, насторожённости или просто вопроса...»². Тексты Л. В. Щербы подчёркнуто диалогичны, что доказывает его большой педагогический талант, умение видеть перед собой собеседника.

Далее по степени убывания распознаются другие субъективно-модальные смыслы: эвиденциальность, эмоциональная оценка, оценка обычности высказывания. Так, при указании на авторство востребованы модальные конструкции с акцентом на первое лицо: *Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет ...*³; *По моим наблюдениям, учащиеся в большинстве случаев усваивают лишь те фонетические явления, которые выступают ясно в связной речи...*⁴; и реже на

третье лицо: *Всё это ведёт к такому «импрессионизму», по меткому выражению одного лингвиста, в записях, что трудно зачастую на них основывать какие-либо заключения*⁵; *Многим кажется, что собственным именам нет места в общем словаре, что они составляют основное содержание только энциклопедического словаря*⁶. Преобладание операторов первой группы обусловлено полемической заострённостью текстов учёного, готовностью автора отстаивать свою позицию. Вот почему при достаточно большом количестве отсылок к научному опыту предшественников и современников, при выраженном уважении к мнению оппонента преобладают высказывания с модальными компонентами *я думаю, я уверен, я полагаю* и т. п.

При общей яркости и напряжённости научного текста Л. В. Щербы операторы эмоционально-оценочной модальности в нём почти не встречаются, что, во-первых, вполне отвечает требованиям научного стиля с его безэмоциональностью и объективностью, во-вторых, соответствует задачам самого лингвиста, опирающегося на строгий анализ языковых фактов. Пейоративная эмоциональная оценка в высказываниях лингвиста преобладает, причём чаще всего представлена модальность сожаления: *Во всяком случае, до 80% немецких слов можно читать, зная хорошо правила алфавита, которые, к сожалению, не всегда известны, можно до 80% слов читать, не зная языка, не зная этих слов*⁷); *К сожалению, жизнь людей не проста, и если мы хотим изучить жизнь, – а язык есть кусочек жизни людей, – то это не может быть просто и схематично*⁸; *К сожалению, это не поддаётся эксперимен-*

¹ Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 315–316.

² Колесов В. В. Л. В. Щерба: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1987. С. 142.

³ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 277.

⁴ Щерба Л. В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 145.

⁵ Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 138.

⁶ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 278.

⁷ Щерба Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 46.

⁸ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 98–99.

ту, и я не смог бы сказать, есть ли сейчас где-нибудь такие благоприятные для نابлюдений социальные условия, которые могли бы заменить его¹.

Случаи употребления операторов общности единичны и доказывают неостребованность данной модальной оценки в ходе анализа сложных языковых проблем, при рассмотрении неоднозначных языковых явлений.

Модальные операторы в научных произведениях Л. В. Щербы

Отметим, что круг субъективно-модальных операторов в русском языке довольно широк и включает, помимо средств специализированной категории вводности, единицы всех уровней языковой системы. Для научного дискурса Л. В. Щербы характерны два способа выражения модальных значений: лексико-грамматический (с помощью вводных компонентов) и конструктивно-синтаксический (конструкции с вербализованным модусом, вопросно-ответные комплексы).

Круг вводных операторов широк и включает единицы практически всех семантических групп:

1) с логической оценкой: *Далее, недавно было высказано мнение о взаимном торможении языков при двуязычии. Теоретически отрицать этого нельзя...*²;

2) с персуазивной оценкой: *Очевидно, сознательно или бессознательно здесь действовало желание отмежеваться от физиологии, куда, казалось бы, с несомненностью относится исследование всяких функций человеческого организма, а следовательно и речи*³;

3) с эвиденциальным (указание на авторство) значением: *Таково, по-моему,*

колоссальное образовательное значение двуязычия, и можно, мне кажется, лишь завидовать тем народам, которые силою вещей осуждены на двуязычие...⁴;

4) с эмоциональным значением: *К сожалению, до сих пор все учатся в большинстве случаев как бы оцупью, – талант есть, ну и пишут*⁵;

5) со значением общности: *Но обыкновенно, по существу вещей, письменность не предназначена для маленького круга лиц*⁶.

В пределах контекста вводная единица может актуализировать два значения: *Это обстоятельство, по моему глубочайшему убеждению, есть одно из самых благоприятных условий для развития ума и наблюдательных способностей...*⁷ – уверенность + эвиденциальность; *Как мне кажется, этим минимумом является понятие, под которое подводится данный предмет...*⁸ – сомнение + эвиденциальность и т. д.

Есть в кругу вводных слов и любимые, например, *конечно*, которое автор намеренно повторяет в пределах контекста: *Звуковой метод, конечно, главным образом приспособлен к фонетической орфографии. Там, где орфография фонетична, там, конечно, естественно применение звукового метода, и он даёт наилучшие результаты; Секрет, конечно, состоит в том, чтобы обратить внимание детей на внешнюю форму. Конечно, естественно, что внешняя форма языка является не целью, а средством, а внимание ускользает в большей мере на это списывание*⁹.

¹ Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 51.

² Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 318.

³ Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 135.

⁴ Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 317.

⁵ Щерба Л. В. Новейшие течения в методике преподавания родного языка // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 55.

⁶ Щерба Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 47.

⁷ Щерба Л. В. Новейшие течения в методике преподавания родного языка // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 53.

⁸ Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 278.

⁹ Щерба Л. В. Новейшие течения в методике преподавания родного языка // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 52.

Указанный оператор продуктивен в построении конструкций «конечно ... но» со значением уступительного допущения (разновидность персуазивной оценки). Такая полемическая формула – характерная примета авторского идиостиля: *Нам, филологам, было, конечно, всегда понятно, что орфография есть вещь условная и меняющаяся во времени; но широкие круги грамотных людей считали её покоящейся на каких-то незыблемых основаниях¹; Исследователю, конечно, бывает трудно отличить здесь создаваемое заимствование из литературного языка от «искони» обихода слова или от вполне укоренившегося заимствования; но эта трудность не меняет принципиальной стороны дела²; Мы, конечно, далеки от этого идеала; но я полагаю, что достоинство словаря и грамматики должно измеряться возможностью при их посредстве составлять любые правильные фразы во всех случаях жизни и вполне понимать всё говоримое на данном языке³.* Модальные единицы становятся здесь частью риторического приёма убеждения, разворачивающегося по схеме: «мнимое согласие с чужой точкой зрения ... сильный аргумент, вводимый противительным союзом *но*».

Особый аспект внимания – предложения с вербализованным модусом. Их функция также выражение уверенности, но во всех её оттенках, вплоть до яркой, акцентированной убеждённости. При этом модусная часть таких предложений представлена конструкциями разных типов, в том числе разной степени распространённости. Чаще такая модальная рамка соотносится с безличным предложением различных подтипов:

– связочно-именного: *После всего сказанного вначале ясно, что дело идёт не о значении слов, входящих в данную категорию, а о значении категории, под которую подводятся те или иные слова⁴;*

– спрягаемо-глагольного: *Думается, что аналогичные примеры можно найти и в Узбекистане, особенно если расширить несколько вопрос и под языком подразумевать и диалекты, как географические, так и социальные⁵;*

– связочно-модально-инфинитивного: *И вот надо констатировать, что университетская наука второй половины XIX в. в области языка ничего не давала для школьной науки⁶.*

В ряде случаев субъективный зачин оформляется как двусоставная конструкция: *Я полагаю, что фонематический анализ китайской звуковой системы, сделанный не с точки зрения фонетики европейских языков, а с точки зрения китайского языка, ... обнаружит для нас некоторую “диффузность” китайских “словозвуков”⁷.*

Модальное значение уверенности, эксплицируемое такими конструкциями, градуируется, усиливается, контекстуальными показателями: *Совершенно естественно думать, что на заре человеческой речи несколько внеязыковых звуковых жестов человека, начинавших употребляться с речевыми намерениями, были сложными артикуляциями⁸; Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может просто равняться сумме речевого опыта; Но само собой понятно, что все изменения, подготовленные в рече-*

¹ Щерба Л. В. Безграмотность и её причины // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 56.

² Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 268.

³ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 25–26.

⁴ Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 91.

⁵ Щерба Л. В. К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 313.

⁶ Щерба Л. В. Безграмотность и её причины // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 60.

⁷ Щерба Л. В. О «диффузных» звуках // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 147.

⁸ Там же. С. 148.

вой деятельности, обнаруживаются легче всего при столкновении двух групп ...¹.

Продуктивное средство выражения субъективных оценок – вопросительное высказывание как часть риторического приёма автокоммуникации (вопросно-ответного комплекса). Такой приём усиливает адресатную направленность высказывания, заостряет внимание читателя на проблеме, убеждает в справедливости высказанных автором положений: *Почему же учительство не любит и не умеет заниматься языком? Да потому, что его этому не научили²; Почему я говорю о социальной значимости? Потому что язык – явление социальное и по своему существу служит для общения между людьми³; Что же такое сама языковая система? По моему, это есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальных речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала⁴*. Такие построения – яркая примета авторского идиостиля, средство усиления диалогичности высказывания, поддержания контакта с читателем, собеседником, т. е. контакто-устанавливающее модальное средство. Как отмечает А. В. Федоров, Л. В. Щерба «никогда не прибегал к литературной форме монолога, видя в вопросно-ответной форме диалога, разговора, беседы ещё одну возможность спуститься к слушателю, незаметно стать рядом, научить, подправить. Диалог сам с собою – очень трудный стиль изложения мысли, особенно мысли научной»⁵.

В ряде случаев происходит нанизывание вопросно-ответных единств в пределах

сложного синтаксического целого: *Каким образом происходят изменения языка и чем объясняется их единство внутри данной социальной группы? Очевидно прежде всего, что языковые изменения обнаруживаются в речевой деятельности. Каковы же факторы этой последней? С одной стороны, единая языковая система, социально обоснованная в прошлом, объективно заложённая в языковом материале данной социальной группы и реализованная в индивидуальных речевых системах; с другой – содержание жизни данной социальной группы⁶*. Вопросительные конструкции фиксируют ход рассуждений автора, усиливают полемическую направленность текста, включают читателей в процесс соразмышления. Модальная конструкция выполняет, таким образом, текстообразующую функцию, обеспечивает модальную напряжённость текста, абзаца.

Заключение

Подытоживая, отметим, что текстообразующий и стилеобразующий характер категории субъективной модальности в научном дискурсе Л. В. Щербы представляется нам несомненным. Научные произведения академика демонстрируют продуктивность использования разнообразных модальных операторов для выражения субъективных оценок высказывания. Использование отдельных модальных единиц становится характерной чертой идиостиля Л. В. Щербы – замечательного учёного, выдающегося методиста, глубокого мыслителя. В использовании модальных единиц сказываются особенности научной манеры, научного изложения лингвиста, писавшего ясно, доступно, логично и в то же время яростно, убеждённо и убедительно.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021.

¹ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24–39.

² Щерба Л. В. Безграмотность и её причины // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 60.

³ Щерба Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 49.

⁴ Щерба Л. В. Там же. С. 47.

⁵ Колесов В. Л. В. Щерба: книга для учащихся. М.: Просвещение, 1987. С. 142.

⁶ Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 24–39.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов В. Н. Реализация категории важности в предложении и тексте. Ульяновск: Ульяновский гос. тех. ун-т, 2006. 200 с.
2. Боброва С. В. Категория модальности и её выражение в тексте И. Бродского «Тебе, когда мой голос отзвучит» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 6–15.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 720 с.
4. Виноградов В. В. Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л. В. Щербы // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 488–516.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: URSS, 2009. 139 с.
6. Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Л. В. Щерба – лингвист-теоретик и педагог. Л.: Наука, 1982. 104 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
8. Канафьева А. В. Рациональное и эмоциональное в отрицательном риторическом высказывании // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта, Москва, 19 ноября 2019 г. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 16–20.
9. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Лекант П. А. Очерки по грамматике русского языка. М.: МГОУ, 2002. С. 102–113.
10. Маркелова Т. В., Петрушина М. В. Рациональное и эмоциональное в языковом пространстве учебно-научного текста П. А. Леканта // Рациональное и эмоциональное в русском языке: материалы Международной научной конференции, Москва, 21–24 ноября 2012 г. М.: ИИУ МГОУ, 2012. С. 312–318.
11. Маркелова Т. В. Рациональное и эмоциональное в лингвистическом учении Павла Александровича Леканта: «точки сопряжения» // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта, Москва, 19 ноября 2019 г. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 67–72.

REFERENCES

1. Artamonov V. N. *Realizatsiya kategorii vazhnosti v predlozhenii i tekste* [Realization of the Category of Importance in Sentence and Text]. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University Publ., 2006. 200 p.
2. Bobrova S. V. [The Category of Modality and Its Expression in I. Brodsky's Text "For You, When My Voice Will Sound Out"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2021, no. 1, pp. 6–15.
3. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammatical Teaching about the Word)]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p.
4. Vinogradov V. V. [Syntactic Views and Observations of Academician L. Shcherba]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoi grammatike* [Selected Works. Studies in Russian Grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 488–516.
5. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, URSS Publ., 2009. 139 p.
6. Zinder L. R., Maslov Yu. S. L. *Shcherba – lingvist-teoretik i pedagog* [Shcherba – Linguist-theoretician and Teacher]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 104 p.
7. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 261 p.
8. Kanaf'eva A. V. [Rational and Emotional in a Negative Rhetorical Statement]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora P. A. Lekanta, Moskva, 19 noyabrya 2019 g.* [Rational and Emotional in the Russian Language: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Professor P. Lekant, Moscow, 19 November 2019]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019, pp. 16–20.
9. Lekant P. A. [Modal Varieties of Sentences]. In: Lekant P. A. *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on the Grammar of the Russian Language]. Moscow, MRSU Publ., 2002, pp. 102–113.
10. Markelova T. V., Petrushina M. V. [Rational and Emotional in the Language Space of the Educational and Scientific Text of P. Lekant]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 21–24 noyabrya 2012 g.* [Rational and Emotional in the Russian Language: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, 21–24 November, 2012]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2012, pp. 312–318.

11. Markelova T. V. [Rational and Emotional in the Linguistic Teaching of Pavel Lekant: "Conjugation Points"]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora P. A. Lekanta, Moskva, 19 noyabrya 2019 g.* [Rational and Emotional in the Russian Language: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the Memory of Professor P. Lekant, Moscow, 19 November 2019]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019, pp. 67–72.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета; e-mail: toptygina@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena N. Orekhova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after prof. P. A. Lekant, Moscow Region State University; e-mail: toptygina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Орехова Е. Н. Субъективная модальность научных произведений Л. В. Щербы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 36–46.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-36-46

FOR CITATION

Orekhova E. N. Subjective Modality of L. Shcherba's Scientific Works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 36–46.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-36-46

УДК 81. 367

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-47-55

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ КАК ХРОНОТОПНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА

Папуша И. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить хромотопные свойства сложного синтаксического целого как языковой единицы и как интегранта / конституента текста.

Процедура и методы. В работе рассмотрены конкретные примеры выявления хромотопных свойств ССЦ в художественных текстах К. Г. Паустовского и М. М. Пришвина. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и комплексный уровневый анализ сложного синтаксического целого.

Результаты. В ходе исследования было выявлено, что хромотоп проявляет архитектуру ССЦ и за счёт такого качества является её идентификатором, а разные уровни хромотопа этой языковой единицы отражают разные уровни хромотопа художественного текста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию сложного синтаксического целого как языковой единицы, реализующей развёрнутое высказывание.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, поле языкового напряжения, герм, хромотоп, развёрнутое высказывание

COMPLEX SYNTACTIC WHOLE AS A CHRONOTOPIC LANGUAGE UNIT

I. Papusha

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to identify the chronotopic properties of a complex syntactic whole as a linguistic unit and as an integrant/constituent of a text.

Methodology. The paper considers specific examples of identifying chronotopic properties of a complex syntactic whole in literary texts of K. G. Paustovsky and M. M. Prishvin. The research relies on the methods of observation, generalization, and interpretation of the results, as well as on a complex level analysis of a complex syntactic whole.

Results. It is found that the chronotope shows the architectonics of this language unit and, due to this quality, is its identifier; different levels of the complex syntactic whole chronotope reflect different levels of the chronotope of a literary text.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of a complex syntactic whole as a linguistic unit that implements an expanded utterance.

Keywords: complex syntactic whole, field of linguistic tension, herm, chronotope, expanded utterance

Введение

Хронотоп, как и художественный образ, является ключевым понятием литературоведения и определяется как «единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного культурного, художественного смысла»¹. Михаил Михайлович Бахтин, разрабатывая теорию хронотопа физика А. Эйнштейна и биолога А. А. Ухтомского относительно литературоведения, пришёл к выводу, что «художественные пространство и время нельзя воспринимать как абстрактные категории, не зависящие от их материального наполнения» [1, с. 235]. Но материальным наполнением художественного произведения в первую очередь являются язык и его единицы, в частности – сложное синтаксическое целое (ССЦ). А наличие в сложном синтаксическом целом микроидеи, целеустановки и интенции автора как категорий, позволяющих продуцировать / воспринимать смыслы, позволяет нам рассматривать сложное синтаксическое целое как языковую единицу, напрямую связанную с понятием «хронотоп», т. к. «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [1, с. 406].

Уровни хронотопа сложного синтаксического целого

Сложное синтаксическое целое, рассматриваемое как система в силу замкнутости и его плана содержания и его плана выражения, представляя «языковую форму, наиболее подходящую для выражения уловленного смысла» [3, с. 11], с одной стороны, реализует целостность, которая достигается посредством определённых взаимосвязей и взаимодействий элементов системы, а с другой – провоцирует возникновение новых свойств элементов системы, которыми они вне системы не обладают. Гермы сложного синтаксического целого, одновременно представляя со-

вокупность языковых явлений в линейной структуре ССЦ, способствуют проявлению этого свойства системы.

Одномоментность как временной показатель и линейная структура как пространственная последовательность знаков в рамках сложного синтаксического целого непосредственно образуют хронотопные отношения. Полагаем, что, вписанный во внутреннюю структуру сложного синтаксического целого, хронотоп проявляет архитектонику этой языковой единицы и за счёт такого качества является её маркером, идентификатором. Но возникает он только благодаря наличию поля языкового напряжения, образуемого гермами разной степени напряжения. Надо отметить, что аккумуляция языковых особенностей в герме – его очень важное свойство, т. к. «хронотопически организованы все без исключения сферы культурного смысла, в том числе язык (и как форма внешнего общения, и как форма протекания смысла во внутренней духовно-мыслительной деятельности), и само мышление, даже абстрактное; как бы ни были в мышлении ослаблены хронотопические координаты, именно движения смысла “по”, “между” и “сквозь” имманентные и внеположные хронотопы является условием его развития»².

Если мы исходим из того, что герм (от греч. *herma* – ‘межевой знак, указатель на дороге’) – такой компонент линейной структуры сложного синтаксического целого, в котором «степень концентрации языковых значений единиц нескольких языковых уровней одновременно становится сигналом особой значимости данной позиционной составляющей» [8, с. 362], основным критерием его выделения в линейной структуре сложного синтаксического целого будет активизированность языковых особенностей единиц разных уровней, проявляющаяся только в сложном синтаксическом целом независимо от того, является ли она языковой данностью, реализует ли когезию ССЦ, образуя свои внутренние связи

¹ Ирза Н. Д. Хронотоп // Культурология XX век: энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / сост. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 909–910.

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2010. С. 307–308.

как комплекс позиционных структур, способствующих выполнению определённой функции каждого элемента, или представляет результат интенции автора.

Отметим, что только в линейной структуре сложного синтаксического целого, внутренняя структура которого образует, в отличие от предложения, поле языкового напряжения, возможно появление многомерного смыслового единства, формируемого за счёт гермов разных зон и реализующего не только поверхностные и глубинные смыслы, но и некий целостный объём смыслов, не сводимый к значениям составляющих его языковых единиц. Вслед за И. Р. Гальпериним мы можем утверждать, что о содержании можно говорить в объёме текста, о значении – в объёме морфем, слов, словосочетаний, а о смысле – в объёме мысли и сообщения, заключённых в предложении или сверхфразовом единстве (сложном синтаксическом целом. – И. П.) [2, с. 20]. Аффилированность сложного синтаксического целого со смыслом и возможностью раскрывать новые и новые грани смысла и в своих рамках, и в рамках художественного текста позволяет предполагать наличие в нём особых хронотопических отношений. Попробуем провести параллель между хронотопами художественного текста и сложного синтаксического целого.

Так, представитель Тартуско-московской семиотической школы литературовед Пётр Тороп, описывая пространственно-временные связи в художественном произведении, операционально выделил в нём три сосуществующих уровня хронотопа: топографический, психологический и метафизический¹. Полагаем, что в связи с тем, что сложное синтаксическое целое является интегрантом / конституентом текста, уровни хронотопа художественного произведения могут быть экстраполированы и на него. При таком подходе топографический хронотоп,

связанный с узнаваемостью «конкретного исторического времени и места»², будет представлен в ССЦ целеустановкой автора, психологический хронотоп, связанный «с переходом из одного душевного состояния в другое»³, – интенцией автора, метафизический хронотоп, связанный «с идейным осмыслением всего текста», – с микроидеей ССЦ. П. Тороп обобщает триединство хронотопов: «уровень топографического хронотопа является наблюдаемым миром, уровень психологического хронотопа – миром наблюдателей, и метафизический хронотоп – миром устанавливающего язык описания»⁴.

Продemonстрируем теоретические положения на примерах анализа сложных синтаксических целых из художественных текстов К. Г. Паустовского (ССЦ № 1. Мещёрская сторона) и М. М. Пришвина (ССЦ № 2. Глаза земли. Зеркало человека).

ССЦ № 1. *Я отплываю в тумане. Восток розовеет. Уже не доносится запах дыма сельских печей. Остаётся только безмолвие воды, зарослей, вековых ив.*

Впереди – пустынный сентябрьский день. Впереди – затерянность в этом огромном мире пахучей листвы, трав, осеннего увядания, затишливых вод, облаков, низкого неба. И эту затерянность я всегда ощущаю как счастье»⁵.

Тема ССЦ – *В тумане*. Внешняя форма ССЦ представлена матрицей сочетания простых предложений, для которой существенно важны единство плана содержания и плана выражения, а также – количество простых предложений, и в нашем примере их семь, что соответствует постулату американского психолога Джорджа Миллера об объёме абсолютной оценки [6]. Четвёртое и шестое предложения осложнены рядами однородных членов – несогласованными определениями, выраженными именами существи-

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Паустовский К. Г. Мещёрская сторона // Константин Паустовский: [сайт]. URL: http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/mescherskaya-storona/storona_2.htm (дата обращения: 06.07.2021).

¹ Тороп П. Х. Хронотоп // Словарь терминологии Тартуско-московской семиотической школы / сост. Я. Левченко. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diction.chat.ru> (дата обращения: 06.07.2021).

тельными в родительном падеже, и это один из видов внутренней связи элементов сложного синтаксического целого. Пятое и шестое предложения демонстрируют параллелизм грамматических структур и начинаются с обстоятельства места *Впереди* – фонетический и лексический повторы усиливают синтаксическое тождество, анафора в прозе придаёт яркость её ритмическому рисунку и «высвечивает» предпочтения автора. Неполнота структуры обоих предложений (отсутствует сказуемое) позволяет обстоятельству детерминанту зафиксировать значимость пространственного показателя, и вместе с тем – временного показателя, например, в словаре Д. Н. Ушакова слово *Впереди* имеет следующие значения:

«1. нареч. На некотором расстоянии перед кем- / чем-нибудь.

2. нареч. В будущем»¹.

На наш взгляд, использование автором такой лексической единицы в рамках сложного синтаксического целого позволяет увидеть, как пространственно-временные отношения развёртывают «движение смысла». Картина перепадов напряжения в поле языкового напряжения выглядит так: 3 – 2 – 3 – 2 – 4 – 3 – 4 – 5 – 2 – 3 – 4 – 5 – 2 – 4 – 2. Заинтересовавшее нас слово попадает в седьмой (околоядерный) герм и в восьмой (ядерный) герм, т. е. проявляет интенцию автора и участвует в формировании микроидеи сложного синтаксического целого, следовательно, соответствует психологическому и метафизическому хронотопам.

Топографический хронотоп фиксируют гермы периферийной зоны поля языкового напряжения: *Я отплываю в тумане; Восток розовеет; Уже не доносится запах дыма; сельских печей; воды, зарослей, вековых ив; в этом огромном мире; пахучей листвы, трав; облаков, низкого неба; я всегда ощущаю как счастье.* Целеустановка автора, реализующая тему сложного синтаксического цело-

го, – описать то, что он видит и чувствует «в тумане», т. е. это зарисовка фрагмента объективной реальности, которая проявляет хронотоп наблюдаемого мира. Все глаголы, использованные в гермах периферийной зоны, несовершенного вида и настоящего времени. Как отмечает профессор Т. Е. Шаповалова, значение «форм времени включает соотношение событий с объективным временем в его свойствах и их логико-языковое осмысление. Временные отношения, выражаемые языковыми средствами, конечно, существуют объективно и независимо от говорящего, и всё-таки они непосредственно связаны с участниками и ситуацией общения – время событийно и ситуативно» [10, с. 140].

Интенция автора проявлена через гермы околоядерной и ядерной зон поля языкового напряжения. Гермы околоядерной зоны (*Остаётся только безмолвие; Впереди – пустынный сентябрьский день; осеннего увядания; И эту затерянность*) аккумулируют языковые особенности четырёх языковых уровней и транслируют интенциональное намерение автора как «сгущенный (неразвернутый) образ, на котором *здесь-теперь* сосредоточено максимальное внимание»² (выделено нами. – И. П.). Значения слов, входящих в околоядерные гермы (*безмолвие, пустынный, увядание, затерянность*), представляют одно семантическое поле и объединены интегральным признаком – *одиночество*. Уровень психологического хронотопа ССЦ позволяет реципиенту сканировать состояние (своё, героя, природы и т. д.), описываемое автором.

Ядерные гермы (*Впереди – затерянность; затихливых вод*) концентрируют те смыслы, которые представляют квинтэссенцию значимости, возникающей как объективный факт «вне субъективных языковых предпочтений как автора, так и реципиента: оба не осознают этот факт, так как он вписан в структуру языковой матрицы человека, в структуру его лингвоментального комплекса» [9, с. 254]. Слово *затерянность*, дважды использованное в ССЦ (в ядерном и в

¹ Впереди // Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова: [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=6894> (дата обращения: 06.07.2021).

² Интенция // Национальная энциклопедическая служба: [сайт]. URL: <https://terme.ru/termin/intencija.html> (дата обращения: 06.07.2021).

околоядерном гермах), входит в синонимический ряд с доминантой *одиночество* (*заброшенность, потерянность, одинокость, сиротство* и др.) и, по версии разработчиков языковой платформы «КартаСлов.ру»¹, семантически связано со словами *безмолвие, пустынность*, входящими в это ССЦ, а также со словами *вневременность, безвременность, беспредельность, пустота, простор* и т. п., входящими в семантическое поле с интегральным признаком *пространство-время*. Слово *затишливый* встречается только в словаре В. И. Даля в словарной статье слова *замолкать*², значение корня которого позволяет вновь выйти на значения слова *безмолвие*. Оба рассматриваемых нами слова имеют приставку *за-*, хотя и с разными значениями. Метафизический хронотоп в этом ССЦ связан с трансцендентными (от лат. *transcendens* «переступающий, превосходящий, выходящий за пределы») пространством и временем, т. е. с тем, что находится «по ту сторону» человеческого бытия. Полагаем, что микроидея этого ССЦ, формируемая ядерными и околоядерными гермами, может быть определена так: в пространстве-времени одиночества (*затерянности*) наедине с природой (*огромный мир затишливых вод*) человек пребывает в трансцендентальности (*в безмолвии*) и имеет временную передышку от житейских забот.

ССЦ № 2. *Тепло нам или холодно – какое дело солнцу до нас, оно жарит и жарит, не считаясь с жизнью нашей нисколько. Это земля поворачивается к солнцу той и другой стороной, укрывая нас своими тенями... Тени, тени земной мы обязаны жизнью, но так устроена жизнь, что всё живое тянется к свету*³.

¹ КартаСлов.ру: онлайн словарь-тезаурус URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 07.07.2021).

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка // Азбука веры: [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja> (дата обращения: 25.06.2021).

³ Пришвин М. М. Глаза земли. Зеркало человека // Пришвин Михаил Михайлович: [сайт]. URL: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/glaza-zemli/zerkalo-cheloveka.htm> (дата обращения: 25.06.2021).

Тема ССЦ – *Тепло нам или холодно*. Внешняя форма сложного синтаксического целого соответствует комбинированной матрице варианта «ромб»: первое предложение – многокомпонентное бессоюзное предложение; второе предложение – простое; третье предложение – сложная синтаксическая конструкция с сочинительной и подчинительной связями. Вторая предикативная часть первого предложения и второе предложение осложнены обособленными обстоятельством образа действия, выраженными деепричастиями с зависимыми словами, – и это один из видов внутренней связи в рамках сложного синтаксического целого. Поле языкового напряжения имеет следующую картину перепадов напряжения в нём: 4 – 3 – 2 – 5 – 4 – 2 – 3 – 4 – 3 – 2.

Гермы периферийной зоны поля языкового напряжения ССЦ представляют целеустановку автора: *какое дело солнцу до нас; оно жарит и жарит; той и другой стороной; укрывая нас своими тенями; но так устроена жизнь; что всё живое тянется к свету*. Этот ряд гермов, создавая движение смыслов темы ССЦ, репрезентирует топографический хронотоп: конкретное пространство-время солнца и конкретное пространство-время тени в пространстве-времени жизни человека на земле.

Околоядерные гермы (*Тепло нам или холодно; Это земля поворачивается к солнцу; Тени, тени земной мы обязаны жизнью*) проявляют интенцию автора и его максимальное внимание на «здесь-теперь». И несмотря на то, что первый герм является темой сложного синтаксического целого, он, аккумулируя языковые особенности четырёх языковых уровней, транслирует интенциональное намерение автора и, следовательно, психологический хронотоп. Антонимические отношения содержащихся в нём лексических единиц определяют тон сопоставления смыслов на протяжении всего ССЦ. Переходы чувствования *тепла / холода, земли / солнца, света / тени* реципиент воспринимает благодаря отнесённости этого хронотопа к миру наблюдателей.

Контактный повтор слова *тени* в последнем герме этой зоны поля языкового напряжения придаёт ему семантическую значимость, усиливая, на первый взгляд, его прямое значение – «Тёмное пространство, отгороженное, застланное чем-нибудь от источника света, куда не проникают лучи света»¹ – и гиперсему «пространство». Но принадлежность герма к психологическому хронотопу позволяет реципиенту не относить это пространство к тени как объекту объективной реальности и способствует восприятию тех смыслов, которые связаны с ощущением состояния. Понять эти смыслы позволяет этимология слова, хотя авторы этимологических словарей предлагают противоположные смыслы слова *тень*. Так, М. Фасмер объясняет происхождение слова «из *tēmpъ и связывается с *tъma, *tъmьль (см. tъma)»²; Л. В. Успенский – «мрак», «темень»; его полезно сравнить с «tъma»³; Н. М. Шанский – «суф. производное (суф. -нъ) от той же основы (с перегласовкой ě / ъ), что tъma»⁴. Но в онлайн-словаре А. В. Семёнова находим – «*Индоевропейское – temni-s (тёмный)*. *Общеславянское – sbjati (сиять, сень, сени)*. В древнерусском языке существительное известно с XI в. в формах «стнь» и «снь»»⁵. Авторы корнесловного интернет-словаря «Глаголь», отдавая предпочтение последней версии происхождения слова *тень* (от *skai – санскритское 'тень, отблеск'), отмечают, что, согласно «Священному писанию, телесная земная жизнь человека при свете Солнца – это тень, отбрасываемая и уклоняющаяся от

Небесного Света вечной жизни. Тень, как и тлеющее тело, рассеивается подобно праху и исчезает во тьме»⁶. Полагаем, что в такой трактовке слова *тень* мы переходим из области интенции автора в область трансцендентальную, т. е. в метафизический хронотоп. Исходя из смыслов, заключённых в околоядерном герме *Тени, тени земной мы обязаны жизнью*, реципиент сканирует понятия ассоциативного поля, интенционально заложенные автором, – *сень, защита, колыбель, жизнь, мать-земля* и т. п. Но одновременно с этими смыслами считывает и другой уровень противоположенных смыслов (допускаем, и не закладываемых автором) – *временности, скоротечности, хрупкости земной жизни относительно «вечной жизни*». Лексический повтор в околоядерном герме (*Тени, тени*) семантически переплетается с лексическим повтором в периферийном герме (*жарит и жарит*), что лишний раз подтверждает внутреннюю связность всех элементов сложного синтаксического целого, с одной стороны, и взаимопроникновение друг в друга хронотопов разных уровней, с другой стороны.

Ядерный герм (*не считаясь с жизнью нашей нисколько*) в поле языкового напряжения один (см. схему выше), что указывает на средоточие в нём микроидеи сложного синтаксического целого. В область повышенного внимания сразу попадает слово *жизнь* (в форме Т. п. с предлогом с), т. к. в ССЦ есть дистантный повтор этого слова в этой же форме, но без предлога (в последнем околоядерном герме), и в форме Им. п. (в предпоследнем периферийном герме). Кроме того, в последнем герме ССЦ есть слово *живое*, «пересекающееся» в смыслах со словом *жизнь* (в словообразовательном словаре А. Н. Тихонова эти лексемы представлены в разных словарных гнездах, т. е. они не имеют общей гнездовой вершины, следовательно, по логике автора, не являются однокоренными)⁷. Исследователь

¹ Тень // Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://efremova.slovaronline.com/107817-TEN> (дата обращения: 05.07.2021).

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка // Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 07.07.2021).

³ Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника // Почему не иначе? [сайт]. URL: <http://www.rochemuneinache.com> (дата обращения: 07.07.2021).

⁴ Шанский Н. М. Этимологический словарь // Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/shansky> (дата обращения: 11.07.2021).

⁵ Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-etmo-temenov-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 07.07.2021).

⁶ Интернет-словарь «Глаголь» [Электронный ресурс]. URL: <http://pervobraz.ru> (дата обращения: 07.07.2021).

⁷ Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014. С.195–197.

этимологического гнезда с корневым **gi* А. Г. Муллагалиева утверждает, что слово *жизнь* «было заимствовано восточными славянами в середине XI века из старославянского языка, о чём свидетельствует широкое употребление данной лексемы в переводных текстах богослужебных книг» [7, с. 103]. Но в древнерусском языке были слова *жить* (в дальнейшем – *житье*) и *животъ*. Нельзя не согласиться с доктором филологических наук, почётным профессором СПбГУ В. В. Колесовым, утверждавшим, что слово «*жить*» обозначает процесс и образ жизни; это – не глагол, а имя существительное (которое склонялось как слово *нить*); слово это родственно инфинитиву *жити* (современная форма *жить*), а именно эта глагольная основа и передавала в языке общее значение длительности, процессуальности жизни во всех её проявлениях. ... *Животъ* – это имя прилагательное, и перевести его на современный язык можно примерно как “живой”; слово обозначало признак, которым обладало то или иное существо, тогда как *жить*, будучи глагольной формой, обозначало процесс, а также состояние, в котором это существо пребывало» [4, с. 76]. Для нашего исследования представляются интересными выводы профессора о пространственно-временных значениях этих слов: «*животъ*, связанное с обозначением физической жизни, членило эту жизнь на конкретные отрезки, исчисляемые годами, а *житие*, как обозначение формы и типа социальной жизни, передавало общую её продолжительность» [4, с. 76]. Слово *жизнь*, пришедшее из книжных текстов со значением ‘вечная жизнь’ (жизнь духа), со временем семантически перекрыло оба русских слова и «стало общим словом в обозначении жизни» [4, с. 76], но утратило трансцендентальный смысл. То, что М. М. Пришвин, всегда оставаясь приверженцем христианского вероисповедания, использует в ССЦ оба варианта (*жизнь* и *живой*), свидетельствует, на наш взгляд, о жизнecентризме (понимание жизни как первичной реальности) автора, о симбиозе в его восприятии идеального и материального в вопросе феномена жизни, о его глубоком погружении в древнеславянскую мифологию,

в которой не последнее место занимает богиня Жива – одно из ключевых божеств наших предков-славян: она и творящая энергия, и проявление Рода Всевышнего, и покровительница Яви, и богиня энергетического плодородия Вселенной, – её символ (косой крест) напоминает букву *ж*, которая и обозначала *животъ*. И к Земле-матушке писатель относится с космологической позиции мифа – она участница Творения.

Совместно ядерный и околоядерные гермы представляют микроидею ССЦ: жизнь соткана из света и тени, она есть результат синергии Земли, Человека, Солнца (Космоса). Микроидея ретранслирует метафизический хронотоп, в котором время и пространство преодолевают границы топографического и психологического хронотопов и простираются в пространство-время Вечности (в мифах – Бездны).

Заключение

В связи с тем, что картина перепадов языкового напряжения в поле всё время меняется (см. схемы выше), хронотопы в рамках сложного синтаксического целого перемежаются, образуя неразрывное триединство и полифонию разных видов художественного времени и разных видов художественного пространства. Поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом художественного текста позволяет «вскрыть» коды существенных свойств художественного языка, «который надстраивается над естественным языком как вторичная моделирующая система» [5, с. 46], и демонстрирует развёрнутое высказывание как многоплановый комплекс смыслового единства в пространственно-временных параметрах.

Наличие хронотопа в архитектонике сложного синтаксического целого и возможность вычленивать уровни хронотопа в соответствии с целеустановкой и интенцией автора и микроидеей ССЦ представляют эту языковую единицу уникальным средством постижения всех возможных смыслов художественного произведения.

Статья поступила в редакцию: 14.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
3. Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 7–14.
4. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 321 с.
5. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 704 с.
6. Миллер Д. А. Магическое число семь, плюс / минус два: некоторые пределы нашей способности обрабатывать информацию // Инженерная психология: сборник переводов с английского / под ред. Д. Ю. Панова, В. П. Зинченко. М.: Прогресс, 1964. С. 564–581.
7. Муллагалиева А. Г. К истории лексемы *жизнь*, входящей в этимологическое гнездо с корневым *gi // Учёные записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 6. С. 102–108.
8. Папуша И. С. Гермы поля языкового напряжения сложного синтаксического целого как средство создания художественного образа // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой современного русского языка МГОУ Павла Александровича Леканта, Москва, 24–25 ноября 2017 г. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 360–364.
9. Папуша И. С. Интенция автора сложного синтаксического целого аналитического медиатекста // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 25–26 ноября 2016 г. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 252–256.
10. Шаповалова Т. Е. Синтаксическое воплощение времени в изъяснительно-объектном типе сложноподчинённых предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 139–146.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p.
2. Galperin I. R. *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
3. Gerasimenko N. A. [Syntax of I. Bunin's Diary Records]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 4, pp. 7–14.
4. Kolesov V. V. *Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi* [The World of a Man in the Word of Ancient Rus]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1986. 321 p.
5. Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [On Art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1998. 704 s.
6. Miller G. A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on our Capacity for Processing Information (Rus. ed.: *Magicheskoe chislo sem', plus / minus dva: nekotorye predely nashei sposobnosti obrabatyvat' informatsiyu*). In: Panov D. Yu., Zinchenko V. P. *Inzhenernaya psikhologiya: sbornik perevodov s angliyskogo* [Engineer Psychology: Collection of Translations of English Texts]. Moscow, Progress Publ., 1964, pp. 564–581).
7. Mullagalieva A. G. [On the History of the Lexeme Life Included in the Etymological Nest with the Root *gi]. In: *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Kazan State University], 2009, vol. 151, iss. 6, pp. 102–108.
8. Papusha I. S. [Germs of the Field of Linguistic Tension of a Complex Syntactic Whole as a Means of Creating an Artistic Image]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu Zasluzhennogo deyatelya nauki Rossii, doktora filologicheskikh nauk, professora, zaveduyushchego kafedroy sovremennogo russkogo yazyka MGOU Pavla Aleksandrovicha Lekanta, Moskva, 24–25 noyabrya 2017 g.* [Rational and Emotional in Russian: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th Birthday of the Honored Scientist of Russia, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Modern Russian Language, MRSU, Pavel Aleksandrovich Lekant, Moscow, 24–25 November 2017]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2017, pp. 360–364.

9. Papusha I. S. [Intention of the Author of a Complex Syntactic Whole of an Analytical Media Text]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 25–26 noyabrya 2016 g.* [Rational and Emotional in Russian: Collection of Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, 25–26 November 2016]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016, pp. 252–256.
10. Shapovalova T. E. [Syntactic Appearance of Time in an Explanatory-object Type of Compound Sentences]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2018, no. 5, pp. 139–146.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Папуша Ирина Сергеевна – доктор филологических наук, и. о. заведующего кафедрой славянской филологии и культуры коммуникации Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования;
e-mail: is.papusha@outlook.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina S. Papusha – Dr. Sci. (Philology), Acting Head of the Department, Department of Slavic Philology and Culture of Communication, Moscow Region State University, Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education;
e-mail: is.papusha@outlook.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Папуша И. С. Сложное синтаксическое целое как хронотопная языковая единица // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 47–55.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-47-55

FOR CITATION

Papusha I. S. A Complex Syntactic Whole as a Chronotopic Language Unit. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 47–55.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-47-55

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-56-67

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ ИДИОСТИЛЯ И ИХ ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ Л. БОРОДИНА «БЕЗ ВЫБОРА»

Федорченко Е. А.*Российская таможенная академия**140015, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. На материале текста автобиографического повествования Л. Бородина «Без выбора» выявить когнитивные доминанты идиостиля писателя, интегрированные в процессы текстообразования и систему используемых языковых средств.

Процедура и методы. Для достижения заявленной цели реконструируются ментально-языковые стереотипы авторского сознания, предопределяющие особенности идиостиля. Теоретико-методологической основой исследования являются концепции, выработанные в рамках современной теории текста, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. При анализе материала использовались описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, методы контекстного и концептуального анализа с привлечением данных смежных наук – философии, социологии, литературоведения. В процессе сбора и обработки материала использовался метод сплошной выборки.

Результаты. Когнитивные доминанты идиостиля в тексте ментально детерминированы стремлением языковой личности автора к духовному возрождению России на рубеже XX–XXI вв., обретению ценностей христианской культуры и веры в Бога. Концепт «вера» представлен преимущественно религиозной лексикой русского языка. Лингвокультурологический потенциал данных слов связан с их контекстуальным переосмыслением, являющим контаминацию традиционного, религиозного содержания и содержания культурно-коннотированной лексики, номинирующей идеологемы XX в. Отражение в тексте процессов концептуальной интеграции результатов дискурсивной, стереотипной по своей природе деятельности множества субъектов представляется как одна из отличительных стилистико-текстовых особенностей речи автора, его коммуникативного пространства. Используемые автором композиционные формы подчинены динамике развития сложных концептуальных структур, являющих различные типы культурной информации, что обуславливает интертекстуальность авторского повествования – значительное количество прецедентных имён представителей русской религиозной философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты могут быть использованы в теории текста, теории речевых жанров, описании языковой картины мира человека и процессов её изменения. Материалы могут использоваться в вузовских спецкурсах, посвящённых изучению языка писателя.

Ключевые слова: языковая личность автора, идиостиль, жанр, концепт «Вера», религиозная лексика, идеологема

COGNITIVE DOMINANTS OF THE AUTHOR'S IDIOSTYLE AND THEIR GENRE-FORMING FUNCTIONS IN THE AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVE "WITHOUT CHOICE" BY L. BORODIN

E. Fedorchenko*Russian Customs Academy**Komsomolsky prosp. 4, Lyubertsy 140015, Moscow Region, Russian Federation*

© CC BY Федорченко Е. А., 2021.

Abstract

Aim. Using the text of the autobiographical narrative “Without choice” by L. Borodin, we identify the cognitive dominants of the idiostyle that are integrated into the processes of text generation and the system of language means.

Methodology. We reconstruct the mental and linguistic stereotypes of the author’s consciousness, which determine the features of the writer’s idiostyle. The research relies on the descriptive method, the method of analyzing dictionary definitions, and the methods of contextual and conceptual analysis.

Results. The analysis shows that the cognitive dominants of the idiostyle in the text are mentally determined by the constants of the author’s linguistic personality, reflecting the need for the spiritual revival of Russia at the turn of the XX–XXI centuries, the acquisition of the values of Christian culture and faith in God. The concept of “faith” is represented mainly by the religious vocabulary of the Russian language. The linguistic and cultural potential of these words is associated with their contextual reinterpretation, which is a contamination of traditional and religious content and the content of culturally connoted vocabulary, nominated as ideologemes of the twentieth century. The reflection of the processes of conceptual integration of the results of discursive and stereotypical activity of many subjects in the text is presented as one of the distinctive stylistic and textual features of the author’s speech, his communicative space. The compositional forms used by the author are subject to the dynamics of the development of complex conceptual structures that represent various types of cultural information, which determines the intertextuality of the author’s narrative – a significant number of precedent names of the Russian religious philosophy.

Research implications. The obtained research results can be used in the theory of text, the theory of speech genres, the description of the linguistic picture of the human world and the processes of its change. The materials can be used in university special courses dedicated to the study of the writer’s language.

Keywords: author’s linguistic personality, idiostyle, genre, concept of faith, religious vocabulary, ideologeme

Введение

Языковая личность автора получает отражение в идиостиле созданных текстов. И чем масштабнее личность писателя, глубже система его мировоззренческих установок, теснее связь личной судьбы с судьбой своего народа и своей страны, тем более многогранными могут быть проявления идиостиля автора в его произведении. Многоаспектное осмысление понятия «идиостиль» в лингвистической литературе последних десятилетий, характеризующееся разнообразием теоретических ориентаций и новациями метаязыков отдельных научных сочинений [4; 6; 7; 8; 13 и др.], обуславливает необходимость установить в целях проводимого исследования основополагающие принципы определения понятия «идиостиль» и обозначить объём его содержания в рамках данной работы.

Изучение когнитивных доминант идиостиля Л. И. Бородинана материале автобиографического повествования «Без выбора»

ориентировано на традиционный для отечественной стилистики широкий подход к определению идиостиля. Идиостиль – это совокупность языковых средств и их композиционных форм, характеризующихся доминантностью в корпусе текстов одного автора и являющихся средством выражения определённого содержания как репрезентации индивидуальной картины мира.

Моделирование индивидуальной картины мира происходит под влиянием особенностей сознания человека и его представлений об окружающем мире. Поэтому идиостиль как «совокупность языковых стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя»¹, не может не быть категорией мировоззренческой, поскольку являет собой отдельные языковые факты как репрезентанты национально-культурного кода, менталитета, идеологии

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 95–96.

ческой системы. Представляется закономерным тот факт, что в связи с развитием когнитивного направления в коммуникативной стилистике текста идиостиль здесь также рассматривается комплексно: «как многоплановое проявление мировидения автора в структуре, семантике и прагматике текста» [4, с. 166], – а при соотнесении понятий *идиолект* и *идиостиль* для целостного описания идиостиля автора предлагается систематизировать множество аспектов идиостиля: культурно-исторический, жанровый, психолингвистический, когнитивный, аксиологический, системно-структурный, семантико-стилистический, лингвопоэтический [8].

В многомерном пространстве текста автобиографического повествования Леонида Бородин «Без выбора» проявляются когнитивные доминанты языковой личности автора, предопределяющие процессы текстопорождения, организующие систему используемых языковых средств и тем самым устанавливающие значимые языковые характеристики идиостиля. Таким образом, категория языковой личности непосредственно или опосредованно интегрирует все значимые характеристики идиостиля, а предопределяющие процессы текстопорождения когнитивные доминанты языковой личности автора¹ на уровне текста формируют когнитивные доминанты идиостиля – актуальные для языковой личности понятия, идеи, концепты, системы ценностей, относящиеся к её лингвокогнитивному уровню и получающие реализацию в текстовой деятельности – первичной (связанной с созданием текста и соответствующей известным этапам риторического канона) и вторичной (включающей этапы восприятия, интерпретации, понимания) [4].

Обращение к итоговому во многих смыслах сочинению Леонида Бородин –

¹ В научных работах также используется близкий по значению термин *когнитивный стиль*, введение которого в научный аппарат осложнено его неоднозначной интерпретацией представителями различных научных школ [5].

автобиографическому повествованию «Без выбора» – обусловлено не только его высокой национально-культурной ценностью. Уникальные жанровые характеристики данного сочинения представляют богатый материал для исследования актуальной научной проблематики, связанной с категориями *языковая личность* и *идиостиль писателя*.

Жанровое своеобразие автобиографического повествования Л. И. Бородин «Без выбора»

Не всегда интенции автора и авторское определение жанра произведения однозначно понимаются и безусловно принимаются читателями. Несмотря на высокую оценку в обществе данного произведения (за это сочинение автор был награждён в 2004 г. «Большой литературной премией России» Союза писателей России), Л. И. Бородин в одном из интервью с горечью отмечал, что его не поняли. Это произведение называли и сейчас называют книгой воспоминаний, мемуарами, документальным произведением, публицистикой, в то время как был создан тяготеющий к синкретизму жанр, органично сочетающий эпическую широту повествования с глубокой философской рефлексией и открытой публицистической полемикой. В уникальных стилистико-текстовых композиционных формах была реализована основная интенция автора – раскрыть причины развала СССР. Автор пишет: «главная цель сего писания – не автобиография, но попытка определения причин той трагедии, что произошла со страной. То есть – как я понимал эти причины, как соотносились мои личные действия и поступки с этим пониманием»². Воспоминания писателя о своей жизни и размышления по поводу этих воспоминаний, рассказы о людях, с кем сводила судьба, и история взаимоотношений с этими людьми (среди которых политические деятели, деятели культу-

² Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 102–103.

ры, науки, сферы образования) – всё это создаёт целостную картину, организующим стержнем которой является процесс трансформации ментальности советского человека (*тихий процесс умирания его веры в социалистическую идею*), представленный как опыт духовного самоанализа автора, описание истории его жизни. И эта личная история на фоне событий государственного масштаба обретает общественно значимое звучание, поскольку воплощает процессы изменения не только индивидуального, но и общественного сознания. В осмыслении процесса разрушения огромного государства автор стремится к объективности, представляет это как глобальную катастрофу, которая вызрела в недрах советской действительности. Однако концептуальная установка на «правду» (концепт «Правда» является одним из основных в произведении) побуждает автора к признанию: «*как ни изощрайся в объективности, “объективность” про самого себя – то всегда есть всего лишь нечто из области желаемого, но неосуществимого вполне. Мало того, что “всего” о себе никогда не расскажешь – не на исповеди же! Когда же на исходе лет пытаешься восстановить события молодости, то “розовый” отблеск молодости-юности едва ли вообще устраним из такого повествования*»¹. И этот «розовый» отблеск, и ещё многое, многое другое – стихи, любимые сибирские песни, авторские «фантазии», мистификационные символы (водка «как символ России»; описание крысы на свалке в одной из лагерных зон, к которому автор неоднократно возвращается на страницах произведения, что превращает крысу в символ и являет, используя авторскую номинацию, целую «*крысиную парадигму*») – не позволяет отнести автобиографическое повествование «Без выбора» исключительно к документальным (или публицистическим) жанрам.

Ментально-языковые стереотипы авторского сознания

Текст автобиографического повествования «Без выбора» представляет огромное коммуникативное пространство языковой личности автора в динамике становления его личности, и его коммуникативного пространства.

Определённые когнитивные стереотипы как устойчивые фрагменты картины мира, хранящиеся в сознании, формируются уже в раннем детстве. Благодаря воспитанию бабушки, учительницы по профессии (научившей главному, что нужно в детстве, – «*жить с книгой*»², сумевшей в доступной детскому сознанию форме передать картины русской истории с незапамятных времён – «*где-то с “царя Салтана”*»³), в детской душе формируется чувство национальной идентичности («*повезло в самом раннем детстве в той или иной форме получить весомый заряд национального чувства*»⁴). И это национальное чувство прочно связано с произведениями русской литературы как воплощением **единого национального духа**: «*Как ныне собирается...” знал в восемь, “Песнь про купца...” в девять, в это же время – “Тарас Бульба” и “Капитанская дочка”. Фет, Тютчев, Майков, Полонский...*»⁵ (выделено нами. – Е. Ф.). Примечательно, что в авторском повествовании особым образом преломляется своеобразие детского восприятия мира. Как известно, детское сознание в норме ориентировано не на рассуждение, а на действие. Подобным образом (с акцентом на поступки, действия) строит автор повествование о своём детстве и отрочестве.

Однако рефлексия взрослого, сформировавшегося человека отражает в реалистичных картинах описаний детства, являющих абсолютные семейные ценности, непререкаемый авторитет старшего поколения, всё же определённую ущербность воспитания с точки зрения исторически сформировавшихся национально-культурных традиций

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 9.

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 69.

жизни русского народа: «То было **поле духа, единого национального духа**, но, как понял много позднее, духа всё же **ущербного**, ибо **без высшей явности духа – Духа Свята**; о Его присутствии в мире мне поведено не было. И эта **ущербность воспитания** так и осталась до конца не преодоленной»¹ (выделено нами. – Е. Ф.).

Высокая духовность русской классической литературы, утверждаемые ею нравственные ценности («некрасовский плач о страдальце-народе образом “нежжатым полосу” прочно окопался в душе»²) формируют ту самую «отзывчивость», которая предопределяет судьбу человека. Аксиологические доминанты национальных культурных концептов *Добро, Семья, Родина / государство / Отечество / Отчизна, Любовь, Доверие, Свобода* и другие³ закрепляются в языковом сознании автора уже в раннем возрасте и оказывают существенное влияние на его коммуникативное поведение.

Контраст идеалов духовной жизни и реалий жизни общественной представлен писателем как основной конфликтогенный элемент его языковой картины мира: «Из детства в юность я вышел **верноподданным и патриотичным. Слишком верноподданным и слишком патриотичным**, чтобы не реагировать на все чаще замечаемое несоответствие существующего должному. Должному по отношению к Великой Идее, каковая, по моему пониманию, просто не имела права не быть совершенной»⁴ (выделено нами. – Е. Ф.).

И этот глубокий непреодолимый конфликт, влияющий на сознание человека, обуславливал формирование в окружающей среде двух основных разновидностей стереотипного социального поведения: «Всё дальнейшее зависело от особенностей характера. Человек или замыкался

в своей оппозиционности на территории кухни, а за пределами её цинично “играл по общим правилам”, или, покидая территорию, пытался так или иначе реализовать свою оппозиционность через общение с себе подобными»⁵. Но и в том, и в другом случае имело место изматывающее духовное «двоение», грозившее началом духовного распада или в той или иной мере приводившее к негативным ментальным трансформациям. «И не **лукавость** ли стала определяющим стереотипом поведения советских людей последних советских десятилетий?»⁶ – спрашивает автор (выделено нами. – Е. Ф.).

Осмысливая своё социальное поведение, писатель показывает изменения, происходившие в сознании, сквозь призму собственного восприятия своей личности и отражения своей личности в сознании окружающих людей. Этот постоянно меняющийся в произведении «фокус» восприятия – в структуре одного абзаца нередко звучит многоголосие субъектов речи – позволяет достигать в тексте произведения высокой степени объективности описания: «**Любящие девушки** уважительно считали нас “идейными”, **равнодушные** считали “чокнутыми на политике”. И те, и другие были по-своему правы. Много позднее я придумал-сочинил объяснение тому странному явлению “выпадания” таких, как мы, из **нашего поколения**, которому уже и тогда всё было “до лампочки”. Суть придумки в том, что известны, к примеру, люди с повышенной болевой чувствительностью. Ненормальность. В некотором смысле – уродство. Но попадаются и люди с повышенной социальной чувствительностью – это такие, как я. Из таких формируется разная революционная сволочь, готовая не только сама сгореть в костре политических страстей, но и подпалить всё вокруг себя, поскольку утробный девиз худших из таких натур: **всё или ничего!**»⁷ (выделено нами. – Е. Ф.).

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 9.

² Там же.

³ См. Антология концептов: в 8 т. Т. 8 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2011. 328 с.

⁴ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 69.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Там же. С. 61.

⁷ Там же. С. 50.

И это «*всё или ничего*», неоднократно повторяющееся в различных вариантах, автор концептуально связывает с некоторыми особенностями ментальности русского человека. Подчёркивая «*русскую сложность*», Л. И. Бородин пишет: «*русский человек восприимчив к максималистскому образу проблем, когда они, проблемы, не только мифобразны по форме, но и апокалиптичны по существу*»¹.

Стремление понять истоки этих проблем, поиски выхода приводят автора к чтению трудов русских философов («*Соловьёв, Леонтьев, Победоносцев, все ранние и поздние славянофилы, Ильин, Булгаков, Бердяев, Шестов, Солоневич и тьма чего ещё*»²), и именно в русской философии Л. И. Бородин находит ответы на многие мучившие его вопросы. Прецедентное имя в тексте, как и концепт, им представляемый, – значимый параметр языковой личности [9, с. 23]. Благодаря целому корпусу прецедентных имён, соотносимых с русской философской мыслью, в текст произведения входит информация, декодирование которой возможно только с опорой на семантическую память читателя, при этом у каждого читателя (с его индивидуальной памятью, её объёмом и особенностями) свой вариант интертекстуального диалога. Но главное, полагаем, заключается в другом. Многочисленные отсылки к философским концепциям отражают запросы автора к духовной интеграции высоких достижений русской культуры XIX – начала XX вв. в процессы национально-культурного возрождения России на рубеже XX–XXI вв. Философские тексты особым образом преломляются в актах осмысления картин современности. У Л. И. Бородина это процессы возрождения основ национального самосознания, христианской культуры и обретения веры в Бога.

Индивидуально-авторский концепт *вера* как основа идиостиля Л. И. Бородина

В современной лингвистике достаточно чётко проявляются два подхода к изучению концептов: лингвокогнитивный и лингвокультурный, различающиеся преимущественно векторной направленностью на индивида: «лингвокогнитивный – направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный – направление от культуры к индивидуальному сознанию» [11, с. 95]. Для описания концепта *вера*, представленного в автобиографическом повествовании Л. И. Бородина «*Без выбора*», в его общезыковых и частных, специфических чертах, полагаем, необходимо предпринять опыт совмещения данных подходов, поскольку в отражении феномена связи языка и ментальной сферы человека – языкового сознания автора – в изучаемом произведении формируется индивидуально-авторский концепт *вера*, составляющий основу идейного содержания авторского повествования и его композиции как произведения уникального жанра, созданного Л. И. Бородиным.

Концепт *вера* как один из основных в русской языковой картине мира и базовых в системе национальных ценностей традиционно вызывает интерес исследователей в аспекте описания когнитивных характеристик его языковых репрезентаций, причём на уровне как языкового сознания, так и метаязыкового [10; 14 и др.]. Разработки моделей духовного концепта *вера* предлагают Ю. С. Степановым³, А. Петриковой [10], Е. В. Бобыревой [3], Т. Б. Радбилем [12] и др.

Резюмируя информацию, представленную в современных лингвистических исследованиях, необходимо отметить различия в структурировании концепта *вера* в русской языковой картине мира при преимущественной общности взглядов учёных на вопросы, связанные с его семантическим объёмом и языковыми средства-

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 94.

² Там же. С. 77–78.

³ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проспект, 2004. С. 402–418.

ми репрезентации (что основано прежде всего на достижениях лексикографии). *Вера* (номинант изучаемого концепта) – это «признание чего-л. истинной силой, превосходящей силу аргументов, фактов и логики; убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью; твёрдое убеждение в неперменном осуществлении, неизбежности чего-либо предстоящего»; кроме того, это «состояние сознания верующего, религия; определённое религиозное учение, вероисповедание; перен. направление в общественной жизни, науке, искусстве»¹.

Ядром концепта *вера* в русском языке, по мнению Е. В. Бобыревой, является «твёрдое убеждение в существование Бога». К числу периферийных компонентов учёный относит «уверенность, убеждённость в чём-либо». В широком понимании вера – это всё религиозное учение, в более узком понимании – отношение человека к Богу [3, с. 104]. По мнению А. С. Поляковой и А. А. Рябоконе, к ядру смыслового поля *веры* относятся: 1) убеждённость, уверенность в ком-то или чём-то; 2) убеждение, уверенность в существовании Бога; 3) признание истины без доказательств; 4) полное доверие [11, с. 96]. Полагаем, различные взгляды на понимание структуры концепта *вера* (различия в выделении его ядра и периферии) обусловлены мировоззренческими установками исследователей. А выявление как минимум девяти лексических значений у номинанта концепта, слова *вера* [12, с. 28–29], подтверждает, что «русские люди – осознанно или, по большей части, бессознательно – склонны концептуализировать в терминах веры самые разнообразные стороны духовной жизни, ментальной, психической или социальной действительности» [12, с. 27].

Особенности структурирования концепта *вера*, отражённые в автобиографическом повествовании «Без выбора», также обусловлены особенностями авторского

сознания. Причём концепт *вера* является здесь не только смысловым центром выражения авторской концепции миропонимания, что наблюдается и в других произведениях Л. И. Бородина [5, с. 253]. Бинарная оппозиция *вера / неверие* в данном произведении становится основным стимулом развёртывания процессов смыслопорождения текста и формирует на когнитивном уровне его композицию, характеризующейся зеркальной смысловой трансформацией определённого концептуального содержания, что схематично, с опорой на изучаемый текст, можно представить следующим образом: процессы формирования языковой личности автора в начале произведения коррелируют с характеристиками сознания типичного советского человека (*вера в правду, вера в справедливость, вера в идеалы социализма и в светлое будущее и отсутствие веры в Бога / неверие в Бога, атеизм; несколько упрощённо: неверие в Бога, а вера в Великую Идею*) и постепенно, под воздействием социальных факторов и в результате постижения основ православной аксиологии в авторском сознании происходят утрата веры в Великую Идею и обретение веры в Бога. Предметом напряжённой рефлексии писателя становится именно этот процесс глобальной ментальной трансформации, происходящей под влиянием картин окружающей действительности, точнее, её непостижимых контрастов: «*Байкал... Михалёво... Громадный лагерь... Однажды был массовый побег. Нам запрещали ходить в тайгу... Слюдянка... Зоны... Рудники... (Только через сорок лет узнаю, что именно там сгинул мой отец.) Иркутск... С любого бока зоны... Черемхово... Лагеря... Шахты... Тулун... Зона, тюрьма, поселения ссыльных... И ещё эшелоны с конвоем и решётками... Их несчётно выдвигал во всех местах проживания. Одинаковые. Будто один и тот же гоняют туда-сюда по мере надобности*»²; «*оказался я в Норильске, ещё недавно бывшем единым громадным концлагерем, а*

¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С. 158.

² Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 20–21.

в 1957-м объявленном ударной стройкой коммунизма»¹.

Лексемы *уверенность, убеждение, доверие* как репрезентанты концепта *вера*, зафиксированные практически во всех толковых словарях, странным образом оказываются неактуальными для описаний современной жизни в повествовании «Без выбора»: «Только что партия коммунистов торжественно провозгласила: “Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме!” И неважно, что никто, решительно **никто не верил** в провозглашённое. Важно другое: то самое “**нынешнее поколение людей**” освоило способ жизни без веры во что-либо “торжественно провозглашаемое”. Такое освоение свершилось на уровне элементарного инстинкта выживания. Оно же, **выживание, диктовало** (опять же на уровне инстинкта) **искреннее отталкивание от всякого формулирования этого самого всеобщего неверия**»² (выделено нами. – Е. Ф.). Наряду с номинацией «*способ жизни без веры*» используются: «*наука проживания без веры*», «*моё неверие*», «*задыхалась от безверия, заполняющего душу*» и т. д.

Проводимые в современной науке психолингвистические эксперименты показывают, что в сознании носителей русского языка «неверие» прежде всего связано с *неправдой, ложью, обманом, притворством, недоверием, сомнением* и затем уже *атеизмом, отрицанием веры и отказом от веры* [14, с. 175]. И если обычный советский человек по поводу своего неверия не рефлексирует («*В том его особенность и неповторимость*»), для Л. И. Бородина это повод не только для раздумий, но для полемики с другим своим великим современником: «*Тщетно А. И. Солженицын призывал жить не по лжи. Поздно. Люди научились жить по “не вере”. Причём все – от колхозника до члена Политбюро. Именно по “не вере”, а не по лжи, что, как*

оказалось, вовсе не одно и то же»³ (выделено нами. – Е. Ф.).

Использование религиозной лексики для трансляции не только религиозного, но и нерелигиозного (или псевдорелигиозного) содержания (вовлечение её в семантические поля русских идеологом XX в.) является способом концептуализации действительности на основе ассоциаций, позволяющих усматривать сходство, аналогию, смежность между различными формами общественного сознания:

«*Тысячи русских душ измордовал марксизм – величайшая утопия, вылившаяся из хилиастической ереси раннего христианства*»⁴ (выделено нами. – Е. Ф.);

«*Построение Царства Божьего на земле, царства всеобщей справедливости, где всяк равен всякому во всех аспектах бытия, именно это обещано антихристом. Цена этому осуществлению – Конец Света, то есть всеобщая гибель.*

Хилиастическая ересь потому и была отвергнута и осуждена христианством, что как бы содержала в себе формулу гибели человечества через *соблазн внебожьего преодоления несовершенства человека и всего им творимого*. Спекулируя на естественном, всеми *мировыми религиями* благословленном стремлении человека к улучшению бытия посредством нравственного совершенствования, просто и чётко сформулированного в *заповедях, хилиастический социализм* освобождал человека от тяжкого морального напряжения и выносил причину мировых бед, бедствий и страданий вовне, в структуру бытия, каковую надо было просто “переделать” соответствующим образом, чтобы сама по себе “заработала” модель всемирного счастья.

В том был главный обман, и поскольку *обман постепенно принял почти религиозную форму*, то естественно было авторство этого обмана “заперсонифицировать” на *антихристе. На дьяволе*⁵ (выделено нами. – Е. Ф.);

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 21.

² Там же. С. 60.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Там же. С. 95.

«И, по главной христианской молитве судя, лукавость – самое пагубное состояние человеческой души. Лукаво жили»¹ (выделено нами. – Е. Ф.).

Даже любимая народом песня Булата Окуджавы в контексте автобиографического повествования «Без выбора» оказывается мрачно идеологизированной: знаменитое «Возьмёмся за руки, друзья...» воспринимается Л. Бородиным как «один из рецептов лукавого душевного равновесия. А в молитве-то нашей как? **“Но избавь мя от лукавого...”**»².

Таким образом, особенности исторического развития России в XX в. писатель анализирует с позиций ментальности верующего человека – христианина («*действенность религиозного покаяния и отпущения грехов моему уму была известна и будто бы понятна*»³). Попытки заменить веру идеологией оказались безуспешными: «*Тихо жили по-советски, так же тихо от этой жизни отреклись*»⁴; «**Великий суррогат веры – социализм – истекал из души по каплям**»⁵. В сознании советского человека есть жажда обновления и доверия. Но это стремление, желание, но не реальность.

В тексте анализируемого произведения многочисленны примеры контаминации смыслового содержания религиозной лексикой и идеологием XX в., что отражает конкретно-исторический духовный опыт человека: «**Коммунистическая идея также имела свой прообраз – Царство Небесное, где торжествует всеобщая радость**»⁶; «**народ, исповедуя социалистическую идею...**»⁷; «**Подальше от греха, то есть от вредной пропаганды, убрали из нашей камеры “бытовиков”**»⁸; «**борцы с ересью**»⁹ (сотрудники правоохранительных органов), «**вождём восстановлены традицион-**

ные институты национальной имперской власти, оплодотворённые чуть ли не христианской по происхождению социальной программой. Отсюда и фразеология: **социалистические общины первых христиан; Христос – первый коммунист**; «**после лукавых хрущевских откровений**»; «**борьба за формальное исповедание обществом марксистско-коммунистических догм, за принуждение к лукавой лояльности сыграла решающую роль в дезориентации общества на момент социальной катастрофы**»¹⁰ (выделено нами. – Е. Ф.). Прецедентный агионим Христос проявляет не только номинативно-идентифицирующую функцию, но и характеризующую, поскольку актуализирует стоящие за ним ситуации, события, тексты [1, с. 118]. Объективно предпосылкой такой контаминации служат «базовые номинанты концепта **вера**, лежащие в основе светского и православного дискурса» [2, с. 95].

Процесс обретения веры представлен в авторском повествовании не как итог, а как начало нового пути, точнее, трудный поиск этого пути: «**В душах наших преобладала не столько вера в правильность избранного пути, сколько готовность отправиться в путь**»¹¹ (выделено нами. – Е. Ф.). Возможно, поэтому частотно используется в тексте в различных позициях частица **не**; нравственные ценности читатель постигает через систему заявленных автором отрицаний: «**Мы не верили в возможность принципиально бездуховного бытия в русском исполнении**»¹² (выделено нами. – Е. Ф.).

Выработанные самосознанием автора собственные принципы отношения к окружающему миру, к Богу, к другому человеку позволяют ему открыто заявить о своём понимании причин развала СССР: «**Экономические и геополитические причины краха российского коммунизма можно считать вторичными, потому как известно, что именно вера сдвигает горы... Либо их “задвигает” ... Экономика же лишь**

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 61.

² Там же.

³ Там же. С. 173.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 163.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 167–168.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Там же. С. 57.

способствует и соответствует»¹ (выделено нами. – Е. Ф.). Именно такое понимание побуждает Л. И. Бородину к вступлению 17 октября 1965 г. во *Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа* – подпольную антикоммунистическую организацию, нацеленную на возрождение тысячелетней России. Конкретно-историческое повествование, включающее изложение фактов, представление документов, воспоминания, вырастает в мифологизированную картину соборной молитвы с чётко выраженными элементами религиозного стиля и ритмикой молитвенного текста: «Десяток-полтора православных и всерьёз обсуждали возможность однажды, в один день и час всем, кто ещё верит в Бога, совершить соборную молитву о даровании России пробуждения от марксистского полусна – и да будет она услышана, и да не допустит Господь распада и тления, а восстановит чудом Своим и милостью Россию вечную, где всё доброе сохранилось, а худое истекло или истлело в бессилии»². В контексте произведения номинация *молитва* обретает глубокое символическое содержание, превращается в слово-символ как концентрацию духовных ценностей народа и его духовного опыта.

Заключение

Изучение текста автобиографического повествования Л. И. Бородин «Без выбора» в аспекте осмысления проблемы соотношения лингвистических категорий *языковая личность* и *идиостиль писателя* позволяет выявить факты ментальной детерминированности процессов текстопорождения, организующих систему используемых языковых средств и их композиционных форм, когнитивными доминантами языковой личности автора, среди которых особую значимость имеет концепт *вера*. Поворот сознания типичного советского человека к ценностям христианской культуры, обретение веры в

Бога predetermined процессами исторического развития России середины и конца XX в., вскрывшими несостоятельность догм интернациональной коммунистической идеологии. Национально-культурные традиции жизни русского народа, потребность в духовной интеграции высоких достижений русской культуры XIX – начала XX вв. с процессами национально-культурного возрождения России на рубеже XX–XXI вв. predetermined индивидуальную языковую картину мира писателя.

Концепт *вера* представлен значительным корпусом слов, традиционно относимых к религиозной лексике русского языка. Однако реализация лингвокультурологического потенциала данных слов воплощена автором как их контекстуальное переосмысление, являющее контаминацию традиционного, религиозного содержания и содержания культурно-коннотированной лексики, номинирующей идеологемы XX в.

Таким образом, индивидуально-авторский концепт *вера*, наполненный в автобиографическом повествовании Л. И. Бородин конкретным историческим содержанием, связанным с контекстом социально-политического развития России второй половины XX в., в то же время отражает основные этапы развития авторского сознания, является тем стержнем, вокруг которого организованы многочисленные сюжетные линии анализируемого произведения, что составляет основу идейного содержания и особенности композиционных форм данного сочинения, т. е. predetermined основные жанровые характеристики и жанровое своеобразие автобиографического повествования Л. И. Бородин «Без выбора».

Отражение в автобиографическом повествовании «Без выбора» процессов концептуальной интеграции результатов дискурсивной (стереотипной по своей природе) деятельности множества субъектов представляется как одна из отличительных языковых стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя. Используемые автором композиционные формы подчинены динамике развития сложных концеп-

¹ Бородин Л. Без выбора: автобиографическое повествование. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 57.

² Там же. С. 182.

туальных структур, представляющих различные типы информации, что в том числе обуславливает ассоциативную интертекстуальность авторского повествования, в частности, значительное количество прецедентных имён, соотносимых с великой русской философской мыслью.

Информационная насыщенность текста, значимость представленной в сочинении

проблематики предопределили уникальность жанра «автобиографического повествования» Л. И. Бородина, в котором достаточно чётко проявляется конвергенция публицистического и художественного дискурсов в сочетании с элементами исторического и социологического исследования.

Статья поступила в редакцию 22.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова Ю. А. Прецедентные агонимы как средства вербализации концепта ВЕРА / НЕВЕРИЕ в новейшем немецкоязычном романе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 4. С. 115–122.
2. Балашова Е. Ю. Номинативная плотность лингвокультурного концепта ВЕРА / FAITH в русском и английском языках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 92–98.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография. Волгоград: Перемена, 2007. 375 с.
4. Болотнова Н. С. К вопросу о понятии «когнитивный стиль языковой личности» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 10 (125). С. 164–168.
5. Васильева Т. И. Формы выражения авторского сознания в прозе Л. И. Бородина // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 252–256.
6. Идиостиль и ритм текста: коллективная монография / Е. И. Бойчук, И. А. Воронцова, Е. В. Шляхтина, О. В. Беляева. Ярославль: Редакционно-издательский отдел ЯГПУ, 2019. 184 с.
7. Корниенко Е. Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 265–271.
8. Леденёва В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. № 5. С. 38–41.
9. Леденёва В. В. Прецедентное имя Святого князя Владимира в концептуальном пространстве текстов Н. С. Лескова [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy> (дата обращения: 28.01.2021).
10. Петрикова А. Концепт «Вера» в православном и католическом (восточного обряда) дискурсах // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. 2009. № 8. С. 36–47.
11. Полякова А. С., Рябоконт А. А. Концепты «Вера» и «Доверие» в русской и британской лингвокультуре // Современные тенденции в науке, технике, образовании: X международная научно-практическая конференция, Смоленск, 18 мая 2020 г. Смоленск: Наукосфера, 2020. С. 95–103.
12. Радбиль Т. Б. Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2019. С. 23–35.
13. Старкова Е. В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5. С. 75–81.
14. Талапова Т. А. Языковое и метаязыковое представление синонимических отношений, актуализирующих концепт *Вера* / *Неверие* в русской языковой картине мира // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 1 (52). С. 172–176.

REFERENCES

1. Blinova Yu. A. [Precedent Hagionyms as a Means of Verbalizing the Concept of FAITH / DISBELIEF in the Latest German-language Novel]. In: *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology], 2020, vol. 26, no. 4, pp. 115–122.
2. Balashova E. Yu. [Nominative Density of the Linguocultural Concept of VERA / FAITH in Russian and English]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2010, no. 2, pp. 92–98.
3. Bobyreva E. V. *Religiozniy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: Values, Genres, Strategies (Based on the Orthodox Doctrine)]. Volgograd, Peremena Publ., 2007. 375 p.

4. Bolotnova N. S. [On the Problem of the Concept of “Cognitive Style of a Linguistic Personality”]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2012, no. 10 (125), pp. 164–168.
5. Vasileva T. I. [Forms of Expression of the Author’s Consciousness in the Prose of L. Borodin]. In: *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2015, no. 2 (48), pp. 252–256.
6. Bojchuk E. I., Voroncova I. A., Shlyahtina E. V., Belyaeva O. V. *Idiostil’ i ritm teksta* [Idiostyle and Rhythm of the Text]. Yaroslavl, Yaroslavl Pedagogical University Ed. off. Publ., 2019. 184 p.
7. Kornienko E. R. [Idiolect and Idiostyle: On the Problem of the Correlation of Concepts]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2019, no. 1, pp. 265–271.
8. Ledeneva V. V. [Idiostyle (To Clarify the Concept)]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2001, no. 5, pp. 38–41.
9. Ledeneva V. V. [The Precedent Name of the Holy Prince Vladimir in the Conceptual Space of Texts by N. Leskov]. In: *Yazyk i tekst* [Language and Text], 2015, vol. 2, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy> (accessed: 28.01.2021).
10. Petrikova A. [Concept of Faith in the Orthodox and Catholic (Eastern Rite) Discourses]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University], 2009, no. 8, pp. 36–47.
11. Polyakova A. S., Ryabokon’ A. A. [Concepts of Faith and Trust in Russian and British Linguoculture]. In: *Sovremennye tendentsii v nauke, tekhnike, obrazovanii: X mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Smolensk, 18 maya 2020 g.* [Modern Trends in Science, Technology, Education: X International Scientific and Practical Conference, Smolensk, May 18, 2020]. Smolensk, Naukosfera Publ., 2020, pp. 95–103.
12. Radbil T. B. [Faith as the Basis of World Perception and World Outlook in the Russian Language Picture of the World]. In: Arutyunova N. D., Kovshova M. L., eds. *Lingvokulturologicheskie issledovaniya. Logicheskii analiz yazyka. Ponyatie very v raznykh yazykakh i kulturakh* [Linguoculturological Studies. Logical analysis of language. The Concept of Faith in Different Languages and Cultures]. Moscow, Gnozis Publ., 2019, pp. 23–35.
13. Starkova E. V. [The Problem of Understanding the Phenomenon of Idiostyle in Linguistic Research]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University], 2015, no. 5, pp. 75–81.
14. Talapova T. A. [Linguistic and Metalanguage Representation of Synonymous Relations that Actualize the Concept of Faith]. In: *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Disbelief in the Russian Language Picture of the World], 2009, no. 1 (52), pp. 172–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федорченко Евгения Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Fedorchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Humanities, Russian Customs Academy;
e-mail: fedorchenko-ea@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федорченко Е. А. Когнитивные доминанты идиостиля и их жанрообразующие функции в автобиографическом повествовании Л. Бородина «Без выбора» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 56–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-56-67

FOR CITATION

Fedorchenko E. A. Cognitive Dominants of The Author’s Idiostyle and Their Genre-Forming Functions in The Autobiographical Narrative of “Without Choice” by L. Borodin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 56–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-56-67

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-4

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-68-77

ПРОБЛЕМА «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА» В ОЧЕРКЕ А. В. ЕЛИСЕЕВА «В ТАЙГЕ» (1891)

Александрова-Осокина О. Н.

Тихоокеанский государственный университет

680000, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136, Российская Федерация

Аннотация

Цель. На материале очерка «В тайге» познакомить с творчеством писателя-путешественника А. В. Елисеева (1858–1895) и проследить основные проблемно-тематические и художественные константы его природоведческой прозы.

Процедура и методы. В работе использован инструментарий типологического, культурно-исторического, имманентного методов анализа художественного текста, а также методика «медленного чтения». Очерк проанализирован с точки зрения тематики и проблематики, историко-культурных и биографических реалий, отражённых в его содержании, а также прослежено родство очерка с природоведческими произведениями рубежа XIX–XX вв.

Результаты. Анализ очерка «В тайге» свидетельствует об оригинальной художественной манере А. В. Елисеева. В исследовании показано, что смысловыми доминантами очерка являются проблемы отношения «цивилизации и природы», целостности природного мира, «естественного человека». В структуре произведения выявлено три композиционно-тематических элемента: пейзаж, охота, портрет аборигена. Для каждого элемента обозначена историко-литературная традиция: пейзаж-экфрагисис, анималистика, охотничий рассказ, этнографический портрет; прослежена типология образа дальневосточного аборигена в русской литературе рубежа веков (В. К. Арсеньев, М. М. Пришвин). В процессе анализа показано, что для стиля очерка характерно соединение документально-предметного, изобразительного и символично-обобщающего. Проведённый анализ позволил высказать мысль о жанровом синкретизме очерка, объединяющем традиции натурфилософской прозы, охотничьего рассказа, этнографического очеркового портрета, лирико-философского эссе.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представленный материал обогащает новыми фактами исследования в области очерковой прозы, регионалистики, природоведческой литературы. Теоретической значимостью исследования выступает расширение представления о потенциальном богатстве очерковой поэтики. Презентация творчества А. В. Елисеева может послужить импульсом для монографического изучения творчества писателя. Практическая значимость исследования состоит в возможности включения историко-литературной информации о творчестве А. В. Елисеева в пособия по региональной (дальневосточной) литературе, а также в справочники и пособия по литературе рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: А. В. Елисеев, очерковая проза, географическая литература

PROBLEM OF “MAN AND NATURE” IN A. V. ELISEEV’S ESSAY “IN THE TAIGA” (1891)

O. Alexandrova-Osokina

Pacific State University

ul. Tikhookeanskaya 136, Khabarovsk 680000, Russian Federation

Abstract

Aim. On the basis of the essay “In the Taiga” we acquaint the reader with the work of the travel writer A. V. Eliseev (1858–1895) and identify the main problem-thematic and artistic constants of his natural history prose.

Methodology. Use is made of the tools of typological, cultural-historical, and immanent methods of analysis of a literary text, as well as of the method of “slow reading”. The essay is analyzed from the point of view of themes and problems, as well as historical, cultural and biographical culture-specific items reflected in its content. The convergence of the essay with natural philosophy literature of the turn of the XIX–XX centuries is traced.

Results. The analysis of the essay “In the taiga” testifies to the original artistic manner of A. V. Eliseev. The paper shows that the semantic dominants of the essay include the problems of the relationship between “civilization and nature”, the integrity of the natural world, and “natural man”. The structure of the work reveals three compositional and thematic elements: landscape, hunting, and portrait of an indigenous person. For each element, a historical-literary tradition is designated: landscape ekphrasis, animalistic literature, hunting story, and ethnographic portrait; the typology of the image of the Far Eastern indigenous person in the Russian literature at the turn of the century is traced (V. K. Arsenyev, M. M. Prishvin). The analysis demonstrates that the style of the essay is characterized by a combination of documentary-subject, pictorial and symbolic-generalizing elements. The analysis makes it possible to express the idea of the genre syncretism of the essay, combining the traditions of natural philosophical prose, hunting story, ethnographic essay portrait, and lyrical and philosophical essay.

Research implications. The material introduced in the paper enriches the research in the field of essay prose, regional studies, and natural philosophical prose. The theoretical significance of the study is the expansion of the idea of the potential richness of essay poetics. The presentation of the work of A. V. Eliseev can serve as an impetus for the monographic study of the writer’s work. The practical significance of the research is the possibility of including historical and literary information about the work of A. V. Eliseev in textbooks on regional (Far Eastern) literature, as well as in reference books and manuals on literature of the turn of the XIX–XX centuries.

Keywords: A. Eliseev, essay prose, geographical literature

Введение

В исследовании рассматриваются вопросы содержания и поэтики очерка «В тайге» русского учёного-естествоиспытателя и писателя А. В. Елисеева¹.

Александр Васильевич Елисеев (1858–1895) – уникальная фигура в русской культуре: врач, путешественник, учёный, незаурядный писатель, совершив-

ший с 1881 по 1891 гг. многочисленные экспедиции в Африку, Алжир, страны Ближнего Востока, в Палестину и Египет, на Российский Дальний Восток и на Урал, в Финляндию. По материалам своих путешествий он написал более ста научных и научно-популярных статей историко-культурного характера. Перу учёного также принадлежат четырёхтомная книга путешествий «По белу свету» (первое издание – 1898 г.) и очерки «Львиные ночи» (1900), «В тайге» (1981), «С русскими паломниками на Святой земле весной 1884 года»

¹ Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о далёком Востоке) / рис. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. 3-е изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. 88 с.

(1885)¹. Эти произведения помимо историко-культурного значения представляют также интерес как образцы научно-художественной очерковой литературы.

Вклад учёного в развитие русской географической прозы, в которой отражался опыт межкультурного обмена, формировалась геопоэтическая картина мира, складывалась художественная ориенталистика, значителен. Однако литературное творчество А. В. Елисеева практически не изучалось. Исключение составляют статьи автора настоящего исследования по проблемам очерковой прозы середины XIX в., посвящённой Дальнему Востоку², где среди других писателей-путешественников упоминается и А. В. Елисеев. Этим определяется новизна работы. Актуальность исследования обусловлена интересом современной науки к документально-художественным жанрам, в частности, к очерковой природоведческой прозе рубежа XIX–XX вв., к вопросам геопоэтики и географической прозы.

Сочинения А. В. Елисеева находятся в общем ряду типологически близких произведений писателей-путешественников. Среди авторов: Н. М. Пржевальский, Н. Н. Миклухо-Маклай, П. С. Тянь-Шанский, П. К. Козлов, Г. Грум-Гржимайло, Г. Н. Потанин, И. В. Мушкетов, Ч. Валиханов, В. В. Юнкер, М. В. Певцов, В. В. Сапожников, Н. Северцов, А. К. Булатович, И. Ф. Крузенштерн, В. М. Головин, Г. Сарычев, Л. А. Загоскин, Ф. П. Врангель и Ф. Ф. Магюшкин, Ф. Ф. Беллинсгаузен,

П. К. Пахтусов, Г. И. Невельской и ещё ряд других замечательных имён³. Каждый из названных авторов – выдающийся деятель русской культуры.

В жанрово-стилевом отношении произведения этих авторов развивали традиции путевых жанров (путевого очерка, путешествия), художественно-документальной прозы, этнографического очерка. В содержательном аспекте эта литература относится к области «литературной географии»⁴, или к относительно недавно получившей терминологическое определение области литературоведения – геопоэтике [1] – и формируется на стыке литературы, географии, истории культуры, этнографии, межкультурной коммуникации.

Как литературное явление проза писателей-путешественников изучена недостаточно. Среди немногочисленных работ, в которых изучается эта литература, заметно выделяются исследования дальневосточных учёных: С. Ф. Крившенко, Н. И. Плотноковой, О. Н. Александровой-Осокиной, Е. А. Чач, Ю. А. Яроцкой [2; 4; 6; 8; 9; 11].

Следует подчеркнуть, что объединение этой прозы в жанровую группу «путевая проза» условно. Оно основывается на важном, но формальном признаке – наличии факта «путешествия» в фабульной организации текста. Содержательно же эти произведения представляют различные грани мироотражения: историософию, этнографию, природоведение, анималистику и, следовательно, могут быть рассмотрены в парадигме пейзажного или этнографического очерка, анималистического рассказа, натурфилософского эссе и т. д.

Изучение этой литературы вернёт память о выдающихся деятелях отечественной культуры, о каждом из которых можно было бы сказать словами А. П. Чехова, что

¹ См.: Елисеев (Александр Васильевич) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 41 т. Т. 21а: Евреиновы – Жилон. СПб.: Изд-во Ф. А. Брокгауза – И. А. Ефрона, 1984. С. 621–622; Мощанская В. Н. Путешествия А. В. Елисеева по белу свету. М.: Географгиз, 1956. 112 с.; Лукницкая В. К. Пусть будет Земля (Повесть о путешественнике). М.: Мысль, 1985. 208 с.; Елисеев Александр Васильевич, русский путешественник, врач // Русские путешественники и мореплаватели: [сайт]. URL: <http://rus-travelers.ru/eliseev-aleksandr-vasilevich> (дата обращения: 10.04.2021).

² См.: Хайруллина О. Н. (Александрова-Осокина) Очерк второй половины XIX века: жанрово-стилевая характеристика: на материале очерков о российском Дальнем Востоке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2001. 21 с.

³ См.: Путешественники XIX века. Аннотированный библиографический список // Live-Lib: [сайт]. URL: <https://www.livelib.ru/selection/825400-puteshestvenniki-19-veka/listview/biglist#books> (дата обращения: 10.04.2021).

⁴ См.: Беседы о литературной географии // Русское географическое общество: [сайт]. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/besedy-o-literaturnoy-geografii> (дата обращения: 10.04.2021).

он – «нравственный образец общества»¹. Их дневники и очерки путешествий представляют интерес как «человеческие документы» своего времени. Изучение особенностей содержания и художественной организации произведений писателей-путешественников обогащает знание о жанрово-стилевом развитии документально-художественной литературы.

В этом отношении интересно обратиться к очерку А. В. Елисеева «В тайге».

Проблема очерка и природоведческая проблематика Серебряного века

В очерке отражено пребывание А. В. Елисеева на Дальнем Востоке в 1981 г. Он прибыл во Владивосток на пароходе «Кантон», в качестве врача сопровождая партию русских переселенцев, и провёл двухнедельную экспедицию по Приморской тайге (в районе рек Суйфун, Сучан, Цимухе, Таудеми, заливов Посьета и Ольги) в сопровождении китайских проводников.

Очерк «В тайге» не тяготеет в большей степени к путевому жанру, но напоминает лирико-философское эссе о взаимоотношении человека и природы. Основная форма речевой организации текста – внутренний монолог. Автобиографический герой представляет тип человека с «космическим мироощущением» – он понимает голос природы, ощущает единство и целостность мира: *«Мне казалось, что я вслушиваюсь в скрытую жизнь самой тайги, понимая её тайны, её тихий говор, слышу трепетание листвы, шелест каждой букашки, дыхание ветра, прозябание травы»*².

Произведение хронологически и мировоззренчески связано с эпохой Серебряного века. Взгляд А. В. Елисеева на отношения человека и природы соотно-

сится с художественно-философской традицией рубежа XIX–XX вв. В этот период открытия в области естествознания и философии подвели к изменению представлений о картине мира, складывалось представление о мире как о системе сложных связей всего живого на Земле, идеи космизма, ноосферы, всеединства находили отражение в научно-философских работах и в литературном творчестве.

Проблема взаимоотношения человека и природы ставилась в трудах философов Серебряного века в большей степени в общефилософском, антропологическом аспекте. Главным вопросом был поиск путей духовного совершенствования мира, а собственно же природоведческая, «экологическая» проблематика присутствовала в творчестве мыслителей и художников Серебряного века в большей степени имплицитно. Время этой темы наступит ближе к середине XX в., и она проявится в природоведческой прозе М. Пришвина, К. Паустовского [7, с. 50]. В этом смысле можно сказать, что А. В. Елисеев стоял у истоков создания философской природоведческой прозы.

Образ тайги в очерке

Образ тайги (леса) в очерке выступает и в прямом значении, и как метафора для обозначения природы в целом. Смысловая двусоставность в структуре образа обнаруживается в различных фрагментах текста. Например, сравнение тайги с храмом и океаном (*«в глухих недрах этого лесного океана, как под сводами древнего величественного храма, царит вечная тишина»*³; *«могучие кедровники шумят глухо, как отдалённое море»*⁴) строится как на внешнем сходстве этих явлений, так и на общности абстрактно-философских значений, присутствующих этим явлениям, – «стихийность», «вневременность», «бесконечность», единство материального и духовного.

¹ Чехов А. П. Н. М. Пржевальский // Чехов А. П. Сочинения: в 18 т. Т. 16: Сочинения 1881–1902. М.: Наука, 1979. С. 236.

² Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о дальнем Востоке) / рис. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. 3-е изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 41–42.

³ Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о дальнем Востоке) / рис. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. 3-е изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 26.

⁴ Там же. С. 41.

Двойственное значение имеет и изобразительно-выразительный характер пейзажных описаний. Импрессионистский характер пейзажного экфрасиса не только служит задачам визуализации, но и передаёт неисчерпаемость красоты жизни, избытие и полноту её форм: «Тайга ... осенью является во всей своей пышной красе. Однообразный летний зелёный наряд расцвечивается всеми красками радуги, не цветы, а листья горят яркими самоцветами ... Красный лист дикого винограда вьётся красивыми гирляндами по тёмным стволам кедров и дубов, ярко-жёлтый рябинник и бледно-розовая осина робко тянется под широкими лапами хвои, пёстрая таволга прячется под ярко-зелёным орешником, серебристая ива – под стройным ильмом ... пёстрая листва заметна оттеняется тёмными стволами, ставшими тесными рядами, в которых утопает взор»¹; «восходящее солнце особенно красиво золотило сквозные вершины и пятна разноцветной листвы, разукрашенной осенью и обильною росой»².

В цветовой палитре преобладают не столько цветовые характеристики, сколько игра света и тени, блики, цветовые пятна. Цветовые и световые эпитеты несут и символическое значение – иллюстрируют пышность и многоцветье жизни вообще, вечную борьбу света и тьмы: «В тайге Южно-Уссурийского края природа не поскупилась на свои дары: она дала ей много света, много красок, жизни и красоты»³. Красота и избыточность природных форм являются характеристикой ценностной, связаны с присутствием Высшего начала в мире. По определению философа Е. Я. Басина, полнота представляет собой сложную иерархически организованную систему и выступает как необходимая сторона совершенства [3, с. 113].

А. В. Елисеев подчёркивает присущую природному миру гармонию, соразмер-

ность и изначальную продуманность: «Природа здесь уравновешена, она гармонична во всех частях; самые разнообразные биологические процессы, порождающие жизнь и рой лесного царства, идут вместе, смешиваясь, взаимно дополняя и поддерживая друг друга. В самой себе тайга рождается и умирает, движется вперёд и отступает»⁴.

Развивая мысль о природе как целостном Абсолюте, Елисеев в повторяемости природных циклов видит и залог бессмертия для человека. «Пусть ничто в мире не вечно, пусть исход всему – видимая смерть и небытие, но помни, смертный, не пропадёшь ты бесследно в бесконечном пространстве миров, подобно тому, как частица света, капля воды, дуновение воздуха, песчинка камня, атом всего существующего в мире – ты пойдёшь на новое творение Браммы, войдёшь в состав нового существа, в дыхание новой жизни. ... Жизнь рождена для вечного существования, сама смерть есть обновление жизни»⁵.

К опыту древнеиндийской религии Упанишад учёный обращался и в других работах. Так, в этнографическом очерке «Из истории культуры» в повести «Львиные ночи» он подчёркивал значимость восточных религий в современном европейском мире⁶. Внимание Елисеева к культуре Востока шло в русле художественно-философских исканий Серебряного века, многие деятели которого (в частности, К. Бальмонт, И. Бунин, Н. Гумилёв, А. Белый, В. Хлебников, Н. Рерих) в религиозно-философских системах индуизма, даосизма, конфуцианства находили источник своего духовного роста и творчества [10].

Присущая восточным философиям идея целостности мира и связи человека со своими природными первоначалами сквозной нитью проходит через весь текст очерка «В тайге». Человек есть «частица общей матери-природы, ... тянет гордое своим умом и культурой человека, в обще-

¹ Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о далёком Востоке) / рис. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. 3-е изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 21–22.

² Там же. С. 30.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Елисеев А. В. Из истории культуры. Очерк доктора А. Елисеева. СПб., 1895. С. 7.

ние с природой, как только надорвутся его телесные и умственные силы. И он, раб своего тела, инстинктивно тянется туда, где полным ключом бьёт родник жизни»¹.

Развивая мысль о месте человека в мире, автор противопоставляет «цивилизациюдушных городов» и «природу». «Душный город» губителен для человека, опустошителен для души, а природа даёт цельность бытия: «Когда усталый и измождённый, истратив запас своих умственных и телесных сил, я бегу из душных городов, куда заключает нас от рождения самая жизнь, меня манит к себе лишь зеленеющая сень лесов; целительная сила их заключается в массе жизни, разлитой в их зелёной сени, напоённой дыханием растений»².

С идеей целительной силы природы связано оптимистическое восприятие мира. «В лесу, где всё полно жизни ... всё дышит ею, говорит о ней, – в лесу нет места мрачной мысли, пессимизму. ... Призыв к жизни, а не к смерти несётся от каждого уголка зелёного царства; жажда жизни и наслаждение ею слышится в каждом звуке, раздающемся в тысячеголосой тайге»³.

В этой мысли прослеживаются отголоски древнеиндийской философии, в соответствии с которой весь мир проникнут благодатью, и все равны, потому что каждое существо перед лицом Вселенной является носителем общей тайны жизни. Физическое и духовное обновление человека, по мысли писателя, должны быть едины. «Тут яснее, чем во всех книгах мира, можно познать тайны мироздания, понимать те мудрые законы, по которым движется, живёт и обновляется мир. Тут нет места для мрачного пессимизма. Природа – сама великий оптимист»⁴.

Главная идея очерка состоит в утверждении связи человечества с его природными истоками. «Родною колыбелью были девственные первобытные леса и для нового

созданного человека, который в них нашёл себе первый кров и пищу, в них вырос, приобрёл силу и возмужал; из леса вышел будущий царь земли для того, чтобы покорить себе землю, а потом и самые стихии»⁵.

По мысли автора, отрыв человека от своих природных корней является мнимым: природа всегда напоминает о себе. Путешественник, человек города («цивилизации»), оставшись вдали от людей, начинает преодолевать в своём сознании ощущение фрагментарности мира, ощущает мир природы целостно, видит себя частью космического процесса, звеном во всеобщей связи сил и стихий.

Эпизоды с охотой на тигра в художественной структуре очерка

Идея проявления природного начала в человеке раскрывается в очерке в эпизодах охоты на тигра. «Охотничья тема» в очерке служит общим художественным задачам: автор делает акцент на символично-мифологическом содержании смысла охоты. Тигр в очерке выступает олицетворением силы природы. Это – «царь здешних лесов», «беспорный владыка Приамурской тайги», «Божий бич, грозящий не только животным, но и самому человеку». А охотник олицетворяет силу человека: «страсть охотника мало-помалу расхотелась во мне, что я ещё недавно трепетавший перед одним следом тигра, теперь сам искал встречи с ним, надеясь померяться с ним в честном бою»⁶. Охота на тигра в очерке показана как единборство двух сил: природы и человека.

Появление тигра изображено в очерке символически: как катастрофа, как расплата человека за его дерзость перед природой, которой он посмел сделать вызов: «да, это был он, которого мы так долго искали, и который, наконец, откликнулся на наш призыв и явился на решительный бой, чтобы померяться с человеком, пришедшим в самое его царство нарушать его покой»⁷.

¹ Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о далёком Востоке) / рис. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. 3-е изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 16.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 23–25.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 65–66.

⁷ Там же. С. 78.

Развивая мысль об иллюзорности отделения человека от природы, А. В. Елисеев подчёркивает, что современный человек в условиях первозданной природы, в атмосфере первобытной борьбы за жизнь очень быстро возрождает в себе древнюю природную память. В сценах охоты показано, что для того, чтобы победить, человек должен возродить в себе природное начало, стать чутким, как зверь, слиться с природой. *«Кто не был охотником, ... тот не может понять полное состояние духа человека, сидящего настороже и ожидающего каждую минуту появления того, кого он сам вызывает на бой. Сердце как-то странно сжимается ..., все чувства насторожены, глаза ... приобретают возможность видеть и различать в темноте, ухо изоощряется улавливать звуки, неслышимые при обыкновенных условиях»*¹. Охота в контексте всего очерка вырастает до обобщённого образа, символизирующего противостояние человека и природы.

Разрабатывая идею единства всего живого на Земле, автор подчёркивает, что в момент опасности всё живое собирается вместе. *«Одну из ночей проводили мы в Цемухинской тайге возле корейского костерка. Чем ближе становилась ночь и чем темнее становилась тайга, тем ближе и теснее садилась кучка вокруг ярко вспыхивающего огонька ... как-то инстинктивно теснились между собой и животные и люди»*².

В момент нападения тигра на стоянку охотников единственным спасением становится огонь костров, который люди раскладывают вокруг. Именно огонь – стихия природы – спасает людей от другой природной силы – тигра. «Мы снова могли поздравить себя с победой, но как ничтожна она была сама по себе. Ни перед нами, ни даже перед нашим оружием, а перед могучей стихийной силой отступил страшный хищник ... Не человек со всеми своими

*винтовками, а огонь напугал тигра и заставил его отменить нападение»*³.

Таким образом, сцены охоты на тигра в очерке «В тайге» необходимы для развития главной темы – взаимодействия человека и природы. Человек в этом поединке с природой, по мысли писателя, может одержать победу, только слившись с самой природой, прибегнув к защите её стихии.

Образ дальневосточного аборигена в очерке

С идейно-художественным замыслом очерка связан и образ проводника А. В. Елисеева – китайца Тунли, в образе которого подчёркивается единство человеческого и природного начал: *«его сердце было отзывчиво к нуждам ближнего ... лесная фанза Тунли была ... домом для всякого путника или охотника»*⁴.

А. В. Елисеев был первым русским писателем, создавшим в русской литературе художественный образ аборигена Дальнего Востока. За ним последуют В. К. Арсеньев, создавший портрет Дерсу Узала в одноимённой повести (1924), и М. М. Пришвин, создавший образ искателя женьшеня Лувена из повести «Женьшень» (1932). Образы Тунли, Дерсу Узала, Лувена типологически близки. Сходство этих героев показывает, насколько точно и глубоко А. В. Елисеев почувствовал и художественно воссоздал существенные черты психологии, мировоззрения Тунли.

Вопрос единых корней человеческой культуры занимал А. В. Елисеева как учёного-этнографа. В очерке «Из истории культуры» он писал, что многообразие современной культуры есть результат коллективной разумной деятельности всего человечества *«со времени первого его появления на земле»*⁵. Создавая образ Тунли, автор подчёркивает, что этот тип не исключение, он связан с близостью к природному миру и встречался писателю в разных

¹ Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о далёком Востоке) / рис. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. 3-е изд. СПб: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 54.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ См.: Елисеев А. В. Из истории культуры: Очерк доктора Елисеева. СПб., 1895. С. 3–5.

уголках Земли: «на Урале, и на Кавказе, и на Обонежье, и в Алжире, и на Тавре, – везде, где остаются ещё целыми дремучие, запovedные леса»¹. Называя Тунли «маньчжурский Немрод», автор включал тем самым героя в типологический ряд библейских ветхозаветных персонажей², подчёркивая глубинные мифологические основы его мышления и образа жизни, его глубинную связь с древними людьми, жившими неотделимой от природы жизнью.

Образ Тунли связан с главной идеей очерка – показать, что только в единстве с природным началом человек имеет полную силу. Герой очерка доказывает «примером собственной жизни, как могуч даже один, предоставленный самому себе человек в борьбе и, вместе с тем, в союзе со всемогущей природой»³.

Заключение

Очерк «В тайге», соединяя документальный и художественно-символический типы мироощущения, рисует мир природы как гармонически сложенную систему, частью которой является и человек. Тайга (лес), по мысли Елисеева, излучает жизнь, одухотворяя и просветляя окружающий мир. Главная проблема, поставленная в очерке, – найти основу для органичного сосуществования человека и природного мира.

Изучение очерковой прозы А. В. Елисеева видится перспективной задачей современного литературоведения.

Исследование очерка «В тайге» позволяет проследить, что художественные искания А. В. Елисеева мировоззренчески были созвучны художественно-философским поискам рубежа XIX–XX вв.

Анализ творчества А. В. Елисеева, выполненный на материале очерка «В тайге», показывает автора как оригинального художника-мыслителя, сумевшего в рамках очерка соединить опыт натурфилософской прозы, традиции охотничьего рассказа, анималистики, этнографического очеркового портрета, лирико-философского эссе. Автор ставит вопросы об отношениях «цивилизации и природы», целостности природного мира, «естественного человека», что позволяет рассматривать его очерк как звено в развитии отечественной натурфилософской прозы, что побуждает к дальнейшему исследованию всего богатого очеркового наследия писателя. Импрессионизм в воссоздании пейзажа, символизм и философичность, натурфилософская тематика и интерес к образу Востока перекликаются с открытиями «литературы странствий», которая выражала сам переломный дух эпохи [5, с. 11; 9].

Обращение к исследованию творчества А. В. Елисеева обогащает представления о поэтике очерковой природоведческой прозы и вносит вклад в формирование литературной регионалистики.

Статья поступила в редакцию 16.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова-Осокина О. Н. Вопросы геоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–141.
2. Александрова-Осокина О. Н. Поэтика дальневосточного пейзажа в книге Н. М. Пржевальского «Путешествие в Усурийском крае» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 71–82.
3. Басин Е. Я. Полнота как художественная ценность // Философские науки. 2009. № 7. С. 113–124.
4. Крившенко С. Ф. Дорогами землепроходцев: героика освоения Дальнего Востока в очерково-мемуарной и исторической прозе. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1984. 191 с.

¹ Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о далёком Востоке) / рис. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. 3-е изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 11.

² Немрод // Энциклопедия Кругосвет [сайт]. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/NIMROD.html (дата обращения: 10.04.2021).

³ Елисеев А. В. В тайге (Из воспоминаний о далёком Востоке) / рис. В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова. 3-е изд. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1910. С. 16.

5. Культура путешествий в Серебряном веке: исследования и рецепции: коллективная монография / сост. Ю. С. Подлубнова, Е. В. Симонова; предисл. Л. В. Маштаковой. Екатеринбург; М.: Кабинетный учёный, 2020. 300 с.
6. Плотникова Н. И. Пейзаж в очерках В. К. Арсеньева «Сквозь тайгу» // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и Восточного зарубежья: проблемы межкультурной коммуникации: материалы участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 4 февраля 2016 г. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. С. 54–58.
7. Романов Д. Д. Экологические аспекты русской религиозной философии // Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века: материалы XIX Международной научной конференции, Минск, 23–24 мая 2019 г.: в 3 ч. Ч. 1. Мн.: МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ, 2019. С. 49–52.
8. Хайруллина (Александрова-Осокина) О. Н. Художественно-научная философия природы в очерке А. В. Елисеева «В тайге» // Запад-Восток: образование и наука на пороге XXI века: межвузовский сборник научных трудов. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2000. С. 70–74.
9. Чач Е. А. Серебряный век как историко-культурная парадигма: на примере творчества В. К. Арсеньева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2011. № 4. С. 109–117.
10. Шахматова Е. Б. Восток – Запад: антикризисный диалог в эпоху глобальных перемен // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 28–30.
11. Яроцкая Ю. А. Формирование представлений читателей о Дальнем Востоке России в книге В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» // Образ Родины: содержание, формирование, актуализация: материалы Международной научной конференции, Москва, 21 апреля 2017 г. М.: Московский художественно-промышленный институт, 2017. С. 139–142.

REFERENCES

1. Alexandrova-Osokina O. N. [Problems of Geopoetics in Modern Literary Criticism]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialog], 2020, no. 5, pp. 216–241.
2. Alexandrova-Osokina O. N. [Poetics of the Far Eastern landscape in N. Przhevalsky's Book "Journey to the Ussuri"]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2019, no. 3, pp. 71–82.
3. Basin E. Ya. [Completeness as an Artistic Value]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2009, no. 7, pp. 113–124.
4. Krivshenko S. F. *Dorogami zemleprkohodtsev: geroika osvoeniya Dal'nego Vostoka v ocherkovo-memuarnoi i istoricheskoi proze* [By the Paths of Explorers: Heroism of the Development of the Far East in Essay-Memoir and Historical Prose]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe Publ., 1984. 191 p.
5. Podlubnova Yu. S., Simonova E. V., comps. *Kul'tura putesthestvii v Serebryanom veke: issledovaniya i retseptsii* [The Culture of Travel in the Silver Age: Research and Reception]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetny uchyony Publ., 2020. 300 p.
6. Plotnikova N. I. [Landscape in the Sketches of V. Arseniev "Through the taiga"]. In: *Literatura i kul'tura Dal'nego Vostoka, Sibiri i Vostochnogo zarubezh'ya: problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: materialy uchastnikov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 4 fevralya 2016 g.* [Literature and Culture of the Far East, Siberia and the Eastern Abroad: Problems of Intercultural Communication: Materials of the Participants of the VI All-Russian Scientific-practical Conference with International Participation, 4 February 2016]. Vladivostok, Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 2016, pp. 54–58.
7. Romanov D. D. [Ecological Aspects of Russian Religious Philosophy]. In: *Sakharovskie chteniya 2019 goda: ekologicheskie problemy XXI veka: materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Minsk, 23–24 maya 2019 g. Ch. 1* [Sakharov Readings of 2019: Environmental Problems of the XXI century: Materials of the XIX international Scientific Conference, Minsk, May 23–24, 2019. P. 1]. International State Institute named after A. Sakharov, 2019, pp. 49–52.
8. Khairullina (Alexandrova-Osokina) O. N. [Artistic and Scientific Philosophy of Nature in the Essay by A. Eliseev "In the Taiga"]. In: *Zapad-Vostok: obrazovanie i nauka na poroge XXI veka* [West-East: Education and Science at the Turn of the XXI century]. Khabarovsk, Khabarovsk State Pedagogical University Publ., 2000, pp. 70–74.

9. Chach E. A. [The Silver Age as a Historical and Cultural Paradigm: An Example of V. Arsenyev's Creativity]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series: History], 2011, no. 4, pp. 109–117.
10. Shahmatova E. B. [East – West: Anticrisis Dialogue in the Era of Global Changes]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2016, no. 4, pp. 28–30.
11. Yarockaya Yu. A. [Formation of Readers' Ideas about the Far East of Russia in the book by V. Arseniev "Across the Ussuri Region"]. In: *Obraz Rodiny: sodержanie, formirovanie, aktualizatsiya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 21 aprelya 2017 g.* [Image of the Motherland: Content, Formation, Actualization: Materials of an International Scientific Conference, Moscow, 21 April 2017]. Moscow, Moscow Institute of Art and Industry Publ., 2017, pp. 139–142.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александрова-Осокина Ольга Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Тихоокеанского государственного университета;
e-mail: osokina-11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga N. Alexandrova-Osokina – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Literature and Journalism, Pacific State University;
e-mail: osokina-11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Александрова-Осокина О. Н. Проблема «человек и природа» в очерке А. В. Елисеева «В тайге» (1891) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 68–77.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-68-77

FOR CITATION

Alexandrova-Osokina O. N. Problem of "Man and Nature" in A. V. Eliseev's Essay "In the Taiga" (1891). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 68–77.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-68-77

УДК 821.161.1+929 М. Горький
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-78-91

«РАССКАЗ О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ» М. ГОРЬКОГО КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОППОЗИЦИЯ ФАНАТИЗМУ И «ВАКХАНАЛИИ СЕРДЦА»

Белова Т. Д.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть проблематику и художественное своеобразие «Рассказа о безответной любви» как концептуального в этапном цикле М. Горького «Рассказы 1922–1924 годов», занимающего важное место в мировоззрении и творческой биографии писателя.

Процедура и методы. Для раскрытия темы используются историко-литературный, мировоззренческий и биографический факторы, сопоставительно-аналитический метод, приёмы целостного анализа художественного единства содержания и формы, основанного на детальном рассмотрении субъектной организации текста, поэтики образов, ранее неизвестных писем М. Горького и других документов, что позволяет более точно выявить художественные смыслы произведения, авторскую позицию, зашифрованную в стилиевой манере «объективного письма», необходимой в работе над большой итоговой повестью «Жизнь Клима Самгина».

Результаты. Проведённый анализ рассказа, особенностей раскрытия характеров героев из так называемой культурной среды позволяет уточнить природу опасений М. Горького в отношении будущего страны в условиях неразвитой социалистической этики, культуры чувства и разума и обосновать необходимость изучения произведения в вузе, в старших классах лицеев, колледжей, выявить как ценностные критерии авторского восприятия мужского и женского начала во взглядах на искусство театра, так и морально-этические принципы в таких категориях, как любовь, верность, ревность, деятельное отношение к жизни.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в осмысление художественного мира М. Горького начала 1920 г., открывают перспективу для нового прочтения данного и других произведений писателя советского периода.

Ключевые слова: М. Горький, искусство театра, безответная любовь, ревность, трагедия фанатизма, гармония разума и истинной любви

M. GORKY'S "THE STORY OF UNREQUITED LOVE" AS AN ARTISTIC OPPOSITION TO FANATICISM AND "BACCHANALIA OF THE HEART"

T. Belova

*Saratov State University
ul. Astrahanskaya 83, Saratov 410012, Russian Federation*

Abstract

Aim. We consider the problems and artistic originality of "The Story of Unrequited Love" in M. Gorky's cycle of "Stories of 1922–1924", which occupies an important place in the writer's worldview and creative biography.

Methodology. To reveal the topic, use is made of historical-literary ideological and biographical factors; a comparative-analytical method; and methods of a holistic analysis of the artistic unity of content and form, based on a detailed examination of the subject organization of the text, the poetics of images, previously unknown letters of M. Gorky and other documents. These methods allows one to more accurately identify

the artistic meanings of the work and the author's position encrypted in the stylistic manner of "objective writing", which is necessary in the work on the large final story "The Life of Klim Samgin".

Results. The analysis of the story and peculiarities of revealing the characters of the heroes from the so-called cultural environment allows one to clarify the nature of M. Gorky's fears regarding the future of the country in the conditions of undeveloped socialist ethics, culture of feeling and reason and to substantiate the need to study the work in universities, as well as in the senior classes of lyceums and colleges. The performed analysis makes it possible to identify both the value criteria of the author's perception of the masculine and feminine principles in views on the art of theater, and moral and ethical principles in such categories as love, loyalty, jealousy, and an active attitude to life.

Research implications. The results of the study contribute to the understanding of the artistic world of M. Gorky in the early 1920s and open the prospect for a new reading of this and other works of the writer of the Soviet period as well as for the intensification of their study in universities, lyceums and colleges.

Keywords: M. Gorky, the art of theater, unrequited love, jealousy, the tragedy of fanaticism, the harmony of reason and true love.

Введение

Назревшая потребность современно-го литературоведения в новом научном прочтении художественного наследия М. Горького советского периода продиктована острой безотлагательностью осмысления нашего недавнего исторического прошлого, что служит основанием необходимости в целостном анализе цикла «Рассказы 1922–1924 годов» как важного этапа на пути к «Жизни Клима Самгина», большой печальной повести о нас, о нашем народе и нашей истории. С 1930-х гг. и до сих пор эта итоговая книга вызывает спорные суждения [4; 12; 13; 14 и др.]. Не избежала умолчания или противоречивого толкования проза Горького начала 1920-х гг., цикл его рассказов, в частности, «Рассказ о безответной любви» (1923), высоко оценённый современниками после выхода в свет [5, с. XVII, с. 608–609]. Однако не только «в 30-е годы многие критики предпочитали совсем не касаться горьковских "рассказов 20 годов", видя в них "нечто сомнительное"» [5, с. 285].

В «оттепельных» 1960-х гг., оспаривая распространённый в критике взгляд о вариациях в рассказе темы «человеческой опустошённости», Е. Тагер выдвинул свой тезис, будто прозвучавший в рассказе горьковский афоризм *чудаки украшают мир* свидетельствует о «глубокой человечности трагической любви Торсуева» [15, с. 232]. Солидарный с мнением В. Шкловского,

увидевшего в рассказе «обычную» тему «о замечательной женщине-актрисе, в которую влюбляется простой, обыкновенный человек», но растущий по мере рассказа, «а женщина как-то становится обыкновенной», авторитетный горьковед настаивал: «Вот этот рост героя, всё углубляющееся очеловечивание его и составляет главное содержание произведения» [15, с. 232]. Но субъектная организация текста, сложная система жизненных ситуаций, портретные и сопровождающие их символические детали служат скорее развенчанию бывшего фабриканта. Б. Бялик справедливо отметил «очень сложное» отношение автора к Торсуеву: он «видит в любимой женщине свою самую ценную вещь и свою главную ставку в жизни». Интересно положение исследователя о безответной любви актрисы к театру, которая превратилась в её жизни в силу разрушительную, т. к. «Добрынина была "человеком для себя, а не для театра"» [5, с. 283]. Последнее замечание тоже сомнительно: человеком «для себя» скорее был Пётр Торсуев, что подтверждается в книге воспоминаний И. С. Шкапы «Семь лет с Горьким», изданной в 1990 г. [15].

Для решения задачи целостного рассмотрения «Рассказа о безответной любви» следует вспомнить о сюжетах классической русской и зарубежной литературы, начиная с произведений Н. М. Карамзина, Г. Флопера, С. Цвейга и заканчивая работами Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого

с их поэтизацией трагической любви. М. Горький нашёл свой вектор художественного решения вечной темы. Ещё в 1890-х гг. писатель пришёл к мысли о незаслуженно приниженном положении женщины в обществе, в семье, в храмах «земных богов». Свой вызов он воплотил в рассказе «Макар Чудра» (1892), заявив о превосходстве гордой Радды над самолюбивым красавцем Лойко¹. С годами это убеждение М. Горького лишь укреплялось, а в послеоктябрьский период получило настойчивое воплощение в его прозе, публицистике и в письмах к О. Форш, М. Пришвину, М. Шкапской и др.² Удивительным для автора «Рассказа о безответной любви» было тематическое созвучие с присланным ему рассказом С. Цвейга «Переулочек лунного света»³. Общность составляли «потрясающе искренний тон» в изображении истории крушения эгоистической любви мужчины и то, что героиня по силе характера оказалась выше своего спутника⁴.

Свою роль в укреплении мыслей об «опережающем развитии женщин» и «исчерпанности» роли мужчин на земле сыграли «безумная» первая мировая война и вынужденная эмиграция М. Горького 16 октября 1921 г. [12, с. 146–153], во время которой произошло его сближение с Р. Ролланом, «идеальным стойком», сохранившим веру в человека и необходимость «неустанно творить культурные ценности» [1; 3, с. 199]. Убеждённый противник «нетерпимости и фанатизма», непреклонный поборник «единой совести всего мира», французский классик высоко ценил Горького, увидев в нём «провозвестника» «действительности грядущих времён», неизменного «хранителя моральных ценностей»⁵.

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. I. М.: Наука, 1968. С. 24–26.

² Литературное наследство: в 111 т. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка / под ред. И. С. Зильберштейна, Е. Б. Тагера. М.: АН СССР, 1963. С. 70, 240, 342, 344–345, 393, 590.

³ См. Горький М. Полн. собр. соч. Серия: Письма: в 24 т. Т. 14: 1922 – май 1924. М.: Наука, 2009. С. 263.

⁴ Там же. С. 243, 263.

⁵ Архив А. М. Горького: в 16 т. Т. 15: М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М.: Наследие, 1995. С. 17, 20–21, 23.

Поразительны многоаспектность и предельная откровенность переписки двух больших художников и мыслителей XX в. В ответ на попытку Р. Роллана понять, что такое русская революция, каково участие в ней народа, М. Горький 3 января 1922 г. написал: «Ошибочно думать, что русская революция есть результат активности всей массы русского народа, – нет, народная масса всё ещё не усвоила, не понимает значения событий»⁶. Подтверждает это и «Рассказ о безответной любви», запечатлевший «культурную» жизнь российской провинции и выразителя её настроений в лице Петра Торсуева. Этот пласт содержания рассказа обойдён вниманием исследователей. По мнению М. А. Селезневой, интерес писателя «сосредоточен на внутреннем мире индивида, на неосознаваемых движениях его души, на мотивах поступков в отношениях с окружающим миром, социумом, на соотношении сознательного и бессознательного...» [10, с. 12–13]. В солидных научных работах, богатых фактографическим материалом из биографии Горького советского периода, анализ рассказов начала 1920-х гг. вообще отсутствует [2; 3; 12]. Задача настоящей работы – предложить иной опыт прочтения «Рассказа о безответной любви», понимания в нём общечеловеческого, «нетленного» как в области частной, так и в области общественной, социокультурной жизни России.

Целостный анализ

«Рассказа о безответной любви»:

вопросы поэтики, аксиологический аспект

«Рассказ о безответной любви», написанный в германском Саарове в первой половине 1923 г., неслучайно – по воле автора – занимает второе место в цикле после рассказа «Отшельник» (1922 г.), в котором наглядно изображена абберрация зрения доверчивых людей, летящих, как бабочки, на огонёк приветливых речей уродливого сластолюбца с лицом хоряка и телом ужа. Интересное пояснение замысла «Рассказа о безответной любви» находим

⁶ Там же. С. 25.

в письме М. Горького к Р. Роллану от 7 декабря 1922 г. Поделившись с французским другом своими планами написать книгу «Русские люди», «три рассказа на темы о любви к людям, к женщине и любви женщины к миру», он сообщил: «Два уже готовы («Отшельник», «О первой любви». – Т. Б.), третий напишу к весне»¹. Третий, несомненно, «Рассказ о безответной любви». Существенно при этом дополнение: «Уверен, что всё, что я пишу сейчас, не будут читать в России, ибо там о любви к людям теперь не говорят и необходимость этой любви под сильным сомнением. Когда желаешь осчастливить сразу всё человечество – человек несколько мешает этой задаче»². Следующее дальше полусутольное сетование на реальные трудности («жить до смешного трудно. Особенно – ночами, когда устаёшь читать, а спать – не можешь») вскрывает суть этического разномыслия М. Горького с «холодными» фанатиками, «вождями русского коммунизма» с их сугробами слов: так они холодны. Называя их Архимедами и даже «хорошими людьми», уверенными в том, что «найдут точку опоры и перевернут мир», он закончил: «очень жаль, что я не согласен с ними в деле истребления культурных людей и *никогда* не соглашусь на это» (курсив наш. – Т. Б.)³.

Объявленная тема любви мыслилась М. Горьким широко, как тема корневая, глубинная, жизнестроительная: её «на протяжении веков лучшие умы разрабатывали» как «благодарную “жилу” и пытались прочесть “Любовь – книгу золотую”, спрятанную за семью печатями»⁴, и как неизбежное явление частной жизни. Интересный и очень важный для понимания горьковского рассказа разговор состоялся весной 1934 г. в доме на Малой Никитской. Описанная в книге воспоминаний И. С. Шкапы беседа с педагогами об-

нажает комплекс взглядов писателя на эту тему. По его мнению, деформации любви безответной (как «буйства сердца при полной отставке разума») влекут за собой «гибель любви»: немало бед, а то и трагедий в личной жизни и жизни общества, мира⁵. В цикле «Рассказы 1922–1924 годов» эта мысль сквозная, она представлена разными гранями и в «Рассказе об одном романе», и в «Голубой жизни», и в «Репетиции», и даже в рассказе «Карамора».

Содержание «Рассказа о безответной любви» не исчерпывается темой любви мужчины к женщине: оно многопланово, охватывает проблемы крушения семьи, распада родственных отношений на почве этического, морального разномыслия. Остро поставлены проблемы искусства театра и его места в жизни российской провинции, философии любви, свободы, жизни и смерти, мужского и женского и ряд других в аспекте жизненных ценностей. Тематически новый рассказ как будто выходил за рамки привычных сюжетов из русской жизни, что вызвало замечание М. Пришвина об отдалении автора от «своего родника»: такой рассказ «могли бы написать и французы»⁶. Но автор почувствовал в этой оценке «высоту тона». В письме к Федину по этому поводу 23 апреля 1926 г. он сказал: «А для меня его “и французы” – лучший комплимент, какой я когда-либо слышал»⁷. Известно восторженное отношение М. Горького к французской литературе. Особенно восхищался он прозой Р. Роллана, его романами «Кола Брюньон» и «Очарованная душа», Аннетой Ривьер как совершенно новым типом во французской литературе⁸.

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Серия: Письма: в 24 т. Т. 14: 1922 – май 1924. М.: Наука, 2009. С. 109.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 110.

⁴ Шкапа И. С. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 231.

⁵ См. Шкапа И. С. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. 512 с.

⁶ Литературное наследство: в 111 т. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка / под ред. И. С. Зильберштейна, Е. Б. Тагера. М.: АН СССР, 1963. С. 330.

⁷ Горький М. Полн. собр. соч. Серия: Письма: в 24 т. Т. 16: Март 1926 – июль 1927. М.: Наука, 2013. С. 52.

⁸ Горький М. Полн. собр. соч. Серия: Письма: в 24 т. Т. 14: 1922 – май 1924. М.: Наука, 2009. С. 218, 241, 587, 589.

Факты недопонимания критиками того, о чём говорил в своих произведениях Горький, любивший озадачить читателя, заставить его думать, не единичны, поэтому ему порой приходилось в частных беседах, в переписке уточнять смысл написанного. Такие уточнения далеко не всегда были доступны даже специалистам, и это побудило современного исследователя Н. Д. Лейдермана выступить со статьёй «Непрочитанный Горький». Однако и здесь «Рассказ о безответной любви» остался «непрочитанным». По мнению литературоведа, в рассказе главным является мотив игры – «однообразно пошлая жизнь актёров», где герой «становится рабом чувства, отдаёт все силы посредственной провинциальной актрисе» [9]. В то же время, как следует из воспоминания И. С. Шкапы, процитированного в XVII томе, М. Горький воспринимал свой «Рассказ» как «полемику с “Браслетом” Куприна»¹. Правда, в книге И. С. Шкапы несколько иначе сформулирована мысль о том, почему изменился горьковский взгляд на рассказ А. Куприна, на безответную любовь, подобную «пожару в доме в полночную пору»: «Нет, нормально чувствующий человек не должен поступать так, как эти два Петра – мой Пётр Торсуев и купринский Желтков»². Не принял Горький в своё время и идеи рассказа Куприна «Суламифь» [11, с. 275], полагая, что автор «спекулирует на теме любви, находя её там, где нет и не может быть её!»³ Все деформации в сфере инстинкта, чувственных проявлений в рассказе озвучены женщиной, Ларисой Добрыниной: «Изо всех насмешек судьбы над человеком – нет убийственнее безответной любви»⁴. Но во время беседы с педагогами в 1934 г. писатель многозначительно добавил: «Не вредно их помнить и мужчинам, чтобы из человека не превращаться в раба. Эта мысль – основная в

рассказе»⁵. Господство раба инстинкта над интеллектом – тяжёлая проблема на всех уровнях жизни.

Слова автора рассказа о его протесте против «вакханалии сердца» не были услышаны нашими исследователями 1960–1980-х гг. Но налицо главный свидетель авторских мыслей – текст рассказа, требующий внимательного отношения к каждому слову, к организации нарратива, роли монологов и диалогов, смысловой функции деталей интерьера, пейзажных зарисовок, звуковому и цветовому оформлению образной системы. Он всегда перед глазами истолкователя, который помнит о стремлении М. Горького начала 1920-х гг. выработать объективную манеру письма, увести себя со страниц своих произведений, не «восхваляя» и не «порицая» действительности, уступив право голоса герою, объекту своих наблюдений, но не забывая о способах вербального, интонационного, композиционного и иных проявлений авторского отношения к изображаемому, о законах совершенства, «законченности мастерства» [7, с. 378].

В «Рассказе о безответной любви» минимальное авторское присутствие заявлено в самом начале пейзажной зарисовкой образа провинциального города с Театральным переулком, создающей унылое настроение замершей жизни. Наблюдательный по своей природе и, «как Диоген», неустанно ищущий человека, повествователь прикован вниманием к безрадостной картине на улице со старыми деревянными домами, маленькими лавками, самодельными вывесками, выцветшим товаром «за мутным стеклом окна»⁶. Венчают эту картину двухэтажный особняк с карнизами, засиженными голубями, с «ржавой» вывеской «над окнами нижнего этажа» и на их фоне – фигура человека «в длинном, очень потёртом сюртуке». Однако за ветхостью когда-то парадной одежды, разношенными ботинками наблюдательный глаз повествователя «чув-

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 608.

² Шкапа И. С. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 240.

³ Там же. С. 241.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 304.

⁵ Шкапа И. С. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 240.

⁶ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 261.

ствует» «сухое, но стройное тело», «хорошей формы» малую ступню. Детали портрета мужчины рождают противоречивые чувства. В «аккуратно подстриженной бородке» и причёске «точно склеенных» седоватых волос «есть что-то интеллигентное». Но «длинное, сухое лицо», «хрящеватый тонкий нос» и «странные глаза», прорезанные узко, рыжеватые, они смотрят холодно и прямо, но «всё-таки кажется, что (традиционно, по-толстовски. – Т. Б.) смотрят они вниз, в землю»¹. Эта дисгармония в облике, устремлённые в землю глаза говорят об одиночестве духовно бедного человека, носителя тяжёлых невысказанных мыслей, претензий на некоторую особенность, даже избранность, что подтверждает тезис о «пестроты» излюбленных горьковских персонажей как об «основном художественном завоевании» писателя особенно советского периода [8, с. 168].

Нехитрый приём преобразования покупателя, заинтересованного конвертами и открытками за стеклом, ослабил недоверчивость продавца. Оказавшись внутри лавки, посетитель, поражённый обилием открыток с портретом одной женщины в разных ракурсах и образах (Офелии, Норы, Марии Стюарт), ещё больше расположил угрюмого хозяина, разбудив готовность поделиться сокровенным. Многочасовой развёрнутый монолог вобрал в себя обстоятельства жизни и переживания героя-рассказчика, обрисовал его окружение, галерею людей театра, сложный маршрут гастрольных поездок актрисы по городам российской провинции: от Херсона до Томска, Перми и Минска, их обитателей, разнообразных фанатиков «вакханалии сердца» (от вице-губернатора и прокурора до тюремного инспектора и писателя), притязавших на благосклонность красавицы-примадонны Добрыниной. Воспоминания о них в течение многих лет служили топливом для «пожара» озлобленного сердца Петра Торсуева.

Функция автора-повествователя, отодвинутого на второй план, ограничена

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 262.

описанием интерьера: «маленькой тёмной комнаты» с двумя свечами «в серебряных подсвечниках» и «старинным гранёным графином» для вина на столе, раскрашенной фотографией артистки «в чёрной с белым траурной раме ... на мольберте». Попутно отмечается «странный» запах, который «дают цветы, высушенные временем». Дополняет картинку упоминание об одинокой крысе в углу, которая «скребётся всегда в одно и то же время»². Авторские замечания помогают услышать «сухое гление ... в ломком голосе» рассказчика, его слова, подобные падению «побитых морозом листьев дерева, опоздавшего сбросить свой летний убор», ощутить сухую и едкую пыль, которая создаёт настроение уныния и печали³. Порой появляются ноты «насмешливого раздражения», «торжествующая убеждённость» человека, уверенного в правоте своей «схемы мысли». Недвусмысленна реплика повествователя в момент мучительного признания героя в низком обмане младшего брата и любимой актрисы: «он смотрел на меня тупо, как слепой, растирая пальцами горло, дважды, точно собака, щёлкнул зубами»⁴. Озвученное в этот вечер определение из уст Добрыниной сущности Петра, его «верной, честной собачьей души»⁵ и особенность речи пожилого человека, прерываемой глотками вина и долгим, остранённым молчанием, разнообразными жестами, опровергают мысль об очеловечивании рассказчика, которое виделось некоторым истолкователям.

В целом изоморфные детали в поэтике образов здесь выполняют важную, оценочную роль. Если прокурор в Херсоне, ухаживающий за Ларисой Антоновой, по словам Петра, обладает «лощёной, лисьей мордой», а крепкие мужики в Томске «сидят медведями», «чавкают»⁶, то Лариса Добрынина и годы спустя остаётся прекрасной женщиной, «солнечным зайчи-

² Там же. С. 288.

³ Там же. С. 264, 269, 275.

⁴ Там же. С. 279.

⁵ Там же. С. 288.

⁶ Там же. С. 292, 294.

ком», хотя сама о себе она говорит братьям Торсуевым: «Видите, каков я зверь?»¹

Описывая портрет женщины на открытках, повествователь обращает внимание на позы и статику в лице: «На всех портретах одна и та же улыбка кривит её рот, большой и пухлый, резко отделяющий верхнюю часть лица от широкого и туповатого подбородка»². Как будто намеренно подчёркнута диспропорция в облике провинциальной знаменитости, сводившей с ума поклонников. Однако глаза её «улыбались ... как будто иронически», а это – признак тонкого ума и сильного характера красавицы. Так обозначена проблема: кто эта женщина? Заурядная кокетка или всё же умный, ироничный человек? Снова аллюзия на Печорина, глаза которого «не смеялись, когда он смеялся!»³, подтверждающая тот факт, что в период поиска новых форм для отображения переломного времени М. Горький обращался к опыту русских классиков, разделяя и некоторые обретения в эстетике неореализма рубежа XIX–XX вв.

Развитие действия в рассказе о двенадцатилетних страданиях бывшего владельца мыловаренного завода основано на воспроизведении эмоциональных переживаний героя, близких исповеди послушника Матвея («Исповедь», 1908 г.), названной самим писателем «новым реализмом» или импрессионизмом. Поняв желание посетителя подробнее узнать о женщине на портрете в траурной рамке, хозяин лавки прервал многолетнее молчание, обнаружив экспрессию чувств и зримый рисунок оживших в памяти образов. Эмоции, ощущения, переживания потеснили изображение – характерный признак литературы Серебряного века. Но самобытное горьковское, идущее от синтеза романтизма и реализма, – сюжетная доминанта рассказа, движение времени. Поседевший обитатель пустого дома рассказ свой начал «издалека,

с детских дней»⁴. Так обозначены семейная ситуация, условия роста, формирования характера человека, его социальная среда⁵.

При этом время повествователя в рассказе по законам жанра ограничено несколькими часами одной встречи с героем, чьё время, предельно спрессованное, вобрало события более десяти лет, но оно абсолютно лишено перспективы. Драматическая замкнутость жизненного круга Петра Торсуева композиционно связана с символическим букетом мёртвых цветов, «торчащим» в бронзовой вазе в начале и рассыпающимся в прах в финале рассказа.

Льющаяся немногословно о детских и юношеских годах и взволнованно о его безответной любви, повествующая о его упрямо и безрезультатно прожитой жизни исповедь героя, несвободного от морального грехопадения в историях с младшим братом, с предательствами дела отца, наречённой невесты, психологически тяжела. Поэтому изредка прерывается авторскими замечаниями о струях дождя за окном и фонаре, похожем на символического «жирного паука»⁶. Монолог Петра не только рисует зримый образ рассказчика, обнажая изъяны его сознания, его нелюбовь к товарищам младшего брата, к театру, к образованным людям с их привычкой «хвастаться» мыслями, несмотря на то, что иногда «мысль человеку, как собаке игла, закатанная в хлеб»⁷, но и обнажает полемический пафос повествователя с адептом идей Ф. М. Достоевского, противником ума, выразителем «истины» («Человек – не мыслями живёт, а бессмысленными желаниями»⁸). Монолог этот набирает силу в тот момент, когда Пётр Торсуев с удовольствием вспоминает друзей младшего брата и транслирует мысли «нищанца» Богомолова, медика из семинаристов, о свободном человеке, который существу-

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 290.

² Там же. С. 263.

³ Лермонтов М. Ю. Избранные сочинения: в 2 т. Т. 2: Драммы и проза. М.: ГИХЛ, 1959. С. 403.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 263.

⁵ Там же. С. 263.

⁶ Там же. С. 273.

⁷ Там же. С. 301.

⁸ Там же. С. 302.

ет «сам для себя». Суждения сына протоиерея о том, что «человек есть круг, в коем сходятся все начала и концы, и весь мир, и вся жизнь в нём, внутри его», созвучные гуманисту М. Горькому, Торсуев называет «явной нелепицей»¹. По его мнению, «каждый человек – раб и пленник разнообразных обстоятельств жизни»². Безусловно, «чуждак» с такими мыслями о свободе не смог стать «украшением» жизни для автора рассказа.

Обнажая образ мысли «старомодного, опоздавшего родиться» человека и кипение его страстей, бездумную трату денег, результат тяжёлого труда рабочих завода, автор даёт возможность понять, что не бескорыстно сопровождал и обеспечивал своевольную красавицу Пётр Торсуев, надеясь «упрямством» своим «заслужить её любовь», отсюда, видимо, и образ фонаря-паука как скрытая, но важная художественная параллель, раскрывающая смысл многолетнего поединка мужчины и женщины.

Пётр, догматик, выросший в тёмном доме отца, угрюмого Клима Торсуева, без любви, без материнской ласки, в отличие от младшего брата, не усвоил азов настоящей большой любви, источника жизнестроительной энергии. Любя младшего брата, подававшего большие надежды учёного-химика, он расчётливо видел в Коле будущего специалиста мыловаренного дела, готов был смириться с известием о самоубийстве брата, вставшего на пути к сердцу ослепившего обоих братьев «солнечного зайчика», и предрёк его гибель.

Тип стойкого консерватора, защитника веками установленных истин, Пётр и годы спустя непримиримо настроен к товарищам брата. «Недоволен» он был не только Богомоловым, но и давно умершим студентом Павловым, сыном почтмейстера, который своими «громкими» разговорами о театре, о спектаклях напоминал людей, «как бы нарочно рождённых для шумно-

го занятия пустяками»³. Ошеломлён был Пётр, когда услышал от Коли признание в том, что ему стыдно: «рабочие живут в грязи и чем-то отравляются», что он продал золотые часы – подарок отца к окончанию гимназии, а деньги «отдал Богомолову, собиравшему на поддержку стачки» заводских рабочих⁴. Твёрдо сказанное о себе – «Я всю жизнь занимался одним делом, и у меня поэтому очень хорошая память» – проверяется его собственным признанием, что в огне страсти успешный производитель мыловаренных товаров без колебаний оставил налаженное отцом дело, перепродал его управляющему заводом. Всё смешалось в сознании рассказчика: высокое мнение о себе и убогость его реальных поступков. Поэтому теряется нить логики в его рассказе. Останавливаясь, седоватый мужчина тихо говорит: «Всё это – не так, не так...»⁵.

М. Горький высоко ценил русских промышленников как людей, необходимых в жизни старой и новой России. Эта мысль – основная в горьковских работах 1920-х гг. – в очерках «Н. А. Бугров», «Савва Морозов», в романе «Дело Артамоновых». Поэтому, думается, введённый в рассказ поступок заводчика Торсуева, безрассудно бросившего семейное дело, – ещё один критерий снижения ценности типа, встающего преградой на пути революционного строительства новой, разумной жизни. До цинизма детальный рассказ Петра о трагической гибели юного Коли на пасхальной Фоминой неделе усугубляет проявление животного начала в человеке. Завыв «волком» и ощутив себя на дне «волчьей ямы», где всё «провалилось ... и там вертит, кружит и бьёт», старший брат и в эту страшную минуту успевает заметить насмешливо оскаленные зубы младшего и запоминает «под его левым соском на груди – пятнышко, точно паучок. Ни крови, ничего, а только тёмный паучок»⁶. Образ паука неотвратимо сопровождает Петра,

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 268.

² Там же. С. 269.

³ Там же. С. 270.

⁴ Там же. С. 277.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Там же. С. 285.

выявляя стержневое в сознании и поступках «хитрого азиата», умеющего ждать своего часа.

Парадоксальность ситуации в жизни одинокого влюблённого не только в том, что он отказался от образованной невесты из своего круга, от возможного счастья с полюбившей его актрисой Соней Званцевой, но, прежде всего, в его двойственности, в постоянной борьбе с самим собой. Годами ожидая ответного чувства от недостижимой красавицы, Торсуев подспудно «утешал себя надеждой» отомстить ей¹. По этой линии Пётр – известный предшественник Клина Самгина в отношениях с женщинами: Лидией Варавкой, Дуняшей Спешневой, Мариной Зотовой. Застыв в восторге от божественной красоты обнажённого тела кормчей богородицы², Клим, в отличие от Петра, фанатично преданного красоте тела Ларисы Антоновны, разумно отступил, трезво оценив своё положение, и предугадал вскоре наступивший конец богатой вдовы.

Если образы Петра Торсуева и эпизодических безымянных провинциальных искателей расположения красавицы актрисы свидетельствуют о масштабности ситуации «падения мужчин», их «сумеречности», то с функцией и смыслом образа Ларисы Антоновны в рассказе всё сложнее и концептуально значительнее. Сознывая, что «всё возрастающее значение женщины чувствуют и Р. Роллан, и В. Маргерит, и – отчасти – Цвейг»³, М. Горький в «Рассказе о безответной любви» использует свой план раскрытия женской темы. Не идеализируя героиню, отодвинув её на второй план, автор представил образ Добрыниной сквозь призму видения нескольких лиц: помимо Петра и Коли Торсуевых, главное в Ларисе подметила Соня Званцева, подчеркнувшая доминанту интеллектуально-го начала в актрисе⁴. Но это было сказано

наедине, в печальном контексте вечернего разговора «двух друзей по несчастью».

На авансцене писатель оставляет одного свидетеля, транслятора многих слов и поступков героини, не только красивой, но и сильной женщины, жертвы потребительского общества, пленённого животными привычками, большой вакханалией инстинктов. Оно вряд ли могло понять всю глубину трагедии женщины, способной из-за любви к театру отказаться от прочного семейного положения жены богатого «овцевода на юге»⁵. Мотив «загадки женской души», заявленный И. А. Буниним и другими прозаиками Серебряного века, М. Горький художественно воплотил в судьбе Ларисы Добрыниной.

В отличие от поглощённого эмоциями Петра, вдумчивый брат его, не признав особого дарования актрисы, увидел, что у неё «прекрасная душа». С сожалением говоря, что весь её талант в красоте, Коля вместе с тем утверждал: она «очень хороший человек, и душа её в тревоге о серьёзном, но идёт она по жизни “не своим путём”»⁶. И если это видение драмы женщины тревожит юношу, брат его обрадовался, подумав, что этот «ошибочный путь ... приведёт» её к нему, но ошибся. Пользуясь расположением богатого поклонника, Лариса Антоновна честно предупредила его: «вы от меня не ждите ничего, у вас со мной никогда не будет романов, так и запишите на память себе»⁷. Не понятая окружающими её товарищами по сценическому ремеслу, по природе своей независимая женщина, умеющая постоять за себя, она тяжело пережила смерть младшего Торсуева, «милого, умного мальчика». Прямо и жёстко выражает она горечь от неотвратимости трупов на её пути: «Но – что мне делать? Неужели я должна покорно отдаваться в руки всех, кто меня хочет? ... платить каждому, кто ... хочет» красоту⁸.

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 293.

² Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 23. М.: Наука, 1975. С. 390–391.

³ Горький М. Полн. собр. соч. Серия: Письма: в 24 т. Т. 14. М.: Наука, 2009. С. 70, 240.

⁴ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные про-

изведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 289.

⁵ Там же. С. 275.

⁶ Там же. С. 276, 282.

⁷ Там же. С. 290.

⁸ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные про-

Драма Ларисы Добрыниной – в глухом непонимании окружающими движения души актрисы. Ни товарищи по сцене, ни публика не понимают её новой манеры вдумчиво ходить во время монологов, когда она говорит «обыкновенные, житейские слова». Мучительно для неё неприятие публикой того, что на сцену театра пришёл новый «человек, очень серьёзный и независимый»¹. Его цель – изменить репертуар, вкусы местного «кучеческого» зрителя: любитель русских пьес, «особенно костюмных», он не понимает людей «в пиджаках», говорящих «обыденно», «скучноватыми словами», недоумевает: «в чём тут рассеяние скуки и развлечение?»² Не понятая в провинции, Лариса Антоновна, любившая пьесы Ибсена и К. Гамсуна, не была услышана и столичными антрепренёрами. О неблагоприятной ситуации в провинциальных театрах, призванных воспитывать чувство гражданственности у публики, писатель через год будет говорить в рассказе «Репетиция» (1924), где актёры открыто обвинят современных драматургов, уводящих зрителя в мистические, небесные пространства, подальше от радостей и горестей современной жизни.

Терзания примадонны, вынужденной устраивать званые ужины с угощением в надежде упрочить своё положение в обществе, пропущены сквозь призму памяти рассказчика и неожиданно получают непосредственное воплощение в форме внутреннего монолога: «Врёте, скоты, я заставлю понять меня, заставлю! Театр – не забава...»³. Интересно передаёт Торсуев особенность речи Добрыниной, её прямомоту и резкость в общении с гостями, «пронзающий душу» пристальный взгляд в диалогах с «Петрушей», в момент объяснения с ним, когда надо прямо ответить на поставленный вопрос: «Неужели не стыдно вам превращать человека в собаку?» Пристально посмотрев на него и «вздых-

нув», она ответила: «Едва ли вы человек»⁴. «Этот вздох, – поясняет рассказчик, – очень удивил ... и как бы даже успокоил, я стал терпеливее»⁵.

Подробно перечисляя увлечённости Ларисы (ревнивый взгляд его запоминал все истории, вёл счёт дням, прожитым в ожидании очередного одиночества красавицы), Торсуев не смог понять и оценить в ней воительницу, которая пришла в театр, чтобы «изгнать со сцены пошлость, вымести старый мусор, показать душу современной женщины, которая во многом переросла сама себя и не знает, что ей делать с собою? Ей мало любви, мало материнства, у неё есть ещё что-то...»⁶. Величие Добрыниной в понимании роли современного театра, который «мог бы научить любви к людям, к женщине, к жизни», ибо в них «скрыт высочайший смысл». Именно ей автор поручает свои мысли о женщине, которой «доступно нечто, навсегда недоступное мужчине ... она является постоянным источником обновления сил мира, ... ею зажигаются лучшие мысли, ... от неё вся красота и поэзия...»⁷, прозвучавшие как авторское кредо.

При раскрытии злключения провинциальной примадонны, которая принимала ухаживания избирательно, увлеклась англичанином Проктором, «стала как-то тише...», становится очевидно, что она надеялась на встречу с человеком европейской культуры, но, обманувшись, не уронила лица русской женщины, помогла европейцу оплатить карточный проигрыш, заняв «пятьдесят тысяч под вексель» у Торсуева⁸.

Не умолчав о проявлениях «красоты старости» у сорокалетней Ларисы Антоновны, рассказчик тем не менее засвидетельствовал ещё один эпизод в жизни актрисы, лишённой счастья взаимной любви. Казалось, встреча с доктором, беседы с ним «о боге, о смерти и любви» дали, наконец, ей пищу для выражения её

⁴ Там же. С. 293.

⁵ Там же. С. 291.

⁶ Там же. С. 287.

⁷ Там же. С. 300.

⁸ Там же. С. 285.

издания: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 286–287.

¹ Там же. С. 273.

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 291.

раздумий «о серьёзном». Здесь она оказалась равной интеллигенту, сумев проявить культуру диалога с человеком, равным ей по уму, но противоположных взглядов: «говорили они миролюбиво и внимательно прислушивались друг ко другу»¹. Не принимая утверждений собеседника, «что никакого высокого смысла в жизни не заключается», Добрынина «с великой настойчивостью доказывала» обратное, отстаивала высоту назначения женщины на земле, где «нет ничего твёрже и понятнее» и мужчинам «не на что опереться, кроме её»². Готовая на компромисс в общении с интеллигентным другом, она не приняла его сомнительных афоризмов: «Преступники и женщины слышат, когда о них думаешь...»³. Оскорблённая такой параллелью, Лариса Антоновна предпочла разрыв с последней надеждой на счастье. Доктор, уехавший в Швейцарию поправлять своё здоровье, не откликнулся на просьбу Петра о помощи женщине. Его циничная приписка – «Понятие вечности, по Л. Толстому, есть болезнь ума. А я говорю: “любовь – болезнь воображения”»⁴ – знак бездушия и фанатичной преданности материалиста философской догме. Психологическая травма, нанесённая интеллигентом потянувшейся к нему женщине – таков итог печальной финишной прямой на многострадальном пути незаурядной, думающей актрисы, ласковой подруги, признавшей в сокровенном: «Изо всех насмешек судьбы над человеком – нет убийственнее безответной любви»⁵. Пережив жизненный бумеранг, Лариса Антоновна согласилась, наконец, оставить театр. Уступкой старинному поклоннику и меценату было её решение ехать за границу, к морю, сохранив за собой право на независимость.

Спорным представляется вывод о «духовной обессиленности» Торсуева, неспо-

собного не только «вытащить из омута любимую женщину», которая «втянута в пошлую, духовно разлагающую “пляску” на подмостках провинциальных балаганов», но и спасти самого себя [6, с. 107]. Одиноким, жалким влюблённым, Торсуев так и не смог понять всей глубины трагедии женщины на пути к «высочайшему смыслу» в жизни. Духовно героиня горьковского рассказа гораздо сильнее богатого спутника, искавшего у неё любви как жизненной опоры. Несмотря на то, что М. Горький и в 1927 г. писал М. Пришвину: «Женщин писать я не умею»⁶, – образ Ларисы Добрыниной, несомненно, как отметил Н. Смирнов, «остаётся в литературе наравне с чеховской Ариадной»⁷, а, по словам О. Д. Форш, в ряду горьковского вклада «в мировую сокровищницу под гётевским знаком “вечно женственное”»⁸.

Заключение

Автор рассказа, затронув вечную тему безответной любви, переживаний мужчины и женщины, показал силу характера в испуганном, но честном её признании многолетнему поклоннику: «Милый, голубчик, но – если нет ... нет у меня – не могу. Поймите – нет!»⁹ Всем содержанием своего повествования Горький пояснил: «красота и гармония любви там, где она взаимна, где равенство и нет насилия», а «безответная любовь – одна дисгармония, оскорбление человеческого достоинства». Об этом он говорил в 1934 г., беседуя с педагогами, читателями «Рассказа о безответной любви». Существенно его добавление при этом: «Ещё Цицерон утверждал: нельзя любить ни того, кого боишься, ни

¹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука, 1973. С. 299.

² Там же. С. 300.

³ Там же. С. 300.

⁴ Там же. С. 301.

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Литературное наследство: в 111 т. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка / под ред. И. С. Зильберштейна, Е. Б. Тагера. М.: АН СССР, 1963. С. 345.

⁷ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука 1973. С. 609.

⁸ Литературное наследство: в 111 т. Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка / под ред. И. С. Зильберштейна, Е. Б. Тагера. М.: АН СССР, 1963. С. 595.

⁹ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. Т. 17. М.: Наука 1973. С. 297.

того, кто тебя боится, ни того, кого не знаешь, ни того, кто не ценит твоей любви!»¹

Категория «безответная любовь» мыслится М. Горьком масштабно, глубоко. Его рассказ «о любви женщины к миру» – это художественное напоминание не только соотечественникам, мечтающим о счастье озарившей их любви, о прочных семейных узах, но и представителям социума на всех уровнях общественной жизни. Это и ответ Р. Роллану на вопрос: «Что такое русская революция?». Образ Петра Торсуева как тип русской жизни – один из тех, кто воплощал негативное, застойное в ней, в её общественном сознании, кому далеко до понимания смысла значения социалистической революции.

Художественный мир М. Горького, его писательское кредо, эстетическая концепция и все стилистические особенности, звуковые и цветовые образы, экспрессия речи героев – всё было подчинено раскрытию заветного в жизни, разумного мировосприятия, помогающего человеку вырваться из цепких жизненных хитросплетений на прямую дорогу правды, справедливости и красоты. Поэтому писатель адресовал своё произведение, прежде всего, соотечественникам.

Театр на этом пути – одно из действенных средств прозрения человека, поэтому концептуальность мыслей Ларисы Добрыниной в рассказе, несомненно, со-

звучна Горькому. Упорная нелюбовь к театру Петра, как, впрочем, и его негативное отношение к образованным людям – существенный критерий снижения оценки героя в плену эмоционально-рассудочного фанатизма, и вакханалии сердца, отчётливо проявились в его сбивчивом монологе о жизни и смерти Ларисы Антоновой после её томительного угасания на берегу хорошо знакомого писателю Неаполитанского залива.

Психологический сюжет, мотивы и образы «пёстрых» людей в «Рассказе о безответной любви» получают своё художественное воплощение в итоговой книге «на века», где читатель встретит ситуации разумного и неразумного разрешения безответной любви – в сюжетных линиях семьи Самгиных, в отношениях Макарова и Лидии Варавки, Алины Тепленевой и Игоря Туробоева, Алины и Лютова, Клима Самгина и Варвары. Отсюда вывод: «Рассказ о безответной любви» как литературный факт в контексте мировоззренческой и творческой биографии М. Горького, ключевой фигуры в истории отечественной и мировой культуры, нуждается в современном прочтении и глубоком осмыслении самых широких читательских кругов.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ариас-Вихиль М. А. Буревестник vs. Альбатрос: Французский контекст творчества М. Горького. М.: Темп, 2018. 534 с.
2. Ариас-Вихиль М. А. Ромэн Роллан и Максим Горький: Историко-функциональные и общественно-политические аспекты литературного диалога (по материалам Архива А. М. Горького). М.: ИМЛИ РАН, 2020. 473 с.
3. Барахов В. С. Драма Максима Горького (Истоки, коллизии, метаморфозы). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 382 с.
4. Белова Т. Д. М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»: проблемы современного прочтения: учебное пособие. Саратов: Саратовский источник, 2018. 291 с.
5. Бялик Б. А. Судьба Максима Горького. М.: ГИХЛ, 1968. 392 с.
6. Волков А. А. Художественный мир Горького (Советские годы). М.: Современник, 1978. 367 с.
7. Воронский А. К. Литературно-критические статьи. М.: Советский писатель, 1963. 425 с.
8. Келдыш В. А. О ценностных ориентирах в творчестве М. Горького // Келдыш В. А. О «Серебряном веке» русской литературы: общие закономерности. Проблемы прозы. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 163–170.
9. Лейдерман Н. Д. Непрочитанный Горький [Электронный ресурс] // Урал. 2008. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/ural> (дата обращения: 27.04.2021).

¹ Шкапа И. С. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 241.

10. Селезнева М. А. Поэтика характеров в «Рассказах 1922–1924 годов» М. Горького: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006. 159 с.
11. Смирнова Л. А. Прозаики Серебряного века. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 360 с.
12. Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 440 с.
13. Спиридонова Л. А. Горьковедение на современном этапе // *Studia Literarum*. 2016. Т. 1. № 3–4. С. 419–433.
14. Сухих С. И. Заблуждение и прозрение Максима Горького. 2-е изд., испр. и доп. Нижний Новгород: Поволжье, 2007. 216 с.
15. Татер Е. М. Горький // *История русской советской литературы: в 4 т. Т. 1*. М.: Наука, 1967. С. 189–272.

REFERENCES

1. Arias-Vikhil M. A. *Burevestnik vs. Al'batros: Frantsuzskii kontekst tvorchestva M. Gor'kogo* [Petrel vs. Albatross: French Context of M. Gorky's Creativity]. Moscow, Temp Publ., 2018. 534 p.
2. Arias-Vikhil M. A. *Romen Rollan i Maksim Gor'kii: Istoriko-funktsional'nye i obshchestvenno-politicheskie aspekty literaturnogo dialoga (po materialam Akhriva A. M. Gor'kogo)* [Romain Rolland and Maxim Gorky: Historical-Functional and Sociopolitical Aspects of Literary Dialogue (Based on the Materials of A. Gorky's Archive)]. Moscow, Institute of World Literature of RAS Publ., 2020. 473 p.
3. Barahov V. S. *Drama Maksima Gor'kogo (Istoki, kollizii, metamorfozy)* [Drama of Maxim Gorky (Origins, Collisions, Metamorphoses)]. Moscow, Institute of World Literature of RAS Publ., 2004. 382 p.
4. Belova T. D. M. *Gor'ky. "Zhizn' Klima Samgina": problemy sovremennogo prochteniya* ["The Life of Klim Samgin": Problems of Modern Reading]. Saratov, Saratovskij istochnik Publ., 2018. 291 p.
5. Byalik B. A. *Sud'ba Maksima Gor'kogo* [The Fate of Maxim Gorky]. Moscow, GIHL Publ., 1968. 392 p.
6. Volkov A. A. *Khudozhestvennyi mir Gor'kogo (Sovetskie gody)* [Artistic World of Gorky (Soviet Years)]. Moscow, Sovremennik Publ., 1978. 367 p.
7. Voronsky A. K. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary Critical Articles]. Moscow, Sovetsky pisatel Publ., 1963. 425 p.
8. Keldysh V. A. [About Value Orientations in the Work of M. Gorky]. In: Keldysh V. A. *O "Serebryanom veke" russkoi literatury: obshchie zakonomernosti. Problemy prozy* [About the "Silver Age" of Russian Literature: General Patterns. Problems of Prose]. Moscow, Institute of World Literature of RAS Publ., 2010, pp. 163–170.
9. Lejderman N. D. [Unread Gorky]. In: *Ural*, 2008, no. 7. Available at: <https://magazines.gorky.media/ural> (accessed: 27.04.2021).
10. Selezneva M. A. *Poetika kharakterov v "Rasskazah 1922–1924 godov" M. Gor'kogo: dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of characters in M. Gorky's "Stories of 1922–1924": Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2006. 159 p.
11. Smirnova L. A. *Prozaiki Serebryanogo veka* [Novelists of the Silver Age]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2014. 360 p.
12. Spiridonova L. A. *Nastoyashchii Gor'kii: mify i real'nost'* [Real Gorky: Myths and Reality]. Moscow, Institute of World Literature of RAS Publ., 2013. 440 p.
13. Spiridonova L. A. [Gorky Studies at the Present Stage]. In: *Studia Literarum*, 2016, vol. 1, no. 3–4, pp. 419–433.
14. Suhii S. I. *Zabluzhdenie i prozrenie Maksima Gor'kogo* [Delusion and Insight of Maxim Gorky]. Nizhny Novgorod, Povolzh'e Publ., 2007. 216 p.
15. Tager E. [M. Gorky]. In: *Istoriya russkoi sovetskoi literatury. T. 1* [History of Russian Soviet Literature. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 189–272.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белова Тамара Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского;
e-mail: belovatdmit@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7826-6584

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara D. Belova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University;
e-mail: belovatdmit@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7826-6584

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Белова Т. Д. «Рассказ о безответной любви» М. Горького как художественная оппозиция фанатизму и «вакханалии сердца» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 78–91.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-78-91

FOR CITATION

Belova T. D. M. Gorky's "The Story of Unrequited Love" as an Artistic Opposition to Fanaticism and "Bacchanalia of The Heart." In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 78–91.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-78-91

УДК 82-7

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-92-99

«ГИТЛЕР-САТИРА» В РОМАНЕ ТИМУРА ВЕРМЕША «ОН СНОВА ЗДЕСЬ»

Бондарь И. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать особенности создания Тимуром Вермешем сатирического образа Гитлера, определяя задачи, которые перед собой ставил автор романа.

Процедура и методы. При проведении исследования использованы культурно-исторический метод, системный подход, культурологический анализ.

Результаты. Выявлено, что автор прибегает к метаиронии, наделяя Гитлера архетипическими чертами Вотана и погружая его в современную немецкую реальность для того, чтобы сатирически изобразить современное немецкое общество и предостеречь его от ложной уверенности в том, что оно сумеет своевременно предотвратить приход нового фюрера.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в рамках общих лекций по истории зарубежных литератур, на факультативных занятиях, посвящённых актуальной немецкоязычной прозе.

Ключевые слова: метаирония, ирония, сатира, Гитлер-сатира, архетип, СМИ, либерализм

“HITLER SATIRE” IN THE NOVEL “LOOK WHO’S BACK” BY TIMUR VERMES

I. Bondar

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The aim of this work is to investigate the features of a satirical image of Hitler created by Timur Vermesh and to determine the tasks that the author of the novel set for himself by creating this image.

Methodology. Use is made of the cultural-historical method, systematic approach, and cultural analysis to examine the image of Hitler in Timur Vermesh’s novel “Look who’s back” in the context of metairony.

Results. It is found that the author uses metairony, endowing Hitler with the archetypal features of Wotan and immersing him in modern German reality in order to satirically depict modern German society and warn the society against false confidence that it will be able to prevent the arrival of a new Fuhrer.

Research implications. The results of the study can be used in the framework of general lectures on the history of foreign literature, optional classes on actual German-language prose.

Keywords: metairony, irony, satire, Hitler satire, archetype, media, liberalism

Введение

Поражение Германии во второй мировой войне и последующая за ним денацификация послужили основой для формирования в 1950-х гг. концепции «преодоления прошлого», в рамках которой критическому анализу был подвергнут нацистский режим и совершённые им преступления. Её продолжением в 1970–1980-х гг. стали признание в контексте государственной политики вины немецкого народа за преступления нацизма и сосредоточение внимания на его жертвах, прежде всего, на Холокосте.

Такое официально закреплённое трагическое восприятие своего недавнего по историческим меркам прошлого привело к возникновению в различных сферах человеческой деятельности многочисленных табу, или, говоря иными словами, цензуры, в рамках которой считалось не вполне уместным описывать нацистский режим и исторических деятелей времён Третьего рейха, в первую очередь такие зловещие фигуры, как Гитлер и его ближайшее окружение, в рамках комического. Тем более что, в отличие от других стран, где над фюрером смеялись десятилетиями, в немецкой литературе в силу исторических причин не существовало традиции сатирического изображения фюрера.

Следует отметить, что это негласное табу было нарушено не немцами, а немецкоязычными писателями еврейского происхождения Юреком Беккером в романе «Якоб-лжец» (1969), Эдгаром Хильсенратом в романе «Нацист и парикмахер» (1971) и Георгом Табори в пьесе-фарсе «Магушкин кураж» (1979), в произведениях которых образ Гитлера возникает в контексте разрабатываемой ими темы Холокоста. В 1997 г. уже немец Вальтер Мёрс выпустил книгу комиксов «Адольф. Я вернусь». В 2012 г. немецкий журналист венгерского происхождения Тимур Вермеш публикует свой роман «Он снова здесь», рассказывающий о воскрешении фюрера и о том, как он сделал карьеру в Германии XXI в. Для таких произведений в немецкой критике даже используется специальный термин «Гитлер-сатира»¹.

В год выхода в свет книга заняла первое место в рейтинге продаж. К 2015 г., по данным немецких источников, было продано уже 1,7 млн экземпляров. Книга была переведена на 20 языков², в 2015 г. по мотивам романа Вермеша поставлен спектакль³ и снят фильм.

¹ Hitler-Satire feiert Theater-Premiere // Deutsche Welle: [сайт]. URL: <https://www.dw.com/de/hitler-satire-feiert-theater-premiere/a-18227560> (дата обращения: 02.03.2021).

² Ballerstädt M. Was ist an Adolf Hitler so witzig, Herr Vermes? // Bild: [сайт]. URL: <https://www.bild.de/news/inland/satire/darf-man-ueber-hitler-lachen-28415650.bild.html> (дата обращения: 02.03.2021).

³ Hitler-Satire feiert Theater-Premiere // Deutsche Welle:

Несмотря на то, что книга, как показано выше, имела успех у читателей, она была прохладно встречена критикой. Во многом это можно объяснить тем, что, хотя фигура Гитлера и ранее уже обыгрывалась в различных формах, критики с осторожностью подходят к вопросу, приемлем ли смех в отношении убийцы и «отца Холокоста», не есть ли это неуважение к жертвам нацизма. Именно с этой точки зрения немецкая критика оценивала ставшую бестселлером книгу Вермеша.

Большинство критиков сошлись во мнении, что в романе нет ничего действительно нового – идея перемещения Гитлера в Берлин уже была использована Мёрсом⁴. Некоторые рецензенты упрекнули автора романа в том, что использование тривиального юмора в качестве сюжетобразующего элемента и акцент на Гитлере как на комической фигуре в итоге могут привести к «банализации зла»⁵.

Оценивая роман Вермеша, многие немецкие критики не смогли уловить усиливающуюся не только в немецкой (например, творчество того же Гюнтера Грасса), но и в мировой литературе в целом тенденцию к использованию комического как одного из способов постижения жизни, в том числе и трагических её сторон.

Немецкое общество, как и немецкая критика, в полной мере ещё не готовы прийти к однозначной оценке того, уместно ли использование комического применительно к национал-социалистическому периоду существования Германии, а особенно к его лидерам. Безусловно, разграничение в этом случае комического и трагического вызывает определённые сложности. И понятны их опасения в той части, что смех может постепенно сформировать в обще-

[сайт]. URL: <https://www.dw.com/de/hitler-satire-feiert-theater-premiere/a-18227560> (дата обращения: 02.03.2021).

⁴ Hitler-Komödie ist ein kontroverser Erfolg // Deutsche Welle: [сайт]. URL: <https://www.dw.com/de/hitler-kom%C3%B6die-ist-ein-kontroverser-erfolg/a-16572905> (дата обращения: 02.03.2021).

⁵ Provokanter Spot: Ein Auto verhindert Hitler // Deutsche Welle: [сайт]. URL: <https://www.dw.com/de/provokanter-spot-ein-auto-verhindert-hitler/a-17107682> (дата обращения: 02.03.2021).

стве насмешливое отношение к трагическому прошлому Германии.

В этой связи важно понять, какие цели и задачи ставил перед собой Т. Вермеш, создавая роман, и почему в качестве главного героя им выбрана такая одиозная фигура, как Гитлер. В интервью газете «Зюддойче цайтунг» писатель объясняет своё обращение к теме желанием привлечь внимание к росту неонацизма в Германии. Выбор же в качестве главного героя Гитлера он мотивирует тем, что немецкие средства массовой информации сформировали в общественном сознании образ «Гитлера-монстра». По мнению автора романа, этот «чудовищный Гитлер», с одной стороны, снимает вину с тех, кто помог прийти ему к власти в результате выборов, «потому что чем более неотразимо зло, тем меньше вины»¹. А с другой – вселяет в немецкое общество ложную уверенность в том, что оно сумеет своевременно предотвратить приход нового фюрера: «сегодня мы умнее, мы никогда не будем следовать за монстрами или их оболочками»². Однако, как отмечает Вермеш, «люди не выбирают сумасшедших, они выбирают тех, кого находят привлекательными и достойными восхищения»³. Следовательно, по мнению автора романа, если немцы совершили ошибку один раз, они могут повторить её снова, когда лицо, претендующее на роль «вождя нации», «будет действовать немного иначе»⁴.

Архетипические черты Вотана в образе главного героя романа «Он снова здесь»

Образ Гитлера, созданный Вермешем в романе «Он снова здесь», во многом обнаруживает черты архетипа бога ветра – Вотана, в германо-скандинавской мифологии, по К. Г. Юнгу, превратившегося с приходом

христианства в дьявола. В соответствии с представлениями Юнга этот бог просто исчезает, когда время оборачивается против него, но может «проснуться, как потухший вулкан, к новой деятельности в цивилизованной стране, о которой давно уже думали, что она переросла средневековье» [3, с. 4]. Именно в момент кризиса идей либерализма, когда постепенно нарастает недовольство иммиграционной политикой федерального правительства, когда растут сомнения в правильности идей глобализации и возникает предчувствие надвигающегося кризиса общества потребления, уставшего от политкорректности и информационного однообразия средств массовой информации, на городском пустыре приходит в себя Адольф Гитлер. Ему, как и в 1945 г., 56 лет, и это можно трактовать как ещё одну отсылку к упомянутому богу: «не путь для Вотана – стоять и выказывать признаки возраста» [3, с. 8].

В новом времени, где нет ни его соратников, ни тех структур, на которые он опирался, когда был вождём нации, на помощь ему приходит продавец газет, в глубине души симпатизирующий национал-социалистическому движению, о чём свидетельствует странный жест киоскёра, наводящий на мысль о нацистском приветствии. Его киоск и становится на первое время пристанищем Гитлера. Случайно ли это совпадение в романе или нет, но К. Г. Юнг в интервью, данном им в 1938 г. американскому журналисту Х. Р. Никербокеру, отмечает, что Гитлер основывал свою власть «главным образом на низших и средних классах» [4, с. 181].

Образ Гитлера, созданный Вермешем, в большей части соответствует психологическому портрету немецкого диктатора, составленному в 1938 г. К. Г. Юнгом. Воскресший фюрер по-прежнему считает, что он «и есть немецкий народ», «что он есть Германия» [4, с. 176], бредит войной, мечтает «сделать своих людей могущественными, ибо дух арийской Германии заслуживает, чтобы его подкрепляли силой, мускулами и мечом» [4, с. 180]. Но те черты «вождя нации», которые в интервью

¹ Vermes T. Wir haben zu viel vom gleichen Hitler // Süddeutsche Zeitung: [сайт]. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/bestseller-autor-timur-vermes-wir-haben-zu-viel-vom-gleichen-hitler-1.1548976> (дата обращения: 02.03.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Х. Р. Никербокеру К. Г. Юнг просто констатировал, в современной Германии к 2011 г. не только приобрели негативную коннотацию, но и превратились в набор штампов, используемых для характеристики «Гитлера-монстра».

Примитивизм идей, провозглашённых когда-то Гитлером, как бы сам собой подразумевает, что он был человеком не очень умным, а, следовательно, его идеология не может представлять опасности для современного общества. Т. Вермеш в своём романе показывает ошибочность того суждения, что умный человек не может исповедовать национал-социалистическую идеологию, говорит о возникновении в этом случае опасности повторения истории: немцы, как это уже однажды случилось, легко могут пойти за тем, «кого раньше считали идиотом»¹.

Именно поэтому в романе «Он снова здесь» так важна фигура рассказчика. В роли повествователя выступает Гитлер. Для придания убедительности образу Т. Вермеш скопировал стиль изложения из книги «Майн Кампф». Фюрер в романе многословен, его речь насыщена громоздкими метафорами, «он движется от частного к общему, претенциозен»².

Предоставив в романе Гитлеру возможность самому рассказать о своей жизни в современной Германии, писатель показывает, как в одном человеке могут уживаться «прагматизм ... удивительный шарм и такая же холодная жестокость»³. Эта характеристика Т. Вермешем своего героя в общих чертах совпадает с описанием Вотана у К. Г. Юнга, который в его статье с одноимённым названием может

принимать обличье бога-берсерка, бога Чарования и бога Возжелания [3, с. 8].

Очувтившись в Берлине и пережив короткий период растерянности, Гитлер начинает действовать вполне прагматично: он пытается узнать из газет, в каком времени он находится, затем, ночуя в киоске приютившего его продавца газет, тщательно изучает прессу и анализирует с национал-социалистической точки зрения ситуацию, сложившуюся в Германии к 2011 г. Этот анализ ему необходим для того, чтобы понять тот новый мир, в котором он оказался. Сформулированные им на основании анализа в 11 пунктах выводы убеждают его в том, что новая ситуация не так уж и нова; во многом она напоминает ту, в которой он когда-то давно начинал свою политическую карьеру, и потому у него есть все шансы вновь повторить свой успех. В этот момент в Гитлере просыпается «Вотан как бог-Возжелания», который и будет определять все его последующие шаги. В этом контексте комично, но в то же время и достаточно зловеще звучит его крик в ночи: «Да! Я хочу! И я буду! Да, да и ещё раз да!»⁴ Комично, потому что это крик бездомного, без документов и без копейки в кармане человека, сидящего в киоске в не очень чистом кресле. Зловеще, потому что этот крик раздаётся в ночи, которая, возможно, ещё раз опустится на Германию. В этот момент и «Вотан как берсерк» начинает своё путешествие по стране.

Правильно определив роль СМИ в современном обществе и критически оценив качество его содержательного наполнения, Гитлер принимает предложение участвовать в юмористической передаче одного из немецких каналов, «позволяя журналистам превратить себя в медиазвезду» [5]. Как справедливо отмечает К. Бус в своей рецензии, размещённой в журнале «Шпигель», «„настоящий“ Гитлер в „Он снова здесь“ достаточно умён для того, чтобы предложить пародию на самого себя

¹ Ballerstädt M. Was ist an Adolf Hitler so witzig, Herr Vermes? // Bild: [сайт]. URL: <https://www.bild.de/news/inland/satire/darf-man-ueber-hitler-lachen-28415650.bild.html> (дата обращения: 02.03.2021).

² Vermes T. Wir haben zu viel vom gleichen Hitler // Süddeutsche Zeitung: [сайт]. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/bestseller-autor-timur-vermes-wir-haben-zu-viel-vom-gleichen-hitler-1.1548976> (дата обращения: 02.03.2021).

³ Ballerstädt M. Was ist an Adolf Hitler so witzig, Herr Vermes? // Bild: [сайт]. URL: <https://www.bild.de/news/inland/satire/darf-man-ueber-hitler-lachen-28415650.bild.html> (дата обращения: 02.03.2021).

⁴ Вермеш Т. Он снова здесь / пер. с нем. А. Чередниченко. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 49.

и таким образом реализовать свои абсолютно не пародийные цели» [5].

Начав с сатирических комментариев, Гитлер затем получает предложение сделать свою собственную программу. В ней он использует видеосюжеты, в которых, защищая интересы рядовых горожан, критикует «отравленные продукты питания, водителей, разговаривающих за рулём по переносному телефону, варварскую традицию охоты и прочее»¹. И хотя Гитлер всегда говорит серьёзно, ни руководство телевидения в погоне за рейтингом, ни зрители, которым наскучил беззубый юмор, не замечают, что с экранов телевизоров на них льётся нацистская пропаганда. Гитлер попадает в общество, в котором «смех над ним считается признаком собственной просвещённости»². И именно этот смех помогает бывшему вождю нации решать поставленные им самому себе задачи.

Гитлер, подобно Вotanу в обличье «бога Чарования», практически не встречая сопротивления, становится любимцем миллионной толпы. Даже бабушка его секретаря фройляйн Крёмайер, единственная выжившая из всей еврейской семьи, погибшей во времена Третьего рейха, и сначала запретившая внучке работать с ним, поддавшись обаянию Гитлера, нанёсшего ей визит и похвалившего её внучку. Эту ситуацию Т. Вермеш впоследствии доводит до очевидного абсурда: фройляйн Крёмайер и господин Завацки, сотрудник телекомпании, отвечающий за выход в эфир авторских передач Гитлера, поженившись, принимают решение назвать своего первенца Адольфом.

В 1938 г. К. Г. Юнгу «казалось, что он (Гитлер. – И. Б.) – дублёр реального человека» [4, с. 182]. «Гитлер как человек едва существует, – говорил Юнг в своём интервью, – По меньшей мере скрывается за своей ролью» [4, с. 182].

¹ Вермеш Т. Он снова здесь / пер. с нем. А. Чередниченко. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 190.

² Fiedler C. Ha, ha, Hitler // Süddeutsche Zeitung: [сайт]. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/bestseller-roman-er-ist-wieder-da-ha-ha-hitler-1.1568685> (дата обращения 02.03.2021).

Метаирония в романе Тимура Вермеша «Он снова здесь»

Подобная ситуация возникает и в 2011 г., что открывает большие возможности для использования такой формы авторской иронии, как «метаирония» (по терминологии И. Шагуновского), которая реализуется на уровне всего текста. Все, кто помогает Гитлеру делать передачи, все, с кем он встречается, все, кто смотрит его передачи, все, кто пишет на открытый для него редакцией сайт под названием «Ставка фюрера», уверены, что он не сумасшедший нацист, а артист-двойник, никогда не выходящий из своей роли.

Это заблуждение помогает воскресшему в 2011 г. фюреру без особых проблем устроить свою жизнь в новом для него мире. Для этого он даже не прибегает ко лжи, а просто использует фигуру умолчания, побуждая другую сторону к домысливанию. В первый же день своего пребывания в новом для него мире Гитлер, сказав продавцу газет о том, что ему будет затруднительно обратиться к своей жене за помощью, собственно, говорит правду. Он просто не называет её имени и фамилии, думая в этот момент о Еве Браун. Эти невнятные объяснения наталкивают киоскёра, для которого мысль о воскрешении фюрера слишком фантастична, на идею о том, что подобранный им на улице и похожий на фюрера человек оказался в трудном положении из-за ссоры с женой.

Иронией пронизан весь роман Т. Вермеша не только на бытовом, как было показано выше, но и на идеологическом уровне. Например, при приёме на работу директором телекомпании госпожой Беллини Гитлеру ставится условие:

– «Евреи – не тема для шуток!

– Вы абсолютно правы, с облегчением выдохнул я (Гитлер. – И. Б.)»³.

Очевидно, что госпожа Беллини и Гитлер вкладывают в эту фразу абсолютно разный смысл.

Герою Т. Вермеша постоянно задают вопросы, узнают, что он думает по тому

³ Вермеш Т. Он снова здесь / пер. с нем. А. Чередниченко. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 92.

или иному поводу, прислушиваются к его мнению, считая его прекрасным актёром и не допуская той мысли, что, хотя Гитлер и современные немцы говорят на одном языке, они понимают происходящее по-разному. Это позволяет бывшему фюреру продвигаться без особенных сложностей к поставленной им цели – возвращение к власти, которая ему необходима в дальнейшем для реализации идеи мирового господства. Так, если в начале его «движения вверх» продавец газет, пытаясь понять, настоящий это фюрер или его двойник, робко пальцами имитирует запрещённое в современной Германии нацистское приветствие, то спустя некоторое время секретарь фройляйн Крёмайер по требованию Гитлера при входе в его служебный кабинет уже открыто поднимает руку в нацистском приветствии. Сигналом служебного смартфона Гитлера становится «Полёт валькирий», а в публичном пространстве появляются адрес электронной почты «Новая рейхсканцелярия», сайт «Ставка фюрера» и студия «Волчье логово».

Конфликт видимости и реальности достигает своей кульминации в момент посещения Гитлером штаб-квартиры НДПГ в рамках подготовки репортажа о неонацизме в современной Германии. Скандал, устроенный им там, и его последствия явились также непосредственным результатом разности восприятия события.

Гитлер, увидев неказистый домишко, табличку с названием партии, для которого в его восприятии «шрифт был выбран мелкий явно из трусости перед лицом врага»¹, прыщавого растерянного хныкающего мальчонку, дряблую фигуру главы партии, и дилетантские пропагандистские брошюры, устроил скандал потому, что он «ещё ни разу в жизни ... не испытывал такого стыда за национальную партию»².

Воспитанные в духе примитивного гитлеризма, неонацисты восприняли атаку Гитлера на них как очередные «происки мирового еврейства». Следствием этого

стало избиение до полусмерти главного героя за то, что он позорит Германию, нанося ей удар в спину.

С точки зрения немецких политических кругов, придерживающихся официальной идеологии осуждения нацизма, Гитлер стал борцом против его возрождения, пострадавшим за свою активную антифашистскую позицию.

Такая трактовка ими событий открыла для них возможность использования Гитлера в своих узкопартийных целях, поэтому на лежащего на больничной койке фюрера посыпались предложения от дюжины «партий ... вступить в их ряды»³, а для самого Гитлера – перспективу «начать пропагандистское наступление и основать новое движение»⁴. Более того, его движению появившимися в новом мире помощниками уже придуман удачный, по мнению Гитлера, лозунг «Не всё было плохо»⁵: «он отсылает к прежним заслугам, к прежним сомнениям и вдобавок содержит шутливо-примирительный элемент, который поможет перетянуть на свою сторону избирателей ... и прочий молодняк»⁶.

Таким образом, в конфликте видимости и реальности побеждает видимость, которая в романе равнозначна слепоте. Медийная деятельность Гитлера становится лишь ступенькой для его политической карьеры.

В рецензии немецкой газеты «Зюддойче цайтунг» отмечается, что в романе Т. Вермеша «Он снова здесь» появляется новое для немецкой литературы измерение – «смех не над Гитлером, а вместе с Гитлером»⁷. Это утверждение К. Фидлер, автора рецензии, действительно заслуживает внимания.

Причины этого, думается, следует искать в том, что «повествование строится таким образом, что речь непосредственно

³ Там же. С. 379.

⁴ Там же. С. 379.

⁵ Там же. С. 380.

⁶ Там же. С. 380.

⁷ Fiedler C. Ha, ha, Hitler // Süddeutsche Zeitung: [сайт]. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/bestseller-roman-er-ist-wieder-da-ha-ha-hitler-1.1568685> (дата обращения 02.03.2021).

¹ Вермеш Т. Он снова здесь / пер. с нем. А. Чередниченко. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 247.

² Там же. С. 248.

говорящего героя художественного произведения не является иронической, он говорит то, что говорит, не иронически, серьёзно, с его точки зрения это истинно и нормально, однако высказывание (высказывания), вкладываемое автором в его уста, и ситуация, и контекст строятся автором таким образом, чтобы была ясна «неистинность», аномальность в том или ином отношении этого высказывания (с точки зрения автора и присоединившихся к нему читателей)» [2, с. 292]. Таким образом, «столкновение этих разноуровневых противоположных оценок и является здесь источником иронического эффекта» [2, с. 292].

Эффективность такой модели повествования несомненна в тех случаях, когда незнакомый ещё с современными реалиями Гитлер, наблюдая за тем, как гуляющая женщина собирает экскременты, оставленные её собакой, в целлофановый мешок, думает, что она сошла с ума, а потому должна быть стерилизована. Или, например, когда, увидев в ушах выходящих из школы турецких школьников наушники для прослушивания музыки, которые Гитлер принимает за беруши, он не скрывает радости от того, что его принципы в отношении «подчинённых групп»¹ населения были признаны верными и даже усовершенствованы: маленькие затычки препятствовали «восприятию ненужной дополнительной информации или элементов знания»². Упрощённый архетип «Гитлера-монстра» как компонент культуры «общества потребления» порождает определённые стереотипные чувства и мысли в отношении его, он воспринимается как воплощение зла, и читатель с удовольствием смеётся над ним.

Более сложная ситуация в плане восприятия образа повествователя читателем возникает тогда, когда Гитлер в романе Т. Вермеша «Он снова здесь» негативно оценивает современное немецкое общество и его институты, видя в них идеаль-

ный продукт индустрии развлечений, сформировавшийся вследствие коммерциализации всех сфер жизни. Очевидно, что Гитлер искренен в своих суждениях. Не вызывает сомнения и то, что персонажи романа Т. Вермеша не замечают, что в основе действий и суждений героя, критикующего имеющиеся социальные недостатки, лежит национал-социалистическая идеология, представляющая собой отклонение от выработанных на протяжении всего развития человечества нравственно-этических норм.

Из утверждения К. Фидлер следует, что читатель так же, как и герои романа, не замечает «аномальности» высказываний повествователя. Следовательно, в этом случае читатель не улавливает иронии и поэтому смеется вместе с Гитлером.

Т. Вермеш, автор романа «Он снова здесь», не столь категоричен, как автор рецензии в газете «Зюддойче цайтунг». Писатель не даёт однозначного ответа на вопрос, сумеет ли немецкий читатель выйти за рамки ставшего привычным восприятия Гитлера, а следовательно, допустить возможность иных вариантов развития событий. Например, того, что внешняя оболочка фюрера может быть отнюдь не безобразной и не отвратительной, что он может «выглядеть дружелюбным, умным и обаятельным»³. Поэтому Т. Вермеш и использует приём открытого финала, который подчёркивает нерешённость поставленной проблемы. «Вотан как берсерк, как бог бури, путешественник, воин, как бог Чарование, бог Возжелание продолжает своё шествие по Германии» [3, с. 8].

Заключение

В заключение отметим, что в романе Т. Вермеша «Он снова здесь» ирония является «концептуальной категорией художественного текста, позволяющей автору имплицитно выразить его эмоционально

¹ Вермеш Т. Он снова здесь / пер. с нем. А. Чердниченко. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 116.

² Там же. С. 116.

³ Vermes T. Wir haben zu viel vom gleichen Hitler // Süddeutsche Zeitung: [сайт]. URL: <https://www.sueddeutsche.de/kultur/bestseller-autor-timur-vermes-wir-haben-zu-viel-vom-gleichen-hitler-1.1548976> (дата обращения: 02.03.2021).

оценочные позиции, отношение к изображаемой действительности» [1, с. 15]. Надеясь Гитлера архетипическими чертами Вотана и погружая его в современную немецкую реальность, автор предостерегает современное немецкое общество от ложной уверенности в том, что оно сумеет

своевременно распознать нового фюрера и предотвратить его приход. Иными словами, по мнению Т. Вермеша, если немцы и далее будут смеяться над Гитлером, однажды им придется смеяться вместе с ним.

Статья поступила в редакцию 14.07.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомичева Ж. Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 17 с.
2. Шатуновский И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: Языки славянских культур, 2016. 480 с.
3. Юнг К. Г. Вотан // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. Т. 15. № 2. С. 4–10.
4. Юнг К. Г. Диагностируя диктаторов // Аналитическая психология: прошлое и настоящее / сост. В. Зелинский, А. Руткевич. М.: Мартис, 1995. С. 172–190.
5. Buß Ch. Vorsicht, Witz mit Bart // Der Spiegel: [сайт]. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/kino/er-ist-wieder-da-hitler-groteske-nach-timur-vermes-a-1056231.html> (дата обращения 02.03.2021).

REFERENCES

1. Fomicheva Zh. E. *Intertekstual'nost' kak sredstvo voploshcheniya ironii v sovremennom angliiskom romane: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Intertextuality as a Mean of Embodying Irony in a Modern English Novel: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 1992. 17 p.
2. Shatunovskiy I. B. *Rechevye deistviya i deistviya mysli v russkom yazyke* [Speech Actions and Actions of Thought in the Russian Language]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tury Publ., 2016. 480 p.
3. Jung C. G. *Wotan* (Rus. ed.: *Votan*. In: *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra* [Bulletin of Vladikavkaz Scientific Centre], 2015, vol. 15, no. 2, pp. 4–7).
4. Jung C. G. Diagnosing the Dictators (Rus. ed.: *Diagnostiruyaya diktatorov*. In: Zelinский V., Rutkevich A., comps. *Analiticheskaya psikhologiya: proshloe i nastoyashchee* [Analytical Psychology: Past and Present]. Moscow, Martis Publ., 1995, pp. 172–190).
5. Buß Ch. Vorsicht, Witz mit Bart. In: *Der Spiegel*. Available at: <https://www.spiegel.de/kultur/kino/er-ist-wieder-da-hitler-groteske-nach-timur-vermes-a-1056231.html> (accessed: 02.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарь Иван Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: degauss@dismail.de

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Bondar – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of History of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: degauss@dismail.de

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бондарь И. А. «Гитлер-сатира» в романе Тимура Вермеша «Он снова здесь» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 92–99.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-92-99

FOR CITATION

Bondar I. A. "Hitler satire" in the Novel "Look Who's Back" by Timur Vermes. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 92–99.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-92-99

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-100-105

АРХЕТИП ЛЕНИНГРАДСКОЙ КВАРТИРЫ В РОМАНАХ Е. С. ЧИЖОВОЙ

Колондаева Н. А.

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

196605, г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать главный топоним романов Елены Чижовой – образ ленинградской квартиры – и его системообразующую роль в нарративе.

Процедура и методы. В работе рассматриваются конкретные примеры проявления архетипического образа дома (ленинградской квартиры) в романах Е. С. Чижовой. При проведении исследования применены методы обобщения, литературной интерпретации, анализа. Рассматривается понятие «архетип» в его практическом применении к литературоведческому анализу современного художественного текста.

Результаты. В ходе работы была выявлена роль архетипа ленинградской квартиры в структурном и смысловом пластах авторского дискурса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования помогают структурировать и обобщить знания, касающиеся элементов ленинградского / петербургского текстов. Анализ романов Елены Чижовой может стать подспорьем в изучении студентами текстов современных писателей. В тексте статьи также кратко, но точно сформулированы главные трактовки понятия «архетип», которые необходимы для полного художественного анализа литературных текстов.

Ключевые слова: архетип, нарратив, современная литература, городская проза, сквозной образ, ленинградская проза, Е. С. Чижова

ARCHETYPE OF A LENINGRAD FLAT IN E. S. CHIZHOVA'S NOVELS

N. Kolondaeva

Pushkin Leningrad State University

Peterburgskoe sh. 10, Pushkin, St. Petersburg 196605, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to analyze the main toponym in Elena Chizhova's novels – the image of a Leningrad flat – and its system-forming role in the narrative.

Methodology. The paper examines specific examples of the manifestation of the archetypal pattern of a house (Leningrad flat) in E. Chizhova's novels. The research relies on the methods of generalization, literary interpretation, and analysis. The concept of archetype in its practical application to the literary analysis of a modern literary text is considered.

Results. The role of the archetype of a Leningrad flat in the structural and semantic layer of discourse is revealed

Research implication. The results of the research help structure and generalize the knowledge concerning the elements of the Leningrad / St. Petersburg texts. The analysis of elements of Elena Chizhova's novels can be of help in the study of the texts of modern writers.

Keywords: archetype, narrative, modern literature, urban prose, through image, Leningrad prose, Elena Chizhova

Введение

Один из важнейших тезисов фундаментальной монографии В. Н. Топорова звучит так: «Как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”. Он говорит нам своими улицами, площадями, водами, островами, садами, зданиями, памятниками, людьми...» [4, с. 22]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Но с развитием современной городской (в частности, «ленинградской») прозы в это утверждение хочется добавить ещё один пункт: Петербург (Ленинград), особенно в советские годы, мог говорить и своими квартирами, которые отражали не только быт людей, но и их ментальность. Поэтому анализ архетипа ленинградской квартиры как отдельно взятого структурного элемента нарратива не только представляет собой интерес для литературоведческого исследования, но и помогает обновить уже накопленные знания по анализу «ленинградской» прозы. В работе предпринята попытка анализа влияния образа ленинградской квартиры на канву повествования, а также на систему образов в романах автора.

Елена Семёновна Чицова – русский писатель, наш современник и лауреат премии «Русский Букер» – именно тот человек, который в своих романах попытался осмыслить происходящее в XX в. В её текстах мы встретим до боли знакомые детали быта коммунальных квартир, страшные реалии блокады Ленинграда и послевоенного времени, голод, очереди и талоны на питание. А самое главное – женщин. Женщин, сильных духом. Но в этом кратком описании автора, пожалуй, особенно важной деталью является её принадлежность к так называемой когорте «ленинградских писателей». Это означает принадлежность не только к месту по рождению, но и, в первую очередь, к месту по существу: тексты Е. С. Чицовой являют читателям не просто описание города, а его дух.

Архетип дома

Петербургская писательница Елена Семёновна Чицова в романах не просто детально изобразила интерьер ленинградской квартиры, она смогла показать, что этот топонимический архетип является «лицом» города, «зеркалом» состояния ленинградцев в разные временные промежутки.

Стоит сказать, что термин «архетип» мы рассматриваем применительно конкретно к литературоведческому анализу и используем его в качестве самого общего понятия, доступного читателю любого уровня. Это важное уточнение, поскольку этот термин используется в разнонаправленных научных сферах: философии, психологии, психологии рекламы, трансперсональной психологии [3, с. 7]. Для большего понимания термина «архетип» стоит обратиться к значению термина в энциклопедии «Мифы народов мира». Там архетип (греч. *archetypos*, ‘первообраз’) трактуется со ссылкой на работы К. Г. Юнга как «схема образов», одинаково выявляющихся во всём «коллективном бессознательном» каждого народа, причём одновременно (архетип «потопа», например)¹.

А. Ю. Большакова даёт такое определение: «Архетип – это модель, которая таит в себе ценностное смысловое ядро» [2, с. 38]. Архетипы связаны с процессом индивидуации (становлением личности) и как бы соответствуют его ступеням. Архетипы выступают в многочисленных конкретных образах в позитивных и негативных вариантах. Существуют архетипы трансформаций в виде типических ситуаций, места, путей, средств.

М. Бодкин в работе «Архетипические образы в поэзии» имеет сильный психологический уклон с ориентацией в основном на архетипы К. Юнга. Он интересуется прежде всего эмоционально-психологическими моделями литературных жанров и образов. Например, образ Бога в мифоло-

¹ Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 110.

гии и литературе М. Бодкин демонстрирует в двух вариантах: не только как символ единства, высших ценностей, вечного порядка, интеллекта и т. п. (в духе архетипа «самости»), но и как страдающего и воскресшего сына божия (божественное во временном аспекте), а также как деспота, поскольку речь идёт о борьбе человека против судьбы. В свете юнговской теории «проецирования» интересен и её анализ божественных, демонических, героических образов. Героя она рассматривает как архетипическую фигуру, колеблющуюся между богом и дьяволом [1].

Доктор философии, американская писательница Кларисса Пинкола Эстес, исследуя архетип в мифах и сказаниях, утверждает, что он – «огромная сила, в которой есть и тайна, и наука. Каждый архетип несёт в себе характерные качества, подтверждающие названия, которые мы дали этому архетипу: великая мать, божественное дитя, великий герой, великий целитель. Они сосредотачивают в себе мудрость, доброту, знание, заботу и т. д.» [5, с. 279]. Природа архетипа состоит в том, что он оставляет частицу себя там, где произошло его соприкосновение с душой. Иногда он оставляет вещественное доказательство, символический образ, и так проникает в жизнь, сны и мысли каждого смертного [5, с. 321]. Исследователь считает, что «архетип может быть вечно деятельным, всемилостивым, постоянно энергичным. Можно стараться ему подражать, но архетип – это идеал, недоступный человеку» [5, с. 279]. Вместе с этим архетип – непостижимая сила жизни [5, с. 483].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что формообразующие элементы архетипа схожи в своём первоначальном значении для каждого временного среза и для каждой народности, но более узкое смысловое наполнение может различаться в зависимости от исторической, экономической, социальной обстановки и других факторов. В нашем случае речь пойдёт как раз о более узкой трактовке термина.

Итак, если под архетипом мы понимаем «первообраз», часто повторяющиеся

мотивы в литературном произведении, то логично подчеркнуть, что под «архетипом ленинградской квартиры» мы подразумеваем архетип дома. В целом этот архетип (архетип ленинградской квартиры) можно считать полноценным, но обобщённым литературным топосом, важным не только для романов конкретного автора, но и для петербургской городской прозы в целом.

«Ленинградский» дом

Дом для советского жителя Ленинграда (по сути, «коммуналка») в романах Е. С. Чижовой предстаёт не просто жилищем. Это целая система, которая помогает читателю перманентно постигать не только общий замысел текста, но и характеры героев, их привычки, межличностные связи, уровень воспитания и образования. Такое утверждение применительно, например, к роману «Орест и сын». Повествование начинается с описания переезда семьи одной из главных героинь Ксении из «коммуналки» в собственное жильё, в «новостройку»: *«Грузчики задвинули в угол шкаф и ушли навсегда. Теперь оставалось самое трудное: смириться, что голые стены, продуваемые семью нынешними и сорока девятью будущими ветрами, есть Дом, в котором всяк остаётся свободен, приходя и запираясь в доме своём...»*¹ (недвусмысленная отсылка к выражению «Оставь надежду, всяк сюда входящий»). Рассказчица не может смириться с переездом, ведь архетипическое представление о Доме связано с той самой коммунальной квартирой – там история, там корни, там Дом: *«души летели назад – туда, где дом их был вечен... Теперь, вырванные с корнем, они потеряли лица и являли такой жалкий вид, что в этих жертвах разора нельзя было узнать их прежних – живых...»*². Очевидно, что старый «дом» является неким символом жизни, разрыв связи с которым обезличивает человека. Писательница ясно показала отношение героев к новому жилищу с помощью эле-

¹ Чижова Е. С. Орест и сын. М.: Астрель, 2012. С. 5.

² Там же. С. 10.

ментов описания: «всё одинаковое», «желтоватые обои», «серый линолеум». А вот прежний дом был не просто привычен, но и любим его обитателями. Такой искусственно образовавшийся сбой аксиологических устоев у героев романа, отражённый в сцене переезда, может служить аналитическим ориентиром для читателя.

А в романе «Время женщин», ставшем в 2009 г. лауреатом премии «Русский букер», коммунальная квартира является объединяющим звеном для героев: мама Антониня с дочкой Сюзанной живут по соседству с тремя старухами: Гликерией, Евдокией и Ариадной. Их быт налажен, каждая героиня имеет место в доме, соответствующее её увлечениям или нуждам, а кухня – общее место – была центром квартиры: «К раннему часу собирались на кухне. Тут, пока дитё не проснулось, решали всё важное – строили планы»¹. Детали интерьера и быта отражают дух времени: «чёрное большое радио», «пьяльцы для вышивки», «железная чашка», «рейтузы из толстой шерсти», «свечка на блюде», «общий таз для стирки», «огромная чёрная плита с кованым засовом», «мучные железные банки».

Архетип ленинградской квартиры находим и в развязке романа. Кольцевую композицию текста создаёт опять-таки элемент быта – скатерть, которую выросшая и осиротевшая Сюзанна привезла из старой коммунальной квартиры в новую, собственную: «Иногда я стелю камчатную скатерть с розами и представляю, как мы садимся вокруг стола – и отец, и мама, и бабушки. Это для них я купила такую большую квартиру. Чтобы у них был дом, в котором больше не страшно, потому что это – наши комнаты и их никто не отнимет»². Очевидно, что пресловутый «квартирный вопрос» сыграл значимую роль в жизни многих ленинградцев и повлиял на их мироощущение. Безусловно, наличие перечисленных элементов в повествовании эстетически ангажировано, ведь автор в интервью часто

акцентирует внимание на том, что сама выросла в «коммуналке», и все детали обихода для неё несут особый, сакральный смысл.

Отсюда вытекает подробное описание ленинградской квартиры в романе-расследовании «Город, написанный по памяти». Очень личный, интимный роман-воспоминание о жизни своих предков. Здесь стоит говорить, скорее, не об общем описании «коммуналки», а о деталях, составляющих общую картину: «они с отцом совершили первую семейную покупку: ту самую дюралюминиевую с чёрным покрытием сковородку на деревянной ручке, которая до сих пор живёт у нас на даче»³; «тугой водопроводный кран над облупившейся кухонной раковиной»⁴; «В маминной памяти их комната выглядит так: “Всё пространство занимали кровати. У двери деревянный резной буфет. Шкафа не было. Посередине стоял дубовый стол на толстых ножках”»⁵. Причём этот рассказ мамы, записанный на диктофон, даже через долгие годы очень ясный и детальный: «Следующую (комнату. – Н. К.), метров восемнадцать ... занимала полячка Варвара Феликсовна. Она умерла перед самой войной ... Следующая комната: тёти-Настина ... метров 13 ... У неё было две дочери»⁶. Из записанного монолога становится понятно, что жившие в одной квартире люди образовывали не просто коммуны, а неестественным образом (а конкретно жилищным вопросом) соединённую семью, где каждый знает судьбу другого переживания, перспективы и ценности.

Новая эпоха – эпоха семидесятых – восьмидесятых, описанная в романе «Лавра», – преподносит и новое видение архетипа дома. С ним мы сталкиваемся в первой же главе «Опрокинутый дом». Речь снова идёт о переезде. Но если раньше он означал для героев смену «родины» (из старого

³ Чиждова Е. С. Город, написанный по памяти. М.: АСТ, 2019. С. 25.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Там же. С. 71.

¹ Чиждова Е. С. Время женщин. М.: АСТ, 2018. С. 16.

² Там же. С. 190.

Петербурга на периферию; из квартир, хранящих память предков, в новую бетонную «коробку»), то здесь мы сталкиваемся с радостью от получения собственного жилья. Рассказ ведётся от лица девушки, которая вместе с мужем (её бывшим школьным учителем) отправляется на осмотр квартиры: *«В те времена нас переполняла радость обрётённого жилища, которую не могли омрачить ни смерть пьянчужки, ни буйство сорной травы, укрывающей окрестности, ни циклопические размеры поваленной башни-муравейника, в которой нам предстояло жить. Вначале нас было двое – муж и я. Три года, которые мы провели, скитаясь со своим скарбом по чужим комнатам, были сроком ничтожным»*¹.

Внешний вид новостройки и её окрестностей вызвал в воображении героини причудливые сравнения: *«Дом был невысок, всего девять этажей, а потому больше походил на неудавшийся, почти космический небоскрёб или башню, поваленную на землю – в сердцах. Этот дом, о котором не хочешь, да скажешь – лежал, выстроили в тупике бывшего Комендантского аэродрома. Дальше начинались Коломяги – нетронутая земля»*². Неожитое пространство вызывало у рассказчицы ужас, если не сказать отвращение: *«Лифт не работал. Мы поднялись на шестой этаж и открыли свою будущую дверь строительным ключом. Я остановилась на пороге. Серый бетон, ещё не одетый обоями, ошеломил меня. Сделав над собой усилие, как будто входила в склеп, я ступила на порог, стремительно, почти не глядя вышла. "Потом, потом", – нужно было время, чтобы свыкнуться»*³. Именно в описанном эпизоде можно наблюдать естественное замещение архетипического понятия «дом» с его памятью о «корнях», предках, с наследованием традиций, на понятие «жильё». Теперь людям новой эпохи предстоит по крупицам создавать «новый дом», и в романе этому снова способствуют детали быта: *«Развесив светильники и граюры, раскатав ковёр, прицепив шторы к*

*карнизам...»*⁴. Как можно увидеть, архетип дома в романах Елены Чижовой претерпевает эндогенные изменения, но сохраняет при этом значимость для нарратива – этот первообраз вариативно присутствует в художественном полотне романов.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим, что архетип ленинградской квартиры является не просто важным обобщённым топосом, а квинтэссенцией нарратива в романах петербургской писательницы Елены Семёновны Чижовой. Это главное место, где формируется сознание героев и которым зачастую объясняются мотивы их поступков. Этот архетип – неотъемлемый элемент современного городского (ленинградского, петербургского) текста, которому необходимо уделять внимание при анализе художественного произведения.

Таким образом, краткий обзор вышеназванного архетипа может помочь расширить сферу исследования локального («петербургского») текста, а также изменить взгляд на объект исследовательской работы литературоведов. Более того, такой подход поможет заинтересовать в чтении современной литературы учащихся образовательных учреждений, следовательно, изменить методические рекомендации в прикладной филологии.

Статья поступила в редакцию 03.08.2020.

¹ Чижова Е. С. Лавра. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 8.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 9.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодкин М. Архетипические паттерны в поэзии / пер. М. Готтфриед. М.: Клуб Касталия, 2019. 402 с.
2. Большакова А. Ю. Теория архетипа на рубеже XX–XXI вв. // Вопросы филологии. 2003. № 1. С. 37–47.
3. Иванова М. Г. Культурные архетипы как объект историко-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 32 с.
4. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
5. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / пер. с англ. Т. В. Науменко. М.: София, 2018. 448 с.

REFERENCES

1. Bodkin M. Archetypal Patterns of Poetry: Psychological Studies of Imagination (Rus. ed.: Gottfried M., transl. *Arkhetipicheskie patterny v poezii*. Moscow, Klub Kastaliya Publ., 2019. 402 p.).
2. Bol'shakova A. Yu. [Theory of the Archetype at the Turn of the 20–21 centuries]. In: *Voprosy filologii* [Issues of Philology], 2003, no. 1, pp. 37–47.
3. Ivanova M. G. *Kul'turnye arhetipy kak ob'ekt istoriko-filosofskogo analiza avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cultural Archetypes as an Object of Historical and Philosophical Analysis: Abstract of Cand. Sci. Thesis in Philosophical Sciences]. Moscow, 2017. 32 p.
4. Toporov V. N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury* [Petersburg Text of Russian Literature]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2003. 616 p.
5. Estés C. P. Women Who Run with the Wolves: Myths and Stories of the Wild Woman Archetype (Rus. ed.: Naumenko T. V., transl. *Begushchaya s volkami. Zhenskij arhetip v mifah i skazaniyah*. Moscow, Sofiya Publ., 2018. 448 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колондаева Наталья Александровна – аспирант кафедры языкознания и литературоведения Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина;
e-mail: natakolondaeva1994@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliia A. Kolondaeva – Postgraduate Student, Department of Linguistics and Literary Studies, Pushkin Leningrad State University;
e-mail: natakolondaeva1994@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колондаева Н. А. Архетип ленинградской квартиры в романах Е. С. Чижовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 100–105.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-100-105

FOR CITATION

Kolondaeva N. A. Archetype of a Leningrad Flat in E. S. Chizhova's Novels. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 100–105.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-100-105

УДК 82-524

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-106-112

«СВЕТЛЕЙШИЙ МЕЖДУ РОССИЯНАМИ»: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОМПЛЕКСА НАДГРОБНЫХ СЛОВ НА СМЕРТЬ Г. А. ПОТЁМКИНА

Парамонова М. К.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проанализировать три надгробных слова на смерть Г. А. Потёмкина (одно – авторства А. Н. Серебренникова (в монашестве – Амвросий), два – М. Гумилёвского (в монашестве – Моисей)), образующие комплекс тренических произведений.

Процедура и методы. В ходе исследования был проведён художественный анализ произведений, определена композиция слов, описаны ведущие мотивы, показаны связи с культурой, литературой и ораторской прозой XVIII в.

Результаты. Комплекс надгробных слов, посвящённый смерти Г. А. Потёмкина, связан с особенностями погребального обряда князя, который имел три основные географические точки – Яссы, Николаев и Херсон. Проповеди относятся к образцам нравственно-практического красноречия: их отличают понятный язык, небольшой объём и простая структура. Формообразующим ядром произведений выступают эмоции: стихия плача у Амвросия, соболезнование осиротевшим городам и светлая печаль у Моисея. В надгробных словах закрепляется идеальный посмертный образ Потёмкина как сына Отечества, слуги монархини и основателя городов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Надгробные слова на смерть Потёмкина не становились ранее объектом отдельного анализа, результаты исследования могут дополнить знания об ораторской прозе конца XVIII в. и проиллюстрировать развитие жанра надгробного слова.

Ключевые слова: риторика, ораторская проза, надгробное слово, похоронная речь, похороны

“HIS SERENE HIGHNESS BETWEEN RUSSIANS”: ARTISTIC ORIGINALITY OF A SERIES OF EULOGIES IN TRIBUTE TO GRIGORY POTEMKIN

M. Paramonova

Moscow City University

Vtoroi Selskokhozyaistvennyi proezd 4, Moscow 129226, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose is to analyze three eulogies in tribute to Grigory Potemkin (one sermon by Amvrosii Serebrennikov and two sermons by Moisei Gumilevskii), which form a series of threnodic works.

Methodology. An artistic analysis is performed, the composition of sermons and leading motifs are described, and links with the culture, literature and oratory of the XVIII century are shown.

Results. The series of eulogies in tribute to Grigory Potemkin are connected with the peculiarities of the prince's funeral rite, which had three main geographical points – Jassy, Nikolaev and Kherson. Sermons are the examples of moral and practical eloquence: They have clear language, small volume and simple structure. Emotions are the basis of the works: Crying prevails in Amvrosii's speech, while condolences to orphaned cities and bright sorrow dominate in Moisei's works. The eulogies fix the ideal posthumous image of Potemkin – the son of the Fatherland, the servant of the monarch and the founder of cities.

Research implications. The reviewed eulogies have never been an object of a separate analysis. The results of the study can complement the knowledge of the late 18th century oratory prose and illustrate the development of funeral speech.

Keywords: rhetoric, oratorical prose, eulogy, funeral oration, funeral

Введение

Личность Григория Александровича Потёмкина (1739–1791) – одна из самых выдающихся во второй половине XVIII в. Государственный и военный деятель, фаворит Екатерины II, он был самым влиятельным в России человеком своего времени. На его кончину написано несколько произведений, в том числе три надгробных слова, которые образуют единый панегирический комплекс. Надгробные слова на смерть Г. А. Потёмкина хорошо отражают эволюцию жанра в XVIII в.: если в Петровское время похоронная речь была значительной по объёму и строилась как фундаментальная проповедь о жизни и смерти, то к концу столетия она перестала быть средоточием сложной дидактики и богословских рассуждений, организационным центром проповеди стали чувства и эмоции.

Похороны Г. А. Потёмкина

Для понимания состава комплекса необходимо описать ритуал похорон Г. А. Потёмкина.

24 июля 1791 г. Г. А. Потёмкин выехал из Царского села в Яссы – город Молдавского княжества – здесь планировалось проведение мирных переговоров с Османской империей, которые должны были положить конец русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Военачальник прибыл в Яссы уже в болезненном состоянии, а к началу осени его здоровье заметно ухудшилось. 4 октября, находясь практически при смерти, Г. А. Потёмкин приказал покинуть Яссы и отвезти его в Николаев. Неожиданное решение можно объяснить приездом оберкригс-комиссара М. Л. Фалеева, соратника Г. А. Потёмкина, оканчивавшего в это время работы по построению Николаева [2, с. 226]. Рассказы полковника М. Л. Фалеева

о новом городе побудили Г. А. Потёмкина выдвинуться в путь, однако князь скончался в дороге, и его тело было возвращено в Яссы.

С 5 до 11 октября прах Г. А. Потёмкина был помещён в монастыре Голии, а затем перенесён в печальную залу, подготовленную за этот срок. Тело фельдмаршала было доступно для прощания два дня, а 13 октября гроб князя в сопровождении траурного шествия был отвезён обратно в монастырь Голии. Обряд отпевания провёл архиепископ Амвросий (Серебренников), ему принадлежит первое надгробное слово на смерть Потёмкина.

Несмотря на то, что торжественное прощание прошло в Яссах, Екатерина II приказала похоронить князя в Херсоне. Императрица постановила: «Тело покойного князя надлежит перевезть в Херсон, и там его погребить со всеми подобающими степени и заслугам его почестями; но буде он при жизни завещал похоронить себя в Николаеве, в таком случае воля его исполнена быть должна»¹. Никакого письменного изъявления воли князя не было, и 9 ноября 1791 г. траурный кортеж выехал из Ясс в Херсон.

Маршрут кортежа изначально проходил степью в объезд Николаева, однако благодаря вмешательству архиепископа Амвросия был изменён. Архиепископ повелел Фалееву организовать в Богоявленске отпевание над телом усопшего.

Кортеж с телом прибыл 16 ноября, а через пять дней специально приехавший для этого епископ Моисей (Гумилёвский) отслужил над князем литургию и панихиду, а также произнёс над гробом слово, впоследствии получившее название «II цело-

¹ Бумаги Г. А. Потёмкина-Таврического. 1790–1793 гг. СПб.: Изд. Военно-учёного комитета гл. штаба, 1895. С. 262.

вание Моисея епископа Феодосийского и Мариупольского».

22 ноября кортеж подошёл к Херсону, встречать тело князя вышли «военные чины армии и флота, чиновники, горожане и поселяне из окрестных деревень» [4, с. 90]. На следующий день Моисей ещё раз отслужил литургию, панихиду и произнёс последнее слово – «III целование». Тело светлейшего завершило путешествие и было помещено в склеп под Екатерининским собором.

Состав тренического комплекса

Следуя логике погребального обряда, имевшего три основные географические точки – Яссы, Николаев и Херсон, выделяется следующий комплекс надгробных слов:

– «В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому при совершении надгробного пения в Яссах, в монастыре Голии, в церкви Вознесения Господня, 13 октября 1791 года (Последнее целование Амвросия архиепископа Екатеринославского и Херсониса Таврического, и ексархи Молдовлахийския местоблюстителя);»

– «В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому, по сретении гроба из Ясс и перенесении в Херсон в Николаеве, в церкви градской сего же имени, 21 ноября 1791 года (II целование Моисея епископа Феодосийского и Мариупольского);»

– «В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому: При совершении последнего надгробного пения в Херсоне, в соборной церкви святыя Екатерины, где и положен под спудом, 23 ноября 1791 года (III целование Моисея епископа Феодосийского и Мариупольского)».

Все произведения имеют одинаковую структуру названия, указывающую на место, время, автора и обстоятельства произведения.

Необходимо отметить, что, начиная со «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века.

1725–1800» (1962), в литературном наследии Амвросия фигурирует ещё один памятник, связанный со смертью Г. А. Потёмкина, – «Слово надгробное, сочинённое преосвященным Амвросием архиепископом Екатеринославским и Херсонеса-Таврического при погребении в Бозе почивающего светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического» (Яссы, 1791, № 129)¹. Сверка двух памятников – «Последнего целования» (Яссы, 1791) и «Слова надгробного» (Яссы, 1791) – показала, что это одно и то же произведение, различия в тексте незначительны и ограничиваются разным написанием одних и тех же слов (например, «злочастиях» / «злощастиях») и расстановкой знаков препинания. Название «Слова надгробного» расходится с обстоятельствами похоронного обряда князя – Г. А. Потёмкин не был погребён в Яссах. Можно сделать предположение, что слово было напечатано непосредственно после панихиды, а затем уже повторно издано с более подходящим заглавием – «Целование последнее», которое стало образцом при печати слов Моисея.

Таким образом, комплекс тренических слов состоит только из трёх, перечисленных выше.

Образ Г. А. Потёмкина в надгробных словах

Архиепископ Амвросий (Серебренников) (1749–1792) – автор первого надгробного слова Г. А. Потёмкину – был образованным иерархом церкви, автором нескольких поэтических, прозаических и ораторских произведений, а также «Краткого руководства к оратории российской...» (1778).

Амвросий пользовался особенным благоволением Г. А. Потёмкина. В 1786 г. он стал архиепископом Екатеринославским и Херсонес-Таврическим, сопровождал

¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: в 5 т. Т. 1: 1725–1800. М.: Издание Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, 1962. С. 34.

русскую армию в русско-турецкой войне 1787–1791 гг., а в 1789 г. по ходатайству «светлейшего князя» был поставлен местоблюстителем Молдо-Влахийского экзархата. Амвросий был духовником князя, присутствовал при его последних минутах и проводил отпевание. Сохранился ироничный отзыв современника Г. А. Потёмкина Н. Н. Бантыш-Каменского (1737–1814) на надгробное слово Амвросия. Отправляя текст князю А. Б. Куракину, он писал: «Если и лишек приметите, то судите по сильной его к покойному привязанности. Он облагодетельствован был от покойного бесконечно: следовательно ... и пел о нём громко»¹.

Смерть Г. А. Потёмкина стала для Амвросия трагедией. Надгробное слово князю лишено шаблонности, сам оратор сразу подчёркивает свой отказ следовать установленному риторическому канону. Он обращается к собравшимся: «не ожидайте днесь от меня ни витийства, ни изчисления достохвальных свойств и дел усопшего ..., ни утешения каковое обыкновенно подобные мне Пастыри, в подобных мне злощастиях, тщатся подавать сетующим»². По собственному признанию, Амвросий еле удерживается, чтобы «не составить всего настоящего обращения моего к вам из единых слёз»³.

Прощание с Г. А. Потёмкиным приобретает очень личный характер также благодаря первому лицу. Автор обращается к печальному собранию от своего имени, делясь со всеми благодарностями, скорбью и слезами: «измеряя вашу чувствительность моей, и ваши знания моими, не сомневаюсь, что понимаете вы всю тяжесть удара»⁴. Настроение слова и использо-

вание первого лица объединяют его со «Словом на погребение великой княгини Натальи Алексеевны» Платона Левшина, где искренняя симпатия автора к усопшей также является организующим элементом.

Несмотря на отказ от развёрнутой похвалы, автор всё-таки кратко упоминает заслуги почившего, традиционно отмечая его как слугу Отечества, воина и христианина. Интересны номинации, которые присваивает Амвросий Г. А. Потёмкину: он называет его отцом воинства, сыном церкви, советником и другом монархини, саму же Екатерину II, к которой обращается с кратким словом утешения, – «великодушшой матерью отечества»⁵. Эти «семейные» наименования переключаются друг с другом, подчёркивая близость Екатерины и Г. А. Потёмкина.

Последняя часть слова – обращение к почившему князю. Амвросий прощается с ним («Прости, Светлейший и любезнейший князь! ... Прости! И ещё прости в последний раз»⁶). Завершают слово традиционная надежда, что в загробной жизни князь займёт достойное место рядом со святыми, и обещание молиться об этом.

Лаконичность, простота и эмоциональность характерны для речей Амвросия как представителя нравственно-практического направления проповеди, однако в данном случае это не столько художественное решение, сколько отражение личных переживаний оратора. Экспрессия становится центром надгробного слова, «формообразующим элементом структуры» [3, с. 260], не зря Евгений Болховитинов назвал речь Амвросия «образцом трогательного красноречия»⁷.

Автор второго и третьего слов тринадцатого цикла – епископ Моисей (Гумилёвский) (1747–1792). Он так же, как и Амвросий, был просвещённым деятелем церкви, преподавал в Славяно-греко-

¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Московские письма в последние годы Екатерининского царствования // Русский архив. 1876. Кн. 3. Вып. 11. С. 270.

² Амвросий (Серебрянников). В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому при совершении надгробного пения в Яссах, в монастыре Голии, в церкви Вознесения Господня, 13 октября 1791 года, последнее целование. Яссы: Походная типография Г. А. Потёмкина, 1791. С. 1–2.

³ Там же. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Там же С. 3–4.

⁷ Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб.: В типографии Н. Греча, 1818. С. 25.

латинской академии и разделял основные принципы нравственно-практической проповеди.

«II и III целования» Моисея представляют собой довольно необычное явление среди надгробных слов, оба обращены не к абстрактному печальному собранию или к близким почившего, а к городам, в которых проходила панихида. Так же, как и слово Амвросия, они написаны от лица оратора. Первая речь адресована «юному Николаеву»¹, а вторая – «знаменитому граде Херсонисе»². Молодые города занимают место родных Г. А. Потёмкина, они одновременно его наследники и наследство, поэтому Моисей обращается к ним со словами скорби и утешения.

Одушевление города – основной приём во втором надгробном слове. Моисей называет Потёмкина «породителем» и «родителем»³ Николаева, а сам город, лишённый основателя, сиротой. Оратор вспоминает, что именно сюда князь хотел отправиться в последние минуты жизни, и описывает этот трогательный, но обречённый на неудачу порыв: «Ему представлялось, что самая смерть, возрев на твою нежную юность, а его къ тебе горячность, умякнетъ, и опуститъ подъятую на него косу свою изъ ослабшихъ рукъ»⁴. Г. А. Потёмкин скончался, так и не попав в любимый Николаев, теперь город может лишь «омыть его сыновыми слезами»⁵.

Мотив строительства является ведущим в слове, он основывается на противопоставлении «прежде – ныне»: раньше на месте города была пустыня, «былиа и волчца», а сейчас возведены великолепные здания; раньше «рыбарская ладия едва среталась взору», теперь построен «целый флот, сооруженный в защите-

ние южного края России»⁶. Риторический приём противопоставления прошлого и настоящего был разработан в ораторской прозе первой трети XVIII в., особенно в творчестве Феофана Прокоповича⁷, а градостроительство и основание флота – традиционные подвиги Петра I. Например, М. В. Ломоносов начинает героическую поэму «Пётр Великий» следующими строчками:

*Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вёл войну,
Сквозь страхи проходя, вознёс свою страну...»⁸*

В публицистике и литературе того времени Пётр I изображался первым и главным патриотом России, «именно на примере высказываний и деятельности Петра Великого “отрабатывается” русский вариант патриотизма начала XVIII века» [1, с. 44]. Автор не сравнивает Г. А. Потёмкина с Петром напрямую, но и не может приравнять его к рядовому сыну Отечества. Г. А. Потёмкин так же, как и император, герой и демиург, что находит отражение в речи.

Последнее надгробное слово Г. А. Потёмкину открывается словами: «припело плачевное время предати земли тело Светлейшего Князя Григория Александровича»⁹. Последний путь князя, длившийся две недели, завершился в Херсоне. Тело в христианстве не представляет ценности, «оно земля, и всегда должно возвратиться в место своё»¹⁰, однако Моисей отмечает, что «жаль и с сею землею разстаться: ибо оно обносило в себе

¹ Моисей (Гумилевский). В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому, по сретении гроба из Ясс и перенесении в Херсон, II целование. М.: Университетская типография у В. И. Огорокова, 1792. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина греко-русских церкви. СПб.: В типографии Н. Греча, 1818. С. 259.

⁸ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 282.

⁹ Моисей (Гумилевский). В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому, при совершении последнего надгробного пения в Херсоне, III целование. М.: Университетская типография у В. И. Огорокова, 1792. С. 2.

¹⁰ Там же.

чрезь пятьдесят два года драгоценнейшую Россиянамъ душу»¹. Утверждение ценности тела, которое любезно, «как бываетъ намъ тотъ домъ, въ которомъ обиталъ нашъ другъ», и важно, как «ковчегъ, сохранявший какое-либо изящное сокровище»², крайне необычно для православной риторики. Возможно, автор объяснял так беспрецедентные почести, которые были отданы уже почившему и неоднократно отпетому князю.

Среди бессмертных памятников, которые заслуживает Г. А. Потёмкин, по мнению оратора, первым и знаменитейшим является сам Херсон, к которому Моисей обращается в финале слова. Он объединяет город и его создателя, чтобы они были «вечной славой»³ друг другу, тем самым вновь возвращаясь к Петру I, который также навсегда прославлен в своём творении – Санкт-Петербурге.

Заключение

Надгробные слова Г. А. Потёмкину выносятся из череды парадных надгробных портретов светских и военных деятелей, созданных в течение столетия. Заслуги

Г. А. Потёмкина и его роль в государстве были настолько беспрецедентными, что их нельзя было уложить в рамки сформировавшегося канона. Амвросию и Моисею пришлось выбирать для неординарной личности необычные художественные приёмы: первый построил надгробное слово вокруг собственного переживания, а второй – на обращении к городам, монументальным памятникам, созданным Г. А. Потёмкиным. Источником вдохновения для ораторов стали русские императоры: строительство сближало Г. А. Потёмкина с Петром I, а общие замыслы – с Екатериной II.

Все три слова, несмотря на очень небольшой объём, являются образцами нравственно-практического красноречия. Они лишены конкретных подробностей, т. к. все заслуги умершего ещё свежи в памяти, поэтому их центром становятся эмоции: стихия плача у Амвросия, соболезнование осиротевшим городам и светлая печаль у Моисея.

Статья поступила в редакцию 27.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева О. Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII века // *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): сборник статей*. М.: Наука, 1994. С. 38–58.
2. Брикнер А. Г. Потемкин. СПб.: Издание К. Л. Риккера, 1891. 276 с.
3. Буранок О. М. *Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович: учебное пособие*. М.: Флинта: Наука, 2003. 333 с.
4. Кухар-Онышко Н. А., Пиворович В. Б. *Жизнь и смерть светлейшего князя Потемкина Григория Александровича*. Николаев: Возможности Киммерии, 2002. 144 с.

REFERENCES

1. Ageeva O. G. [On Patriotic Consciousness in Russia in the First Quarter of the 18th Century]. In: *Mirovospriyatie i samozoznanie russkogo obshchestva (XI–XX vv.)* [World Perception and Self-awareness of Russian Society (11–20th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 38–58.
2. Brikner A. G. *Potemkin* [Potemkin]. St. Petersburg, K. L. Rikker's Publ., 1891. 276 p.
3. Buranok O. M. *Russkaya literatura XVIII veka: Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich* [Russian Literature of the 18th century: Peter's Era. Feofan Prokopovich]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003. 333 p.
4. Kukhar-Onyshko N. A., Pivorovich V. B. *Zhizn' i smert' svetleishego knyazya Potemkina Grigoriya Aleksandrovicha* [Life and Death of His Serene Highness Prince Potemkin Grigory Aleksandrovich]. Nikolaev, Vozmozhnosti Kimmerii Publ., 2002. 144 p.

¹ Моисей (Гумилевский). В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому, при совершении последнего надгробного пения в Херсоне, III целование. М.: Университетская типография у В. И. Огорокова, 1792. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Парамонова Мария Константиновна – соискатель кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета, специалист Проектной научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения русскому языку Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
e-mail: paramonovamk@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariia K. Paramonova – External Postgraduate Student, Moscow City University, Specialist of Innovative Russian Language Tutorials Laboratory, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: paramonovamk@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Парамонова М. К. «Светлейший между россиянами»: художественное своеобразие комплекса надгробных слов на смерть Г. А. Потёмкина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 106–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-106-112

FOR CITATION

Paramonova M. K. “His Serene Highness Between Russians”: Artistic Originality of a Series of Eulogies in Tribute to Grigory Potemkin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 106–112.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-106-112

УДК 82-32

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-113-118

ПРОЗА ПОЭТА: ЛИРИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СТИЛЯ П. Н. ЧЕРНЫХ-ЯКУТСКОГО (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «СТРАШНОЕ ЛЕКАРСТВО»)

Руфова Е. С.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучив феномен «проза поэта», который совмещает в себе характерные черты, традиционные для прозы и поэзии, выявить лирический компонент в прозаических произведениях П. Н. Черных-Якутского на примере рассказа «Страшное лекарство».

Процедура и методы. В работе используются системный и целостный подходы при изучении художественного произведения, историко-литературный, сравнительно-сопоставительный методы исследования. Научная новизна исследования состоит в том, что рассказ «Страшное лекарство» впервые рассмотрен с целью выявления специфических характеристик особого типа художественной речи, называемой «проза поэта».

Результаты. В результате проведённого исследования было определено, что лирический компонент в прозе П. Н. Черных-Якутского не только проявляется в композиционном плане, но образует комплекс художественных приёмов и стилистических фигур, где использование анафор, метафор, эпитетов, сравнений, рифмованных отрывков насыщает прозаическое произведение.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в якутское литературоведение и значимы для изучения творческого наследия поэта П. Н. Черных-Якутского в историко-литературном аспекте. Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при изучении якутской литературы первой трети XX в.

Ключевые слова: якутская литература, русскоязычная литература, проза поэта, образ, символ, лирические компоненты, своеобразие стиля

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00467 «Источниковедческие аспекты изучения роли христианской культуры в становлении якутской письменности и литературы».

PROSE OF THE POET: LYRICAL COMPONENTS OF P. N. CHERNYKH-YAKUTSKY'S STYLE (ON THE EXAMPLE OF THE STORY "SCARY MEDICINE")

E. Rufova

North-Eastern Federal University

ul. Belinskogo 58, Yakutsk 677000, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation

Abstract

Aim. This paper is devoted to the problem of studying the phenomenon of "poet's prose", which combines the characteristic features traditional for prose and poetry. The purpose of the study is to identify the lyrical component in the prose works of P.N. Chernykh-Yakutsky on the example of the story "Scary medicine".

Methodology. The paper uses a systematic and holistic approach to the study of a work of art, as well as historical-literary and comparative research methods. The scientific novelty of the research lies in the fact that we consider for the first time the story "Scary medicine" to identify the specific characteristics of a special type of artistic speech, called "poet's prose".

Results. It is found that the lyrical component in P.N. Chernykh-Yakutsky's prose manifests itself not only in compositional terms, but forms a complex of artistic techniques and stylistic figures, where the use of anaphors, metaphors, epithets, comparisons, and rhymed passages saturate the prose work.

Research implications. The research results contribute to the Yakut literary criticism and are significant for the study of the creative heritage of the poet P.N. Chernykh-Yakutsky in the historical and literary aspect.

Keywords: Yakut literature, Russian-writing literature, poet's prose, image, symbol, lyrical components, uniqueness of style

Acknowledgments. The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Research Project No. 19-012-00467a).

Введение

Изучение феномена «проза поэта» как особой формы художественного слова, совмещающей в себе характерные черты прозы и поэзии, необходимо и актуально, т. к. это один из плодотворных путей выявления художественного своеобразия и выражения авторского сознания: «Феномен “проза поэта” обладает отличительными жанровыми особенностями, организующими особую ритмическую структуру произведений и проявляющимися на уровне композиционном, лейтмотивном, синтаксическом, метрическом» [7, с. 92]. Анализ этого феномена представляется важным для изучения творческого наследия поэта П. Н. Черных-Якутского в историко-литературном аспекте. Пётр Никодимович Черных-Якутский более известен как первый русскоязычный поэт Якутии первой трети XX в., переводчик, активист литературного движения. В то же время он написал несколько прозаических произведений, в которых особенно ярко проявляются специфические черты его авторского стиля.

Теоретической базой исследования послужили труды по теории лирики (Г. Н. Поспелов¹, В. Е. Хализев²), по проблеме феномена «проза поэта» (Е. В. Канищева [1; 2], А. А. Пелихова [4], Е. В. Федорова [7]), исследования истории развития якутской литературы и труды по вопросам русско-якутских литературных

связей (М. Г. Михайлова³, П. В. Максимова [6], А. А. Кузьмина [3], Наоми Каффи [8]).

«Проза поэта»: степень изученности темы

«Проза поэта» является своеобразной формой художественной речи, совмещающей в себе характерные черты, традиционные для прозы и поэзии: «У прозы феномен “заимствует” развитие сюжета, событийность, внимание к деталям, наличие системы образов, некоторые особенности композиции; у поэзии – эмоциональность, яркое выражение и развитие различных чувств, наличие метрически организованных и рифмованных отрывков, анафорической композиции, звукозаписи, создания особого ритма» [7, с. 92]. Можно утверждать, что данные черты феномена «проза поэта» транслируют именно художественное видение автора, языковую образность, его восприятие мира, когда он передаёт различные чувства, эмоциональность, лиричность через прозаические строки.

«Феномен “проза поэта” обладает отличительными особенностями, организующими особую ритмическую структуру произведений и проявляющихся на уровне композиционном, лейтмотивном, синтаксическом, метрическом» [7, с. 92]. Все перечисленные черты характерны для прозы П. Н. Черных-Якутского и раскрываются в его рассказе «Страшное лекарство».

¹ Поспелов Г. Н. Теория литературы: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1978. 351 с.

² Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

³ Михайлова М. Г. Русская литература в Якутии: учебное пособие. Якутск: Изд-во Якутского государственного университета, 1989. 112 с.

Лирические компоненты стиля

П. Н. Черных-Якутского

Рассказ «Страшное лекарство» начинается с небольшого лирического описания зимней якутской ночи, где воспроизводится не столько место действия, сколько его восприятие чутким рассказчиком, происходит эмоциональное погружение в атмосферу жуткого холода:

«Зимняя якутская ночь...

Всё цепенеет от холода. Земля трескается.

Зигзагообразные, похожие на штык винтовки трещины змеятся под ногами. Воздух прозрачен и гулок, как стекло, как хрусталь. Далеко разносятся в нём таёжные звуки и шорохи. Алмазное решето неба дрожит и мигает. А там, где льдистые ночи седого океана упёрлись в якутскую землю, Северный Полюс развешивает волнующую кисею сполохов. Она дрожит, она переливается, она играет всеми оттенками радуги. Она сеет кругом скользкие фосфорические отсветы.

Спят льды и снега, спят тайга и тундра. Спят небо и земля»¹.

Отсутствие пространного вступления, выделение деталей, сильное эмоциональное воздействие через принцип ассоциации – всё это способствует созданию особой ритмической организации произведения, введению определённого ритма с самых первых строк рассказа, является характерной композиционной чертой феномена «проза поэта». Усиливают сюжетно-композиционную структуру рассказа звуковые и лексические повторы, придавая тексту специфическую семантическую окраску, приближая к поэтическому тексту. Автор вводит в текст повторяющиеся словоформы слова «спать» («спит» / «спят»), актуализируя его ассоциативность и фонетико-семантическое воздействие, что придаёт особую поэтическую маркированность прозаическому произведению.

На контрасте описания спящих вокруг льдов и снега, неба и земли, жены и гостя

предстаёт неспящий главный герой – якут Алтан, страдающий от смертельной болезни. Автор использует приём олицетворения при описании страшного недуга, усиливая это анафорой и краткими предложениями: «Она не даёт покоя. Она гонит его сон. Она ведёт его к безвременной могиле»². Такой художественный приём и обороты речи позволяют расширить возможности слова, придать большую эмоциональность и выразительность, подчёркивают образность описания.

«Проза поэта» характеризуется концентрацией символических образов, раскрывающих идейный замысел произведения. Такая насыщенность создаётся с помощью повторов определённых символов, метафор» [7, с. 93].

Наиболее значимыми символами в рассказе являются день и ночь как символы жизни и смерти. Особая концентрация символики, усиленная многочисленными лексическими повторами, присутствует и в описании зимнего холода как знака безысходности. А анафорическая композиция рассказа «Страшное лекарство» придаёт определённый ритм и цельность прозаическому произведению, подчёркивая сближение прозаических и стихотворных форм.

Зимний холод в описании П. Н. Черных-Якутского приобретает особую выразительность и чувственность. Это такая пронизывающая стужа, проникающая «сквозь щели внутрь», что даже «напрасно борется с ней погасающий камелёк (вид камня. – Е. Р.), полный пылающих углей»³. «Холод представляет собой не только атмосферное явление с низкой температурой, но и комплексный культурный феномен, характерный для национальной ментальности многих народов мира, в том числе коренных народов Якутии» [3]. Холод в рассказе «Страшное лекарство» как знак безысходности олицетворяет смерть, нечто опасное и ужасающее: «Всё цепенеет

¹ Черных-Якутский П. Н. Родная Якутия: Стихи, рассказы и очерки. Якутск: Якутское книжное издательство, 1982. С. 83.

² Там же. С. 84.

³ Там же.

от холода. Гулко, как выстрел, трескается земля от мороза»¹.

Повторяющиеся символы смерти, безысходности реализуются в лексических повторах «холод», «стужа», «цепенеет», «спит / не спит», которые концентрируют внимание читателя и фокусируют его на деталях. Автор фрагментарно выстраивает сюжет рассказа о большом человеке, теплящем в себе надежду о лекарстве, проводя параллель с долгой ночью и ожиданием нового дня, что принесёт облегчение, а значит, надежду на жизнь. Но когда герой понимает, что ему необходимо сделать для этого, ситуация становится окончательно безысходной, и близится смерть. Все переживания главного героя в последней главе передаются уже через другой ракурс – через переживания его супруги:

«Ожидания Матрёны не оправдались. Она думала, что приезд Николая принесёт им облегчение. Она ожидала, что они достанут указанное Николаем лекарство ... Но получилось что-то другое. Не принёс облегчения приезд Николая. Принёс он ещё большую тяжесть, большие муки. Что-то страшное случилось с Алтаном после отъезда Николая»².

В рассказе «Страшное лекарство» анафорическая композиция, многочисленные лексико-семантические повторы в полной мере реализуются к концу произведения. Ритмическая композиция произведения замыкается описанием якутской зимы, как в начале, снимая постоянное нарастающее и нагнетаемое эмоциональное напряжение на протяжении всего рассказа:

«Течёт зимняя якутская ночь. Всё цепенеет от холода ... Спит земля и небо. Спят тундра и тайга.

И спит Алтан. Спит он крепко-крепко, спит непробудным сном, от которого никогда не проснётся. Спит он около полуразрытой могилы. Спит с ним рядом и нож, и топор, и железная лопата.

Спит Алтан»³.

Одним характерным для авторского стиля П. Н. Черных-Якутского средством формирования художественного образа можно считать название произведения, которое несёт в себе особую семантическую ёмкость. В рассказе оно не только выполняет основную функциональную задачу, но и придаёт определённую образность. «Здесь заглавие рассказа является отражением идеи всего произведения, ведь лекарство предполагает некое решение проблемы, облегчение страданий, но уже в самом названии делается акцент на что-то страшное, даже в какой-то степени дикое» [5, с. 122].

Поэтическое восприятие П. Н. Черных-Якутского, которое находит отражение и в прозаическом творчестве поэта, переплетено, в первую очередь, с особым мировосприятием и чувствами самого автора. Как известно, поэт страдал болезнью лёгких и прошёл довольно сложный жизненный путь, что оказало непосредственное влияние на формирование своеобразного авторского мироощущения. Если принимать во внимание и биографический контекст раннего творчества поэта, начало XX в. – это переходный исторический момент, период смены культурных парадигм и ценностей, время зарождения якутской литературы, более того, появления русскоязычной литературы как особого направления культуры Якутии. Все эти исторические и жизненные перемены накладывают определённый отпечаток на переживания поэта, который обращается к разным литературным формам в поисках самовыражения, организации и подачи своих мыслей и чувств.

В целом в прозе П. Н. Черных-Якутского лексические повторы выполняют особую функцию – они подчёркивают и усиливают эмоциональность образов, придавая с помощью определённого семантического звучания неповторимую образность и ритмичность прозаическому произведению.

¹ Черных-Якутский П. Н. Родная Якутия: Стихи, рассказы и очерки. Якутск: Якутское книжное издательство, 1982. С. 86.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 93.

Заключение

Стиховое начало в прозе П. Н. Черных-Якутского не только проявляется в композиционном плане, но образует комплекс художественных приёмов и стилистических фигур. Использование анафор, метафор, эпитетов, сравнений, рифмованных отрывков насыщают прозаическое произведение. Своеобразие авторского видения П. Н. Черных-Якутского проявляется в определённом типе художественного мышления, что позволяет создать особый тип художественной речи, называемой феноменом «проза поэта».

Лирика П. Н. Черных-Якутского отражает в себе восприятие автором не только

фольклорных истоков якутской литературы с их особым отношением и олицетворением природы, образной системой мировосприятия и символов, но и русской романтической лирики XIX в., сыгравшей значительную роль в становлении авторского сознания поэта, что выражается в некой сентиментальности, особом трагизме, переосмыслении и переживаниях главного героя.

Таким образом, своеобразное поэтическое мироощущение П. Н. Черных-Якутского проявляется в его прозаических произведениях, транслируя лирический компонент его творчества.

Статья поступила в редакцию 16.09.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канищева Е. В. Специфика сюжетно-композиционного ритма прозы М. Цветаевой // Новый филологический вестник. 2018. № 4 (47). С. 154–164.
2. Канищева Е. В., Семьян Т. Ф., Федорова Е. В. Ритмико-композиционные особенности русской прозы рубежа XIX–XX вв. // Казанская наука. 2019. № 12. С. 32–34.
3. Кузьмина А. А. Специфика геокультурных образов холода в фольклоре и литературе коренных народов Якутии советского периода [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. 2021. № 5. URL: <https://nbpublish.com/fmag> (дата обращения: 04.08.2021).
4. Пелихова А. А. Поэт и время: социокультурный контекст творчества О. Мандельштама и М. Цветаевой 20-х гг. XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 3. С. 126–133.
5. Руfoва Е. С. Этническое своеобразие художественной детали в ранней прозе П. Н. Черных-Якутского // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2010. Т. 7. № 3. С. 118–123.
6. Сивцева-Максимова П. В., Ноговицын А. П. Якутская литература XX в. как объект библиографии // Вестник Бурятского государственного университета. 2018. № 2–1. С. 64–73.
7. Федорова Е. В. Своеобразие феномена “проза поэта” (на материале творчества М. Цветаевой, З. Гиппиус, Е. Гуро) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 92–96.
8. Caffee N. Bad Medicine: Ritual, Sacrifice, and the Birth of Soviet Sakha Literature // *Russia in Asia. Imaginations, Interactions, and Realities* / ed. J. F. Hacking, J. S. Hardy, M. P. Romaniello. London: Routledge, 2020. P. 125–140.

REFERENCES

1. Kanishcheva E. V. [Specificity of the Plot-compositional Rhythm of M. Tsvetaeva's Prose]. In: *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2018, no. 4 (47), pp. 154–164.
2. Kanishcheva E. V., Sem'yan T. F., Fedorova E. V. [Rhythmic-compositional Features of Russian Prose at the Turn of the 19–20th Centuries]. In: *Kazanskaya nauka* [Kazan Science], 2019, no. 12, pp. 32–34.
3. Kuzmina A. A. [Specificity of Geocultural Images of Cold in the Folklore and Literature of the Indigenous Peoples of Yakutia During the Soviet Period]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 2021, no. 5. Available at: <https://nbpublish.com/fmag> (accessed: 04.08.2021).
4. Pelikhova A. A. [Poet and Time: The Socio-cultural Context of the Creativity of O. Mandelstam and M. Tsvetaeva in the 1920s]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2017, no. 3, pp. 126–133.
5. Rufova E. S. [Ethnic Originality of Artistic Detail in Early prose of P. Chernykh-Yakutsky]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University], 2010, vol. 7, no. 3, pp. 118–123.

6. Sivtseva-Maksimova P. V., Nogovitsyn A. P. [Yakut Literature of the Twentieth Century as an Object of Bibliography]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2018, no. 2–1, pp. 64–73.
7. Fedorova E. V. [The Originality of the Phenomenon of “Poet’s Prose” (Based on the Work of M. Tsvetaeva, Z. Gippius, and E. Guro)]. In: *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2010, no. 1, pp. 92–96.
8. Caffee N. Bad Medicine: Ritual, Sacrifice, and the Birth of Soviet Sakha Literature. In: Hacking J. F., Hardy J. S., Romaniello M. P., eds. *Russia in Asia. Imaginations, Interactions, and Realities*. London, Routledge Publ., 2020, pp. 125–140.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Руfoва Елена Степановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных языков и страноведения Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова; e-mail: RUFL2003@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Rufova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Oriental Languages and Regional Studies, North-Eastern Federal University; e-mail: RUFL2003@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Руfoва Е. С. Проза поэта: лирические компоненты стиля П. Н. Черных-Якутского (на примере рассказа «страшное лекарство») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 113–118.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-113-118

FOR CITATION

Rufova E. S. Prose of the Poet: Lyrical Components of P. N. Chernykh-Yakutsky’s Style (On the Example of the Story “Scary Medicine”). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 113–118.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-113-118

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-119-122

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА
РУССКОГО ЯЗЫКА: УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ ДЛЯ ВУЗОВ /
ПОД РЕД. С. М. КОЛЕСНИКОВОЙ. М.: ЮРАЙТ, 2020. 421 С.**

Акимова Э. Н.

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация*

**TEXTBOOK REVIEW: KOLESNIKOVA S. M., ED. FUNCTIONAL GRAMMAR OF
THE RUSSIAN LANGUAGE: TEXTBOOK AND WORKSHOP FOR UNIVERSITIES.
MOSCOW, YURAYT PUBL., 2020. 421 P.**

E. Akimova

*Pushkin State Russian Language Institute
ul. Akad. Volgina 6, Moscow 117485, Russian Federation*

Лекционные курсы по функциональной грамматике прочно вошли в вузовскую практику преподавания и университетские программы подготовки филологов несколько десятилетий назад, хотя разработку этой концепции начал ещё Вилем Матезиус, а противопоставление формальной и функциональной грамматики наметилось с работ Л. В. Щербы. В наиболее полном виде системно-функциональное описание русского грамматического строя дал А. В. Бондарко в своих работах: «Функциональная грамматика» (1984), «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» (1990), «Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость» (1991), «Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива. Определённость / неопределённость» (1992).

«Функциональная грамматика (и в целом – функциональная лингвистика) стала одним из ведущих направлений современного языкознания, по её проблемам существует обширная научная и учебная литература, отражающая различные подходы к функциональному описанию языка. Однако все разновидности функциональной грамматики объединяются общим пониманием языка как системы языковых средств, служащих для достижения определённых целей речевого общения», – пишет М. А. Шелякин [2, с. 3].

Таким образом, функционально-семантические исследования грамматической системы языка опираются на давнюю традицию и в то же время представляют относительно новое направление в современном языкознании, предметом которого являются «функции и функционирование грамматических единиц (форм и конструкций) и взаимодействующих с ними языковых средств в высказывании» [1, с. 63].

Рецензируемый учебник (точнее, учебный комплекс) «Функциональная грамматика русского языка» предназначен для студентов-бакалавров, магистрантов, преподавателей вузов, аспирантов, научных работников, учителей-словесников. Такая многосторонняя

направленность позволяет говорить об универсальности учебника: его можно использовать на разных уровнях и ступенях обучения – в бакалавриате, магистратуре, аспирантуре.

Издание включает два основных раздела: часть I – теория и часть II – практика. Как сказано в аннотации к учебному комплексу, «Такое представление курса позволяет оптимально соотносить теорию и практику, определить содержательное, семантическое пространство языка, выявить субъективные и объективные смыслы, рассмотреть совокупность средств выражения разных категориальных значений (смыслов), создать целостное, основанное на современных научных концепциях представление о разновидности функциональной грамматики, базирующейся на понятиях "функция", "функционально-семантическое поле", "функционально-семантическая категория", а также обеспечивает формирование необходимых компетенций, знаний, умений и навыков обучающихся»¹.

В первой главе «Функциональная грамматика в лингвистике» подробно рассказывается об основных понятиях функциональной грамматики, о понятийных, грамматических и функционально-семантических категориях. Удачным представляется выделение в теоретическом материале не только подрубрики «История вопроса» (она присутствует во многих учебных пособиях), но и подрубрики «Научная дискуссия». Описание предьстории и истории какого-либо языкового явления очень важно, поскольку лингвистика в своём развитии не просто опирается на предшествующие научные разработки, но и активно использует их. Представляется не менее важным, особенно для студентов – бакалавров и магистрантов, – выделить в качестве самостоятельного раздел, посвящённый теоретическому осмыслению того или иного вопроса. В этом случае оказываются соотнесёнными в теоретическом плане две

основные сущности исследования функционально-семантических категорий – диахроническая и синхроническая, которые, как правило, неоднозначно осмысливаются исследователями с точки зрения их лингвистического статуса и структуры, а также представленности в концептуальном пространстве носителей языка.

Забегая вперёд, отметим и удобное представление списка научной литературы: она даётся и к каждому разделу учебника, и общим списком в его конце, что, безусловно, поможет бакалаврам, магистрантам и аспирантам при написании докладов, курсовых работ, ВКР и НКР.

Глава вторая «Универсальные функционально-семантические категории» полностью посвящена исследованию функционально-семантической категории предикативности и её составляющих: модальности, темпоральности, персональности.

В третьей главе «Функционально-семантические категории в русской языковой картине мира» подробно описываются такие категории, как оптативность, градуальность, локативность, интеррогативность и образность.

В части II учебного комплекса «Функциональная грамматика (практика). Реализация категориальной семантики в языке и тексте (комплексный анализ)» даётся тщательный анализ равноуровневых средств выражения градуальной семантики в современном русском языке, в том числе при помощи частиц, междометий, фразеологизмов, односоставных и сложноподчинённых предложений с разными видами придаточных, а также некоторые случаи реализации градуальной семантики на уровне текста при помощи репертуара сравнительных конструкций и авторской пунктуации. Функционально-семантическая категория градуальности является, таким образом, безусловной доминантой учебного комплекса, будучи всесторонне и подробно освещённой в самых разных аспектах своей реализации.

Далее закономерно следуют практические задания по анализу категорий модальности, темпоральности, персональности,

¹ Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2020. С. 3.

оптативности, локативности, интеррогативности, образности и перечень контрольных вопросов к зачёту и экзамену по курсу «Функциональная грамматика».

Работая по данному учебнику, бакалавры и магистранты смогут прийти к самостоятельному освоению и критическому осмыслению такого типа грамматического описания, который основан на синтезе направлений анализа языковых единиц и категорий от функции и смысла.

Редактор учебника С. М. Колесникова считает, что «введение данной дисциплины в образовательный процесс представляется целесообразным и в филологических группах, и в гуманитарных, и в социокультурных, поскольку в настоящее время возрос интерес к предметам, позволяющим глубже изучать функциональный и семантический аспекты системы современного русского языка»¹. Нельзя не отметить энциклопедичности издания; особенно это касается категории градуальности, освещённой наиболее полно и всесторонне.

Учебник создан коллективом авторов – специалистов в области современного русского языка и функциональной лингвистики. Это доктора наук, профессора С. М. Колесникова, Т. Е. Шаповалова, Е. В. Алтабаева, Н. В. Халикова, Е. Н. Орехова, А. В. Логинов, Л. Н. Федосеева, В. А. Лаврентьев. Все авторы относятся к одной и той же научной школе – синтаксической школе проф. П. А. Леканта – и со сходных позиций трактуют и описывают избранные для анализа категории, являющиеся предметом их научных интересов, что создаёт структурную и смысловую целостность учебного комплекса. Несколько иначе построена глава «Образность», что объясняется, по-видимому, преобладающим стилистическим подходом к анализу данной категории.

Важным аспектом рецензируемого издания является то, что внимание уделяется не только универсальным функционально-семантическим категориям (модально-

сти, темпоральности, персональности) и на данный момент глубоко разработанным в лингвистике (аспектуальность, залоговость), но и таким категориям, которые отражают те или иные стороны языковой картины мира (оптативность, градуальность, локативность, интеррогативность, образность). Такой опыт описания разных аспектов чрезвычайно полезен, т. к. формирует системное представление о возможностях функционального описания системы языка. Кроме того, вышеназванные категории ранее не входили в круг языковых явлений, системно изучаемых в высшей школе, а рассматривались в лучшем случае в рамках спецкурсов и спецсеминаров. При необходимости и желании круг исследуемых категорий можно расширить, например, категориями обусловленности, оценки и др., т. е. рецензируемый учебник характеризуется, кроме всего прочего, ещё и своей открытостью в плане научных перспектив.

Важно подчеркнуть, что учебник рекомендован Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника и практикума для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям, поэтому небезосновательно можно утверждать, что данное издание соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Рецензируемый учебный комплекс обладает высокой степенью практической ценности, которая заключается в том, что его теоретический материал, многочисленные всесторонне интерпретированные примеры можно использовать в соответствующих вузовских курсах и спецкурсах, при написании курсовых и выпускных (бакалаврских, магистерских) квалификационных работ и диссертационных исследований.

Итак, подводя итог нашим рассуждениям, констатируем ещё раз такие характеристики рецензируемого учебного комплекса, как научная энциклопедичность, теоретическая целостность, методическая

¹ Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2020. С. 8.

универсальность, практикоориентированность, потенциальная открытость к перспективному продолжению. По содержанию, способу представления материала и его направленности на рассмотрение функционально-семантических категорий в единстве теоретических достижений современной лингвистики и их практическо-

го осмысления применительно к вузовскому преподаванию учебник и практикум «Функциональная грамматика русского языка» можно с полным основанием считать учебником нового поколения и рекомендовать к активному использованию в учебном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко Е. А. Предмет и задачи функциональной грамматики. Общая характеристика // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л. Н. Чурилина. М.: Флинта; Наука, 2007. С. 63–86.
2. Шемякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.

REFERENCES

1. Bondarko E. A. [Subject and Tasks of Functional Grammar. General Characteristics]. In: Chirilina L. N., comp. *Aktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki* [Actual Problems of Modern Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007, pp. 63–86.
2. Shemyakin M. A. *Funktsional'naya grammatika russkogo yazyka* [Functional Grammar of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2001. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
e-mail: akimovaen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elvira N. Akimova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Russian Philology and Cross-Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: akimovaen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Акимова Э. Н. Рецензия на учебник: Функциональная грамматика русского языка: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2020. 421 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 119–122.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-119-122

FOR CITATION

Akimova E. N. Textbook Review: Kolesnikova S. M., ed. *Functional Grammar of The Russian Language: Textbook and Workshop for Universities*. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 421 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 119–122.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-119-122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: К 80-ЛЕТИЮ Л. П. РУПОСОВОЙ

От редколлегии

№ 5 журнала завершает подборка мемориальных материалов, приуроченных к 80-летию со дня рождения профессора кафедры истории русского языка и общего языкознания МГОУ **Лидии Петровны Рупосовой (1941–2021)** – известного российского учёного-слависта, историка языка и культуры, знатока архивов и древностей, филолога академической выучки, умевшего видеть в науке сокровенное, искать утраченное, находить новое. Она никогда не останавливалась только на одном отрезке словесности, легко и с профессиональной напористостью бралась за неизведанное, будь то любимые ею славистика и терминология, историческая лексикология и философия культуры средневековья. Даже обычный разбор стихотворения в курсе «Лингвистический анализ художественного текста» превращался в познание семиотической картины мира, погружавшее студентов в символику звуков и рифм, в обучение самому главному – свободе языкотворчества при строгости мысли и системности мышления.

Л. П. Рупосова проработала в нашем коллективе ровно 50 лет. Она пришла в МОПИ имени Н. К. Крупской в 1965 г. вслед за своим учителем профессором Н. А. Кондрашовым совсем ещё молодой выпускницей славянского отделения МГУ имени М. В. Ломоносова, и с тех пор её судьба была неразлучно связана с областным вузом. Она оказалась незаурядным явлением в пёстром мопийском братстве филологов, порой не вписываясь в его систему правил и отношений своей позицией, идеями и «поведенческими тактиками». О ней нельзя говорить простыми словами, как принято в юбилейных сборниках, настолько необычной, риторически пылкой, независимой, ироничной, душевно щедрой и ранимой в своём человеческом одиночестве она была и никогда не поддавалась унынию.

Лидия Петровна умела дружить и знала цену настоящему поступку, любила пошутить, а её словесные репризы всегда «взрывали» публику и звучали так искромётно-выразительно. Она чувствовала слово как мудрость, как источник вдохновения и научных поисков, как таинственный вход во вселенную смыслов.

Лидию Петровну часто можно было видеть в окружении пытливых студентов и аспирантов. Она всегда находилась в центре факультетских событий и блистала там неподражаемым стихотворным творчеством – меткими репликами, сатирами, балладами и даже гимнами, которые превратились в чудесные островки литфаковской памяти посреди медленно текущей «реки времени» и не сходят с уст многих поколений её учеников.

Филологический путь Лидии Петровны не был простым: она не угодничала и часто плыла против течения со своей пронзительной правдой, не любила фальши и скиталась в сомнениях и переменях духа. Природа наделила её шахматным умом, удивительной интуицией и силой «красного словца». Она знала выдающихся лингвистов и запросто входила в их дома не ради карьеры... Собственно карьерой Лидия Петровна никогда и не занималась, хотя написала докторскую диссертацию и могла её успешно защитить... Она была порывистым, непредсказуемым гением, подладиться под характер которого совсем непросто.

Тихий уход Лидии Петровны, так уж получилось, мы отметили только на сороковой день и затем поместили в факультетской группе ВКонтакте небольшой эпилог «Когда в душе по-

эзия звучит...»¹ и дали в приложении несколько записей её незабываемых выступлений на факультетских праздниках.

Журнал «Русский язык в школе»² опубликовал некролог, а в «Вестнике Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология»³ появилась памятная статья-прощание.

В день 80-летия Лидии Петровны (14 июня) мы вспомнили её лекции, творчество – редкое в наши дни проявление свободы мысли, когда «грамматика глаголеть», а «музыка поеть», показали некоторые фотографии и архивные документы⁴.

И вот теперь завершаем год снова эхом памяти.

Предлагаемая далее подборка документальных «меморий» содержит «научный и душевно-биографический очерк» о Лидии Петровне, необычный по замыслу и содер-

жанию, завершающийся откликами – от поколения 1970-х гг. к свидетелям эпохи «великого русского поэта» 2000-х гг.

Затем следуют воспоминания коллег, друзей и учеников Лидии Петровны – ведущего научного сотрудника Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН Л. Ю. Астахиной, доцентов кафедры истории зарубежных литератур А. А. Козина и О. Н. Рединой, профессора кафедры русского языка Смоленского государственного университета И. А. Королевой.

Пусть в каждом из нас живёт частичка памяти об этой мудрой, харизматичной, независимой в своих суждениях и поступках светлой личности, прекрасного педагога и большого учёного.

О. В. Никитин, Т. Е. Шаповалова

ИНФОМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования, главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология»;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg V. Nikitin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of History of Russian and General Linguistics of Moscow Region State University; Professor at the Department of Russian of Petrozavodsk State University; honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

Tatiana E. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Department, Department of Modern Russian Language Named after Professor P. A. Lekant, Moscow Region State University; Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education; Editor-in-chief of the Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

¹ Никитин О. В. Когда в душе поэзия звучит... Памяти профессора Лидии Петровны Рупосовой (14.06.1941 – 29.01.2021) // ВКонтакте: [сайт]. URL: https://vk.com/studsovetfilologi?w=wall-40517944_27001 (дата обращения: 14.11.2021).

² Никитин О. В. Лидия Петровна Рупосова (1941–2021) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 3. С. 104.

³ Никитин О. В. Когда в душе поэзия звучит... Памяти профессора Лидии Петровны Рупосовой (14.06.1941 – 29.01.2021) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 116–120.

⁴ Никитин О. В. «Грамматика глаголеть, музыка поеть...». К 80-летию Лидии Петровны Рупосовой // ВКонтакте: [сайт]. URL: https://vk.com/studsovetfilologi?w=wall-40517944_27608 (дата обращения: 14.11.2021).

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА РУПОСОВА: НАУЧНЫЙ И ДУШЕВНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Никитин О. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Петрозаводский государственный университет

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, д. 33, Российская Федерация

LIDIYA PETROVNA RUPOSOVA: SCIENTIFIC AND HEARTFUL BIOGRAPHICAL ESSAY (ON THE 80TH BIRTHDAY)

O. Nikitin

Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishhchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Petrozavodsk State University

prosp. Lenina 33, Petrozavodsk 185910, Republic of Karelia, Russian Federation

Биография

Фото 1 / Photo 1. Лидия Рупосова.
3 года. Зарайск, 16 июня 1944 г. /
Three-year-old Lidiya Ruposova.
Zaraisk, June 16, 1944

подать документы в МГУ имени М. В. Ломоносова на новое отделение славянских языков. Но с первого раза не получилось преодолеть огромный конкурс. Лидия вернулась в Зарайск и некоторое время работала на той самой обувной фабрике, где в оные годы был известным мастером её дед. Так она начала профессиональную деятельность, и первая запись в трудовой

Лидия Петровна Рупосова родилась 14 июня 1941 г. в подмосковном Зарайске в рабочей семье. Её дед работал на местной обувной фабрике и был уважаемым специалистом. Мама занималась геологоразведкой и исколесила многие таинственные уголки Советского Союза. С детства юная Лида увлекалась шахматами и была одной из первых на турнирах. Учёба ей давалась легко: смыслёная девочка щёлкала как орешки математику, физику, географию и историю, а русский язык и литературу любила больше всего. Древний Зарайск в те годы не был в культурном смысле окраиной: интересные исторические памятники, крепость, старинные церкви... Многие говорили о героическом прошлом этого места. Так уж совпало, что Зарайск был родиной знаменитого лингвиста академика В. В. Виноградова, родственники которого до войны ещё жили в тех местах.

Смелая и решительная, она не боялась после окончания десятилетки

Фото 2 / Photo 2. Родители
Л. П. Рупосовой. 1 марта 1941 г. /
Parents of L. Ruposova. March 1, 1941

Фото 3 / Photo 3. Лидия Рупосова в школьные годы. Зарайск, конец 1940-х гг. / Lidiya Ruposova during her school years. Zaraisk, late 1940s

Фото 4 / Photo 4. Благодарность учителей родителям Лидии Рупосовой. Зарайск, конец 1940-х гг. / Gratitude of the teachers to the parents of Lidiya Ruposova. Zaraisk, late 1940s

Фото 5 / Photo 5. Лидия Рупосова с подругой в день открытия городского пионерского лагеря. Зарайск, 10 июля 1954 г. / Lidiya Ruposova with her friend on the opening day of the city pioneer camp. Zaraysk, July 10, 1954

книжке гласила: «29 июля 1958 года принята на работу в цех № 7 Зарайской обувной фабрики»¹. Два года усиленной филологической самоподготовки, получение необходимого в те годы рабочего стажа давали некоторое преимущество перед выпускниками школ. Усидчивая и энергичная, она прорвалась в удивительный мир славистической науки сквозь десятки молодых умов и вступила на непростой, но очень увлекательный путь познания себя...

Л. П. Рупосовой повезло: в 1960-х годах в МГУ ещё преподавали классики первой величины – С. М. Бонди, Н. К. Гудзий, В. В. Виноградов и другие учёные от Бога, заставшие дореволюционную школу императорских университетов, прошедшие репрессии и унижения марризма, клевету «низкопоклонничества перед Западом» и обвинения в формализме. Конечно, этих тонкостей их биографий молодая студентка ещё не знала – она просто восхищалась подлинными героями филологии, впитывала каждое их слово, тренировала мысль, сотнями читала книги, упражнялась в славянских языках, которые стали её призыванием и судьбой на всю жизнь. Первые

экспедиции и поездки, живое знакомство с западнославянскими языками, народной культурой, этнографией быстро приспособили гибкий, подвижный характер Лидии к новой жизни. Вначале немного замкнутая зарайская «провинциалка» к старшим курсам стала бойкой исполнительницей куплетов на студенческих вечерах и капустниках.

Фото 6 / Photo 6. Лидия Рупосова во время диалектологической экспедиции на западной Украине. Начало 1960-х гг. / Lidiya Ruposova during a dialectological expedition to western Ukraine. Early 1960s

¹ См.: Рупосова Л. П. Личное дело // Архив Московского государственного областного университета. Здесь и далее биографические сведения взяты из указанного источника без дополнительных ссылок.

Фото 7 / Photo 7. Лидия Рупосова с сокурсницами славянского отделения филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова во время диалектологической практики на западной Украине. Начало 1960-х гг. / Lidiya Ruposova with fellow students of the Slavic Department of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University during dialectological practice in western Ukraine. Early 1960s

В МГУ славянские языки вёл молодой талантливый лингвист Н. А. Кондрашов. Он и заметил эту необычную, сметливую, полную энергии девушку, готовую горы свернуть, – она могла и поспорить, и пошутить, и даже дерзала самому главному слависту МГУ тех лет профессору Самуилу Бернштейну и никогда не пряталась за спину своего научного руководителя, все проблемы решала сама, хоть и прислушивалась к Николаю Андреевичу и даже немного побаивалась его взрывного, но отходчивого поведения. Она понимала, что Н. А. Кондрашов любил её, опекал по-своему и берёт от соблазнов, каких было немало в студенческой среде и у золотой молодёжи 1960-х. Возможно, ещё и поэтому Лидия Петровна пошла за своим учителем в областной пединститут.

Л. П. Рупосова окончила МГУ в 1965 г. В дипломе значилась редкая специальность «Славянская филология». Выпускнице главного вуза страны была присвоена квалификация «филолог-славист». На гознаковском бланке стояла подпись председателя Государственной экзаменационной комиссии Р. И. Аванесова. Как всё было торжественно и серьёзно!

Фото 8 / Photo 8. Лидия Рупосова (справа) во время одной из экспедиционных поездок (предположительно в Архангельскую область). Первая половина 1960-х гг. / Lidiya Ruposova (right) during one of the expedition trips (presumably to the Arkhangelsk region). First half of the 1960s

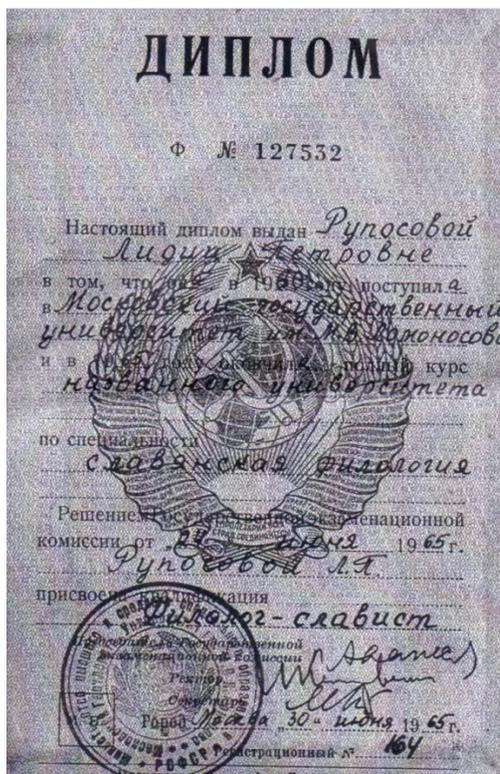

Фото 9 / Photo 9. Диплом выпускницы МГУ имени М. В. Ломоносова Л. П. Рупосовой. 24 июня 1965 г. / Lomonosov Moscow State University graduate diploma of L. Ruposova. June 24, 1965

3 сентября 1965 г. Л. П. Рупосова зачислена в штат МОПИ имени Н. К. Крупской, сначала на должность старшего лаборанта кафедры немецкого языка, а в 1967 переведена преподавателем с почасовой оплатой на кафедру русского языка. В 1969 г. она прошла по конкурсу на должность ассистента и в течение нескольких десятилетий преподавала на факультете русского языка и литературы (позднее – факультете русской филологии) МОПИ – МПУ – МГОУ. Выпускники МГУ были по силам все самые сложные курсы. И молодой ассистент показала себя с самых первых занятий не просто как стажёр или помощник лектора, не отступающий от конспектов ни на йоту, а как оригинальный педагог, блиставший знаниями в разных областях филологии и истории. При заполнении личного листка по учёту кадров в графе «Какими иностранными языками и языками народов СССР владеете» она с достоинством учёного (а было ей всего двадцать с небольшим лет) написала: «Словацким, чешским, польским – свободно; немецкий, венгерский читаю». И в этом смысле она выделялась на фоне несколько зажатой в своих штампах публики, не выходящей за пределы узкого предмета научных наблюдений. Живость общения со студентами, яркие занятия, парадоксальное мышление, огромное желание вложить в своих учеников настоящие знания притягивали к ней молодёжь. Одна из её учениц тех лет вспоминала: «Она могла заставить понять необходимое или, наоборот, не оставляла ничего непонятого в лекции. Лидия Петровна реально заставляла каждого расти. Столько сил на это тратила и времени! Она учила профессии, любви к филологии как науке и искусству, как особому ремеслу, наслаждению от пользования профессиональными навыками». То, что сейчас называется модным термином «языковая картина мира», Л. П. Рупосова реализовала на занятиях со студентами так талантливо, нетривиально и познавательно, что они, выходя после зубрёжки бесконечных практикумов и лекций под диктовку, начинали думать!

Фото 10 / Photo 10. Л. П. Рупосова. Лирика души... Конец 1960-х гг. / L. Ruposova. The lyrics of the soul ... The end of the 1960s.

Наверное, Лидия Петровна не раз вызывала скрытую зависть коллег: «Сколько знает и понимает!» Но её энциклопедизм, несколько хаотичный и непонятный для многих, явился результатом напряжённого труда в архивах и библиотеках, поиска новых идей, каких-то внутренних борений и бесконечных назиданий себе самой: «Не стоять на месте, быть интересным в учительском ремесле, не сводить филологию к простому преподаванию, к "стандартам", не натаскивать на билеты, а учиться мыслить смело и независимо, относиться к слову не как к "товару", а как к драгоценности».

В должности ассистента она проработала 7 лет, хотя, безусловно, по уровню подготовки и педагогическим навыкам могла стать доцентом и раньше. Но в советские годы всегда существовал невидимый табель о рангах – молодых придерживали. Лидия Петровна относилась к своему положению спокойно. Она не занимала ответственных должностей, просидев на которых год-другой, можно было рассчитывать на получение звания доцента, и вообще никогда не занималась тем, что было «важно» в понимании более прагматичных коллег. Жизнь шла своим чередом...

В 1970 г. в стенах МОПИ имени Н. К. Крупской Л. П. Рупосова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Русско-словацкие языковые связи (на материале словацкого литературного языка)»¹. Удивительно, что на фоне чистой русистики в её традиционном понимании здесь проходило апробацию исследование совсем иного масштаба и лингвистического ориентира, нацеленное на изучение языков как культурных традиций в аспекте классической славистики. Кажется, при всём внимании её научного руководителя профессора Н. А. Кондрашова к западнославянским языкам это была единственная (из наших преподавателей) диссертация такого свойства, представленная в совете педагогического института. Такую ответственную тему, которую мог освоить лишь неординарный человек с широким языковедческим кругозором, он доверил только своей близкой ученице, словно поднимал планку филологической проблематики и показывал ориентиры высокой науки – той, что по праву может называться Школой.

В то время в МОПИ имени Н. К. Крупской преподаватели выезжали в командировки в славянские страны для обучения и повышения квалификации преподавателей-русистов. Такая возможность представилась Лидии Петровне в 1971 г., когда Министерство просвещения РСФСР направило её на два года для педагогической работы в филиал Варшавского университета в качестве старшего преподавателя гуманитарного факультета. Она оказалась в другой атмосфере и в культурном, и в бытовом отношении. Отличное знание западнославянских языков снимало преграду общения. Лидия Петровна раскрылась здесь как яркий педагог и интересный собеседник, увлечённый филологией, знающий тонкости компаративистики. Этот заграничный опыт она потом вспоминала не раз. Можно сказать, что именно в таких поездках Лидия Петровна

¹ Рупосова Л. П. Русско-словацкие языковые связи: на материале словацкого литературного языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 304 с.

Фото 11 / Photo 11. Л. П. Рупосова во время одной из командировок (предположительно – в Польшу). Начало 1970-х гг. / L. Ruposova during one of her business trips (presumably to Poland). Early 1970s

вбирала новые идеи, участвовала в дискуссиях, входила в мир большой славистической науки. Её имя с тех пор вслед за учителем профессором Н. А. Кондрашовым стало звучать в европейской лингвистике.

Затем были ещё поездки в Чехию со студентами на языковую практику, участие в оппонировании диссертаций, которое в прежние годы воспринималось как праздник науки, выступления на конференциях, где Лидия Петровна неизменно приковывала к себе внимание, и просто дружеские разговоры с коллегами в Картотеке словаря древнерусского языка на Волхонке, где она была своей. Её активности, энергии, искреннему желанию оставить настоящий след в науке можно позавидовать! Не плыть по течению, а, скорее, против или вопреки и по-своему. Смыслом её жизни и была работа – не рутинное чтение лекций,

Фото 12 / Photo 12. Студенты и преподаватели факультета русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской во время учебной поездки в Прагу / Students and teachers of the Faculty of Russian Language and Literature of the Moscow Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya during a study trip to Prague

В первом ряду (сидит): Олег Борисовский.

Во втором ряду (первый слева): Владимир Вишневецкий, *(вторая справа):* Л. П. Рупосова.

В последнем ряду (в центре): А. Ф. Головенченко

а занятия-вспышки, когда всё внимание концентрируется не столько на силуэте педагога, сколько на парадоксах смысла речи, на интонации, эмоциях и неожиданных сравнениях... Тут же произносились вслух открытия, обсуждались догадки, которые потом становились темами будущих дипломных работ и диссертаций. Она и здесь никогда не была формалистом!

С сентября 1973 г., по возвращении из командировки, Л. П. Рупосова продолжила работу на кафедре русского языка. В 1975 г. «за большие достижения в учебно-производственной, научной и общественной работе в связи с Международным годом женщины» её наградили почётной грамотой и сделали соответствующую запись в трудовой книжке. Тогда это было настоящим событием! Не раз объявляли благодар-

ность... В 1976 г. её перевели на должность старшего преподавателя. С 1981 г. – доцент кафедры русского языка, а учёное звание ей присвоили только в 1983 г. С сентября 1995 г. Л. П. Рупосова занимала должность профессора новой кафедры истории русского языка и общего языкознания. Она всегда единогласно избиралась по конкурсу – коллеги по кафедре понимали, какой учёный и педагог работает рядом.

В 2005 г. Л. П. Рупосова была награждена Почётной грамотой Министерства образования Московской области «за многолетний добросовестный труд и успешную работу по подготовке педагогических кадров». Она получила значок и удостоверение «Ветерана труда», которое давало льготы пенсионерам (и для неё это было особенно важно). Ещё одна скромная на-

града – памятная медаль в честь основания Москвы. А в 2011 г., на юбилейном вечере, посвящённом 80-летию МГОУ, губернатор Московской области Борис Громов вручил ей цветы и памятную грамоту. Она никогда не стояла в очереди за наградами, не пробила себя в списки... Лидия Петровна проработала в университете до 2015 г. – ровно 50 лет...

Другим её пристанищем долгие годы был Институт русского языка на Волхонке. Она застала его в классические времена, когда там работал академик О. Н. Трубачёв. На первом этаже (а раньше на втором) под сводами старинного здания располагался Отдел исторической лексикологии и лексикографии с главным богатством – Картотекой древнерусского словаря (КДРС), которую начал собирать ещё академик А. И. Соболевский «с сотоварищи». А какие там были автографы – целая плеяда талантливых лингвистов! Ф. В. Буслаев, Л. С. Ковтун, Е. С. Истрина, Б. А. Ларин, С. П. Обнорский, П. К. Симони, М. Н. Сперанский, В. И. Срезневский, Н. Л. Туницкий и многие другие славные представители великой национальной Школы филологии смотрели на читателей с пожелтевших страниц текстов, написанных ещё перьевой ручкой. Тысячи рукописных карточек с запечатлённой историей слова от XI до XVII вв.... Там, в кругу людей, увлечённых наукой, она любила за чашкой чая обсуждать новые книги, конференции и съезды славистов, искать сюжеты для своих работ, читать уникальные словари и консультироваться с крупнейшими специалистами по языкознанию, истории, этнографии, искусствоведению, заходившими время от времени в домашний уголок «Повести временных лет». Туда часто заглядывали И. Г. Добродомов, Л. В. Куркина, А. М. Молдован, М. Ф. Мурьянов, Г. П. Смолицкая, работали Л. Ю. Астахина, Г. А. Богатова, Е. И. Державина, М. И. Чернышева, Г. Я. Романова, А. Н. Шаламова... Бывало, забегали В. Я. Дерягин, Н. И. Толстой, Д. Н. Шмелёв. Частым по-

сетителем КДРС являлся О. Н. Трубачёв. В КДРС как в лингвистическую кунсткамеру приезжали со всех концов СССР – России смотреть живые росчерки, сличать рукописи, учиться работать со словом. В этом окружении Лидии Петровне было уютно и легко. Здесь она вдыхала аромат науки, училась сама и «бранила» молодое поколение историков языка. Филологический ум Л. П. Рупосовой во многом питался из родника древнерусской благодати.

В последние годы ей стало трудно выезжать из дома. Лидии Петровне нравилось слушать мои рассказы о том, какие конференции проводятся в Институте русского языка, что нового в КДРС, она непременно спрашивала, какой выпуск «Словаря русского языка XI–XVII вв.» вышел в свет. Л. П. Рупосова несколько раз выступала рецензентом этого авторитетнейшего издания, что, безусловно, свидетельствует о доверии к ней в академической среде и её глубоких знаниях по исторической лексикологии. Порой она вспоминала дружеские посиделки, где можно было спокойно, не таясь чужих людей, шутить, блистать остроумием, строить планы, мечтать об открытиях и незаметно их делать – просто жить филологией духа...

Биографический круг постепенно замкнулся, но разве можно было остановить пылкого слависта! Она и после ухода из МГОУ приезжала к нам на дни славянской письменности, выступала на конференциях, писала изредка статьи и даже участвовала в коллективной монографии¹. Лидия Петровна всегда откликнулась на наши просьбы, интересовалась судьбой кафедры и факультета, была рада помогать своими знаниями, опытом, добротой и бесконечной влюблённостью в словесность. Она выстрадала её от корня и дышала ею до конца своих дней, мастерски жонглируя стихами и разгадывая тайны детективов и,

¹ Рупосова Л. П. Структурность и лексическая содержательность публицистических источников периода великой войны (1914–1915 гг.) // Первая мировая война в художественно-эстетическом осмыслении современников (коллективная монография / науч. ред. В. В. Леденёва. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 70–111.

наверное, мечтала вернуться в то далёкое золотое время торжества неподдельных открытий, настоящих книг, легендарных имён. Она унесла с собой частичку своего мира надежд, исканий и веры в пламенную силу Слова, спасающего от горестей и невзгод беспокойной жизни. Л. П. Рупосова была у нас единственной проповедницей подлинной славистической школы – островком неуёмной, без границ, науки посреди филологии будней.

Лидии Петровны Рупосовой не стало 29 января 2021 года.

Научные поиски (несколько душевных зарисовок)

Лингвистическое наследие учёного разбросано в многочисленных сборниках научных трудов и материалах конференций. Всю жизнь она была активной филологиней; её работы можно встретить в самых неожиданных местах: от Калининграда и Смоленска до Красноярска и стран Западной Европы.

Обозначим основные направления её языковедческих интересов.

Прежде всего, это славистика, понимавшаяся Л. П. Рупосовой в русле классического образования МГУ: не только языки, но и история, этнография, искусство, археология – всё, что характеризует национальные особенности и выявляет специфические черты личности. Отсюда её интерес к текстам разных жанров как источникам лингвистического «культурогенеза», диалектам, философии, психологии народов. Для Л. П. Рупосовой был характерен системный взгляд на языковые явления. И в этом смысле многие её работы, даже начального периода, обладают мировоззренческой целостностью и глубиной проникновения в содержание проблемы, профессиональным инструментарием.

Первые её статьи появились в 1967–1969 гг. и были посвящены изучению словацкого языка, преимущественно русских элементов в его лексике, калек и отглагольных имён существительных с возвратным

местоимением¹. Она также проследила развитие русизмов в истории словацкого литературного языка и отметила их стилистические особенности². Это были пролегомены к её кандидатской диссертации³.

Л. П. Рупосова занималась не только словакистикой, но и была увлечена очень непростыми вопросами межэтнических связей и культурных противоречий народов, населяющих континент Славия. В официальной истории их языков такие проблемы не любят замечать. Между тем существующая в настоящее время богатая литература и даже целые энциклопедии⁴ свидетельствуют о повышенном внимании учёных к феномену «нестатусных» языков. Так, в библиографии её трудов находим статью об истории боснийской письменности⁵.

Ни один крупный славист не проходил мимо витиеватой и подчас трагиче-

¹ Русские элементы в словацкой лексике послевоенного периода // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 204. Вып. 14, Русский язык. М.: Издание МОПИ, 1967. С. 228–236; Кальки русских слов и выражений в современном словацком литературном языке // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 194. Вып. 19. Иностранные языки, немецкий язык. М.: Издание МОПИ, 1968. С. 140–150; Отглагольные имена существительные с возвратным местоимением в современном словацком литературном языке // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 194. Вып. 19. Иностранные языки, немецкий язык. М.: Издание МОПИ, 1968. С. 151–159.

² О некоторых стилистических русизмах в словацком литературном языке // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 228. Вып. 15, Русский язык. М.: Издание МОПИ, 1969. С. 340–348; Русизмы в истории словацкого литературного языка // Учёные записки МОПИ имени Н. К. Крупской. Т. 257. Вып. 16. Русский язык. Иностранные языки. М.: Издание МОПИ, 1969. С. 56–70.

³ Рупосова Л. П. Русско-словацкие языковые связи (на материале словацкого литературного языка): дис. ... канд. филол. наук. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1969. 304 с.

⁴ Encyclopedia of Rusyn History and Culture / ed. P. R. Magocsi, I. Pop. Toronto; Buffalo; London, Toronto University Press, 2002. 520 p.; Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10. Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / ed. M. Okula, G. Krenn. Klagenfurt, Wieser Verlag, 2002. 1031 s.

⁵ Рупосова Л. П. История боснийской письменности // Русский язык в системе славянских языков: история и письменность: сборник научных трудов, посвящённый 80-летию Московского государственного областного университета и 10-летию кафедры славянской филологии. М: МГОУ, 2011. С. 196–200.

ской летописи этносов и их малых языков (или микроязыков, по терминологии А. Д. Дуличенко). На протяжении долгой истории славянства неоднократно предпринимались попытки создания своего *общего* языка как охранителя культурных традиций, самобытная и национально-своеобразия. Л. П. Рупосова отлично владела этой непростой проблематикой, требующей от учёного серьёзных познаний в истории филологии чуть ли не с самых времён рождения славянских этносов, понимания духовной ценности вечной проблемы и боли малых народов, за которых когда-то заступался легендарный Бодуэн де Куртэнэ. Но времена меняются, и в наше время эти вопросы в научном сознании современных учёных находятся далеко не на периферии филологии, хотя не потеряли своей политической остроты. Данному вопросу была посвящена статья Л. П. Рупосовой «История межславянского языка», обсуждавшая проекты создания таких лингвистических феноменов – от Ю. Крижанича до М. Гучко. Статья кратко излагает традицию создания и обсуждения таких языков в русле панславизма и общественных трений, показывает, что мечты лингвистов не пустые задумки, а вполне рациональные теории. Сколько нужно было изучить данных, чтобы собрать такую специфическую информацию об искусственных языках! Вот как она пишет о ситуации в XX в.: «В 1908 г. И. Хошек, учитель чешского языка, предложил термин *междуславянский* язык. Он возвращается к идее заменить латинский алфавит русским для всех славян, хотя за основу общего языка взял словенский. В Польше выходит учебник польского языка “для вейских (сельских. – Л. Р.) детей” с русской транслитерацией. В 1912 г. в Чехии И. Копкоп создаёт *слованшину*, а И. Конечный – *славин* (славянское эсперанто). В 1913–1916 гг. похожие проекты осуществляются в Болгарии. Таким образом, в рамках психохронотопа русский язык мог предлагаться на роль всеславянского письменного и устного, только письменного / территориально ограниченного; выступать как

естественный / как составная часть искусственных; как обслуживающий все сферы коммуникации / как “культурный”; как вторичный (вспомогательный)...»¹.

Своё отношение к идее языкового и культурного братства славян Лидия Петровна однажды выразила и в стихах:

Не верьте, большие слависты,
Что всё, что вы сделали, – даром!
Что духом объаты нечистым
Славяне под чёрным пиаром.

Что главное в жизни дензнаки
Любою ценой, побыстрее...
Пока не закрыты филфаки
Жива всеславянства идея!!!

Схожей проблематике, но в ключе только одного *русинского* языка была посвящена оригинальная статья Л. П. Рупосовой, раскрывающая суть историко-лингвистического и социокультурного противостояния в Славии, где один живой язык имеет государственность, а другой лишён многих исконных прав. Если в предыдущей работе автор говорил о так называемых конструируемых языках, возможности распространения которых, естественно, ограничены в силу искусственности языкового субстрата и сложности его природного развития (эта «прививка» очень неустойчива), то здесь речь идёт о богатой истории целого народа – русинов, раскинувшихся на карте Европы от Молдавии до западной Украины, Польши, Словакии, Венгрии. Они имеют свой язык – *русинский*, письменность, литературу. Ему свойственны в полной мере, как и другим славянским языкам, идентичность и высокая степень культурного развития на протяжении нескольких веков. Л. П. Рупосова приводит такую статистику: в XXI в. русинов около 1,5 млн человек, а их генеалогия и сам этноним ещё до конца не выяснены: «Русины ведут своё происхождение от тиверцев, уличей и белых

¹ Рупосова Л. П. История межславянского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 1. С. 55.

хорват (прахорват), населявших Восточные Карпаты в VI–VII вв. н. э. (есть точка зрения, что их предками были и чёрные хорваты). Авторство термина *русины* приписывается императору Александру III: на просьбу принять местное население в состав России под именем *русских*, император не дал им согласия и предложил обсуждаемый этноним. По другой версии, население региона именуется русинами уже со средневековья¹.

Далее следует рассказ учёного об истории русинов, которые на протяжении многих десятилетий были раздаточной картой: их делили, объединяли, ассимилировали и фактически уничтожали, лишая своего языка и национальной идентичности (так произошло с польскими русинами)².

В статье обобщены редкие факты о судьбе этого уникального этноса и его языка, приведена статистика, рассказано о противоречиях внутри славян, связанных с признанием русинов, комментируются особенности их грамматики и многое другое. Автор завершает работу мыслью о том, что нельзя сейчас решать судьбу этого островка *lingua Slavia* в узком контексте «украинский / русинский языки» – новая реальность, связанная с обсуждением хорватского, боснийского и черногорского языков, возможно, является важным этапом в определении степени самостоятельности русинского языка³. В настоящее время, заметим, данная проблематика активно освещается на страницах международного журнала «Русин».

Знание славянских языков помогало Л. П. Рупосовой в освоении лексических особенностей памятников письменности. Она обладала уникальным даром находить такие источники, готова была уехать за ними на край света, чтобы потрогать их своими руками, переписывала цитаты, искала экзотизмы, вдохновлялась сюжета-

ми (а как же иначе – ведь Лидия Петровна не была холодным статистом, подсчитывавшим формы окончаний, чередования звуков...). Её увлекала, если так можно сказать, сюжетная лингвистика, в которой *образ языка* был бы выразителен, наполнен стихией причудливых выражений, старинным «речесловием» – смыслом. Она любила разгадывать древние тексты, выявлять в них языковые парадоксы. Так постепенно область её профессиональных интересов сместилась в историческую лексикологию и терминологию, позволявшую учёному исследовать не отдельные фрагменты языка, его части и элементы, а целую *картину мира*. В 1970–1980-е гг. это направление редко публично называли *антропологической лингвистикой*, ведь оно имело западное влияние. Но в славянском мире была своя парадигма: ещё Ф. И. Буслаев в магистерской диссертации распознавал по древним корням этнопсихологию человека, пытаясь найти исконное значение слова, понять его «чувство» и «разум»: «ибо язык пока живёт в народе, никогда не утратит своей животворной силы»⁴. Вот и Л. П. Рупосова говорила о языке как о «находке утраченного», упражнялась в мифологии, вникала в тексты сказаний и повестей, старалась разобраться с «сознательным употреблением языка», увидеть за речью древнего человека, запечатлённой в каком-нибудь безвестном сочинении, «живописные страсти».

Непросто в кратком очерке даже перечислить диапазон её публикаций по данной проблематике. Она изучала ботаническую терминологию в «Травнике» троцкого воеводы Станислава Гаждовта, культурный орнамент «Травника» серпуховского воеводы Фомы Афанасьевича Бутурлина, лексику переводных русских лечебников и повестей XVI–XVII вв., «Каббалы» по спискам конца XVII – начала XVIII в., особенности «Сказания о смерти

¹ Рупосова Л. П. Русины и русинский язык: история и современность [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. 2012. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/217> (дата обращения: 12.11.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. М.: В университетской типографии, 1848. С. 8.

некоего мистра великого сиречь философа», исследовала текстологию перевода геральдической «Повести о княгине Алфдорфской» и «Римских деяний», язык списков «Повести о семи мудрецах», рыцарского романа второй половины XVII в., повестей об Аполлонии Тирском, Петре и Магилене.

Л. П. Рупосова вникала в «картины мира» русских певческих азбук XV–XVII вв., приоткрывала завесу таинственности царских музыкальных комиссий XVII в., рассказывала в статьях о русской образованной языковой личности второй половины XVII в., анализировала заимствования в специальном контексте конца XVII в. (на материале «Диалектики Аристотелевой»), характеризовала «Псалтырь» как учебную книгу, выступала к докладами о церковно-специальном образовании в России (на примере Московского Синодального училища), занималась силлогистикой в восточнославянских источниках XV–XVII вв., писала о феномене волхования в Московской Руси XIV–XVII вв., обсуждала на конференции проблему духовных ценностей в средневековой отечественной культуре XI–XVII вв., размышляла о последованиях и их частях в церковных книгах XVI–XVII вв., изучала специальную лексику отечественного стихосложения и даже средневековых гаданий и волхваний (!). Её вдохновляли проблема экзегезы как концепта культуры античности и средневековья и в целом фигуры речи в памятниках письменности XI–XVII вв. Она знала наименования песнопений и их частей в русском языке XV–XVII вв., топонимику Зарайского уезда, гидронимы Подмосковья, интересовалась категориями поэтического текста А. Т. Твардовского...

Мы пробежались пунктиром лишь по некоторым заголовкам её работ, каждая из которых представляла собой настоящее открытие, новый поворот в языковедческой мысли, движение вперёд.

В 1980–2000-е гг. её особенно увлекала проблема исторической терминологии. Эту науку она рассматривала в русле формирования традиций гуманитаристики, начиная с русского средневековья и

до конца XIX столетия. В данной области Л. П. Рупосова сделала немало живых наблюдений над сложными и неоднозначными процессами зарождения и развития филологии языка, его системных связей. Она особенно пристально изучала XVII век, когда происходил культурный расцвет наук и искусств Московской Руси, а литература этого периода была чрезвычайно разнообразна в жанровом, эстетическом и языковом отношениях. Л. П. Рупосова исследовала рукописи астрономического содержания XVII в. как источник для изучения истории терминологической лексики, названия частей тела в донациональный период, русскую грамматическую терминологию XVII–XVIII вв., понятийный аппарат арифметики, геометрии и метафизики XVII в. и более раннего периода, анализировала изменение логических форм научных определений как показатель эволюции специальных подсистем русского языка, процесс метасемии в русском языке второй половины XVII века в именовании объектов поверхности небесных тел, названия месяцев в древнерусских текстах, слова со значением «планета» в языковых формулах XI–XVII вв. Не раз касалась рассмотрения вопроса закономерностей развития музыкальной терминологии. Поднимала проблему изучения топонимов и селенимов в специальных текстах XVI–XVII вв., восходящих к текстам польских авторов. Она интересовалась также переводной «Селенографией» Гевелия как лингвистическим источником по истории русского языка.

Другой аспект отмеченной темы был связан с метакультурной доминантой образованного человека допетровской Руси. Здесь для Л. П. Рупосовой были актуальны проблема эволюции терминологии философии в русском языке XI–XVII вв., изучение поля «время», «душа», «небо», «земля», «человек», «учёба» в памятниках XI–XVII вв., реализация слова и вещи в старинных источниках, рассмотрение концептов движение и покой в средневековом мироздании. Она анализировала проблему

становления отечественной ментальности: красноречие – молчание – невегласие...

Итогом её работы в данном направлении стали учебные пособия «Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке» и «Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология» (второе написано в соавторстве с Э. Н. Болониной и Н. А. Кондрашовым)¹. Однако труды последних 25 лет в этой области так и остались в виде статей и выступлений на конференциях, но могли бы составить интереснейшую монографию по истории русской терминологии. Эту сферу Л. П. Рупосова знала великолепно, а главное, феноменально чувствовала дух древнерусского слова.

Лидии Петровне было сложно замыкаться на какой-то одной теме. Она могла вспыхнуть от случайно промелькнувшей мысли, прочитанной рукописи, от сюжета рассказа. Её филологическое сознание не дремало никогда и часто переворачивало обычный ход вещей. Ей было свойственно видеть и слышать слово, проникать в самые потаённые его интонации. Иногда по прочтении её работ создавалось впечатление, что она жила с теми людьми, о которых пишет, знала их обычаи, повторяла те же движения и объясняла какое-нибудь забытое филологическое ремесло как его знаток. Такова, например, статья Л. П. Рупосовой «Певческие школы Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей»². В ней по данным рукописей

автор восстановил особенности певческой традиции, показал характерные черты и отличия северного пения от столичного. Она писала: «Московские церковные деятели во времена сложных отношений с Соловецким монастырем в своих посланиях соловецким монахам укоряли последних за слишком громкое “неблагодарное” пение. Но, по нашим наблюдениям, число попевок их частей на Севере, в названиях которых содержится указание на силу звучания, относительно невелико: *стрѣла громная, стрѣла громогласная, великимъ гласомъ*. Вероятно, этот упрек касается общей манеры звучания и, может быть, создаётся за счёт преобладания басов»³.

А в данной работе неожиданный поворот учёного в сторону изучения артикулятивных и экфразисов детективного текста был связан с её интересом к остросюжетной линии, к динамике хронотопа произведения и «транскультурности» языка, к ярким речевым деталям, которые она *видела* своим особым филологическим зрением. Л. П. Рупосова обращала внимание на важные черты интертекстуальности «Золотого телёнка», объясняла и особенности политической «обложки» отдельных деталей. Вот, например, в этом фрагменте звучала полифония эпохи 1930-х гг.: «По пути в Черноморск экипаж “Антилопы” встречается с двумя *толстенькими* *заграничными* *цыплятами*, по оценке Бендера, *на распутье, в диком древнем поле, вдалеке от Москвы, от балета “Красный мак” и знаменитой картины художника Репина*

¹ См.: Рупосова Л. П. Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке: учебное пособие. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1987. 80 с.; Болонина Э. Н., Кондрашов Н. А., Рупосова Л. П. Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Ч. 2 (Московский период): учебное пособие. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1990. 95 с. (Л. П. Рупосовой принадлежит текст на с. 54–69).

² Рупосова Л. П. Певческие школы Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей // Уваровские чтения – III «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность»: материалы научной конференции, посвящённой 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря, Муром, 17–19 апреля 1996 г. Муром: Муромский историко-художествен-

ный музей, 2000. С. 155–157. (См.: URL: <https://museum-murom.ru/scientific-work/materialy-konferencij-muzeya/konferenciya-ivarovskie-chteniya/ivarovskie-chteniya-iii/l.-p.-ruposova.-pevcheskie-shkolysoloveckogo-i-kirillo-belozerskogo-monastyrej> (дата обращения: 15.11.2021)).

³ Рупосова Л. П. Певческие школы Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей // Уваровские чтения – III «Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность»: материалы научной конференции, посвящённой 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря, Муром, 17–19 апреля 1996 г. Муром: Муромский историко-художественный музей, 2000. С. 156.

“Иван Грозный убивает своего сына” (гл. 7). В первом рукописном варианте романа артионимная формула (без инициалов живописца) включала приложение: “...убивает своего сына – двурушника”... В сталинскую эпоху жестокость царя находила политические оправдания и Ивана Ивановича (сына) обвиняли в непослушании и в выступлении против воли отца в связи с подписанием Пюссского мира со Швецией. Картина, скорее всего, упоминается в романе в связи с выходом в 1930 г. 7-го тома Малой Советской энциклопедии, где И. Е. Репин назван выдающимся русским живописцем, а его работы – образцами социалистического реализма, несмотря на проживание художника в финской Куоккале (усадьбе “Пенаты”) и отказ переехать в СССР. Малая Советская энциклопедия упоминается во 2-й главе романа в связи со статьей о Рио-де-Жанейро, которую вырвал из книги для себя Остап Бендер»¹.

Особенности философской антропологии в аспекте изучения концепта «человек» Л. П. Рупосова исследовала в статье «Homo sapiens в источниках отечественного средневековья»². В ней представлен оригинальный взгляд учёного на формирование предтерминологии, в которой сочетались разные элементы: лингвистические, физиологические, богословские. Такие слова, как *сердце*, *мозг*, *душа*, *зрение* и т. п., в понимании наших предков, как показала Л. П. Рупосова на многочисленных примерах, были своеобразными метафорами, попыткой средневекового человека проникнуть в онтогенез, осознать себя как личность. Она писала: «Выделение среди пяти чувств человека в качестве основного зре-

ния способствовало открытию мозжечка и зрительных нервов, напрямую связанных с обучением и чтением, но эти связи раскрыты были только для зрения: *Еуангская кѣнигы въ руце възъмѣше и зрѣниемъ словесе... прикоснемъ ся* (Похв. о Лазаре. Усп. Сб., 368. XII–XIII вв.). Приведём определение памяти в риторике Макария: *память есть свершенное и крепкое в разум взятие или приятие вещных слов* (Рит., 24) – “слов, обозначающих вещь в философском смысле”. В списках риторики утверждается, что *память словесная* формируется изучением и чтением божественных писаний, летописей *на рассуждение и укрепление разума глаголющего и слышащего*. Обратим внимание на связь говорения со слуховым восприятием. Память, хотя и является признаком ума, данного Богом, её развитие зависит от воли человека»³. Такой подход к изучению «человека говорящего» и «человека мыслящего» сквозь призму книжности и психофизиологии того времени оригинален и открывает новые моменты в области формирования понятийного аппарата языка древней эпохи.

Л. П. Рупосова пробовала себя и в другом жанре – лингвистической мемуаристике⁴. Замечателен её очерк об академике О. Н. Трубочёве: «У меня одно единственное хобби...»⁵. В нём портрет знаменитого учёного нарисован в двух измерениях – в академической и домашней обстановке: фотографии «двух белых лошадей, тяжело идущих по борозде, причём без пахаря» (ассоциация с подвигом лексикографа), интерес с детства к книгам, размышления «об исторической памяти народа, о роли

¹ Рупосова Л. П. Артионимы и экфрасисы как элементы языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал. 2013. № 3. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/444> (дата обращения: 12.11.2021).

² Рупосова Л. П. Homo sapiens в источниках отечественного средневековья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 1. С. 24–28.

³ Рупосова Л. П. Homo sapiens в источниках отечественного средневековья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 1. С. 27.

⁴ См., например: Рупосова Л. П. Человек-открытие (детали к портрету В. Д. Бондалетова) // Страна Бондалетия: сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета. Пенза: ПГУ, ИП Соколов, 2019. С. 126–130.

⁵ Рупосова Л. П. «У меня одно единственное хобби...» // Академик Олег Николаевич Трубочёв: очерки, воспоминания, материалы / гл. ред. Е. П. Чельшев. М.: Наука, 2009. С. 365–370.

и месте учёного в современном мире», «артистизм не только в научных публикациях или выступлениях, но и в рассказах о встречах с людьми у нас и за рубежом», пристрастие «копаться в земле», любовь к домашним животным... Один такой эпизод из его биографии особенно трогателен, потому что был созвучен душе проницательной наблюдательницы – Лидии Петровны Рупосовой, видевшей сквозь бытовые картинки самую суть личности: «Наверное, многие и не подозревают, как им “распоряжалась” большеглазая пушистая раскрасавица Кузинька, привезённая котёнком из Узкого под именем Кузи и долго считавшаяся котом. Ей позволялось всё: сидеть у хозяина на письменном столе, “работать” с ним вместе и даже рожать котят у него в гардеробе. Есть великолепная фотография: Олег Николаевич в саду и на коленях у него Кузинька. Они страшно довольны друг другом. А внизу, прижавшись к его ноге и отвернув тоскующую морду (“Глаза бы мои не смотрели на вас, когда вы вместе”), стоит белая собака. А ведь кошка понимает, что вызывает ревность: “Он – мой”. Но не надо думать, что собака была всегда на втором плане: вот на фотографии Олег Николаевич идёт по садовой дорожке в белой рубашке и при галстукке, а навстречу ему бежит собака, и они улыбаются друг другу, радуясь встрече. Считается, что собака – верный и надёжный друг человека, а кошка “гуляет сама по себе” и любит дом, территорию, а не хозяев. Но Кузинька, не зная (неужели почувствовала?), что она частично осиротела, провела часть зимы, весну и лето до глубокой осени в беседке, где на перильца Олег Николаевич, уезжая в больницу, откуда ему будет не суждено вернуться, бросил свою рабочую куртку, на ней сидела кошка всё это время, ощущая запах хозяина»¹.

В этих, казалось бы, ничем не приметных зарисовках видна ещё одна грань филологического таланта Л. П. Рупосовой –

её умение видеть и оценивать языковую личность в многомерном пространстве сюжетов и ассоциаций времени. И теория почтенного Ю. Н. Караулова здесь ни при чём. У Лидии Петровны была своя независимая линия мысли и в данном вопросе. Недаром одно из любимых её словечек, употреблённых на занятиях и в статьях последних лет, – *психохронотон* как постоянное поле художественного текста и его семиосферы, как своеобразная координата события, образа, определяющая их место в «спайке пространства и времени». Он есть в музыке, живописи, литературе, истории и философии. А для Л. П. Рупосовой – ещё и в личности *настоящего* филолога. Ведь образ человека всегда хронотопичен. Об этом она говорила, когда вспоминала О. Н. Трубачёва: «Наверное, крупный учёный, корифей, (такая пунктуация в источнике. – О. Н.) в любой отрасли знания появляется не случайно. Это процесс “штучный”, определяемый совокупностью субъективных и объективных факторов, “божьим даром” и востребованностью общества. Это определённый *психохронотон*, появившийся в нужное время в нужном месте, не утративший способности испытывать радость от изнурительного труда, обладающий высокой самооценкой и способностью удивляться. Вспомним горькую историю про открытие ДНК, когда исследовательница пропустила в своих многочисленных опытах двойную спираль, не увидела её на плёнке, чему способствовала повторяемость, “каждодневность” рабочего цикла, неверие, что что-то может произойти, “замыленность” взгляда»².

Научное наследие Л. П. Рупосовой (по предварительным подсчётам) – около 200 публикаций. Читать её произведения (именно так!) всегда интересно, нескудно. В них соединялись как будто две лотмановские стихии: «культура» и «взрыв». Здесь можно найти и свой «мыслящий тростник», и «перевёрнутые образы», и непредсказуемость, семантические пересечения, логику и антилогику, «текст в тексте». Её

¹ Рупосова Л. П. «У меня одно единственное хобби...» // Академик Олег Николаевич Трубачёв: очерки, воспоминания, материалы / гл. ред. Е. П. Чельшев. М.: Наука, 2009. С. 368–369.

² Там же. С. 365.

увлекали даже «дураки и сумасшедшие»¹ (в данном случае мы имеем в виду «креативные» культурные контексты в работах Л. П. Рупосовой, особое внимание к аномальному, антитезам, к «театру бытового поведения» в языке, к специфике средневекового сознания человека, к героической и безымянной личности в старинных текстах, к парадоксальной символике и образности). А какой «мир собственных имён»? Стоит поразиться тонкости и глубине её филологических наблюдений... Статьи и книги, полные неожиданных, цепких характеристик, нешаблонных фраз, редких цитат из архивных источников и примеров из разных языков, необычных сравнений и ассоциаций. Это были во многом удачные, но, к сожалению, незавершённые попытки закрепить имя настоящей науки в умах молодёжи, в сознании нескольких поколений её слушателей, утвердить высокие идеалы и ценности *той* Филологии, идущей от имён Ломоносова, Востокова, Булаева, Потемни. Это её своеобразный призыв к тем, кто будет «словесничать» – плыть против течения, не бояться экспериментов, не поклоняться пеплу, а продолжать эстафету и обязательно расти вперёд, вверх, подобно «движителям» науки. Этому учат её филологические сочинения.

Поэтическое творчество

Поэтическое наследие Л. П. Рупосовой со временем может стать предметом отдельного исследования её неординарной языковой личности, наделённой способностью *сочинять* красивые, острые, ироничные, шуточные и всегда мудрые стихи. В среде филологов этим никого не удивить. Но она и здесь выделялась необычным темпераментом, взрывной силой слова, умела легко и с нужной интонацией обыгрывать факультетские события, возводя сатиру в жанр высокой поэзии. Юбилеи и праздники превращались в поэтический «водевиль» с песенками и куплетами, ка-

ламбурами, разряжали обстановку, делали уютным наш стоический быт, и до боли знакомые аудитории с наспех перекрашенными стенами уже казались отделениями небольшого театра. Там были свой партер, VIP-ложи, бельэтаж и даже смотровая площадка, где толпились молодые преподаватели, лаборанты и аспиранты, хлопотливо следившие за порядком. Выступление Лидии Петровны на любом торжестве было гвоздём программы. Неожиданное, с семантическими подтекстами, чуть колкое, смешное до колик в животе, иногда лирическое и тёплое стихотворное признание заставляло присутствовавших умолкнуть на время выступления и разгадывать её тайны слова. Этим она неизменно вызывала восторг слушателей.

При внешней незамысловатой форме (многие из стихов писались на бегу, без обработки) и рифмовке, «бытовизме» поэтических сюжетов они были наделены философией, содержали мировоззренческую позицию, порой предостерегали, опекали – проникали внутрь психологии ситуации, выворачивая наружу рядовые человеческие поступки, страсти, игры. Сами названия поэтических миниатюр показательны: «Баллада про шубу», «Про мужчин с филологическим образованием», «Еду как-то я с застолья...», «Пусть завидуют соседи...». Есть в моей коллекции и «философская лирика», и «страшилки» про любовь, стихи, посвящённые отдельным людям, на выпуск студентов и многое другое. Есть и грустные...

Среди однообразных серых буден
Приходит творчества высокий час.
Но главное, чтоб рядом оказались люди
Из тех, кто не обманет, не предаст...

Она, как заправский художник, на своём полотне вырисовывала стихотворные картины, каждая из них имела композицию с кульминацией и развязкой, героев, по-доброму, с хитрецей обыгрываемых автором. Иногда ступок словесной энергии завершался нравственной отповедью. Главная же особенность творчества Лидии

¹ «Дурак и сумасшедший» – так называлась глава книги Ю. М. Лотмана «Культура и взрыв» (М.: Гнозис. 1992. С. 64–103).

Петровны заключалась в том, что она читала стихи вслух, публично, многие помнила наизусть и щедро дарила их своим почитателям. Достаточно было иметь под рукой небольшой клочок бумаги, и поэтическая муза уже брала в свои объятия этого талантливого от природы ребёнка, у которого в глазах вспыхивали искорки счастья, эмоции превращались в эпитеты, а реальные имена становились литературными персонажами и образами её внутреннего мира.

Приведём несколько стихотворений Л. П. Рупосовой.

На выпуск

Когда последний (поле звука)
Звонок над вами прозвучит,
Когда абстрактное «разлука»
Приобретёт конкретный вид –
Не бойтесь: ведь не на Камчатку,
Не в зарубежный Татарстан,
Не к азиатам в разнарядку
Распределяет вас декан.
Был славный курс!
Привержен хору, китайцев грамоте учил,
А что китайцы дали дёру, –
Руки к тому не приложил.
Был здесь и свой научный гений,
У Ольги избранных был круг,
А к нам захаживал Евгений.
Он европейцам лучший друг.
Мы вас учили понемногу,
Как принято у нас, славян,
И чтоб декан не бил тревогу,
Я временной меняю план:
Трудитесь и бегите лени,
И времени не тратьте зря,
А в поле добрых отношений
Берите с нас пример, с ИРЛЯ¹.

Пусть завидуют соседи,
Не подвёл их нюх и слух:
И в застолье, и в беседе
Мы храним народный дух.

Пусть завидуют соседи,
А кто злобствует, то зря!
По уму, таланту, снеди
Лучше всех у нас ИРЛЯ.

Кто умён, тот вместе с нами.
Кто не очень – супротив:
Не нуждается в рекламе
Наш здоровый коллектив.

Мирно живёт наш родной факультет
От основанья до нынешних лет,
Но тут случился заметный прокол:
Классик у классика даму увёл.

Впрочем, уверен зловерный народ,
Всё в той истории – наоборот!
Дама у дамы почувствовав власть,
Юного классика хочет украсть [...]

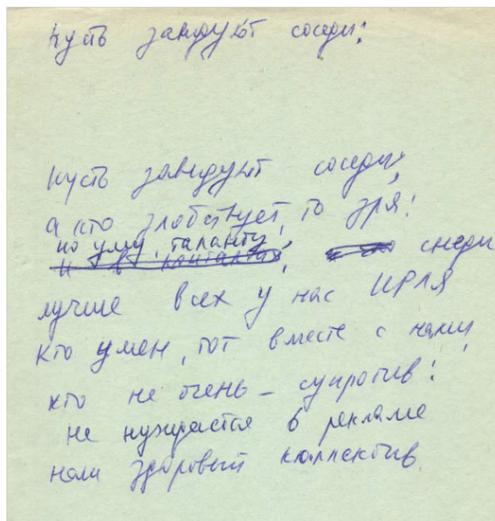

Фото 13 / Photo 13. Автограф Л. П. Рупосовой / L. Ruposova's autograph

¹ Имеется в виду кафедра истории русского языка и общего языкознания, в 1991 г. ставшая самостоятельным структурным подразделением.

**«Падает снег, падает снег – // Тысячи
белых ежат...»: отклики о Лидии
Петровне (вместо заключения)**

Душевно-биографический очерк невозможно завершить обычными словами и выводами, как бы фиксирующими имя только в одном нетленном ракурсе. Она была для многих источником вдохновения и любви к слову, образцом остроты, яркости и глубины филологических прозрений. Лидия Петровна живёт и сейчас вместе с нами и возвращает из далёкого мира светлое и прекрасное, почти сказочное, наполняющее сердце благодатной памятью о «великом русском поэте», парадоксальном учёном с «десятью подсмислами», понимавшем говорящих кошек... Это очарование её личности останется с ней навсегда.

...Помню, как она заходила в аудиторию и показывала пальцем: – Так, ты была на прошлой лекции. Дай-ка свой конспект. На чём я остановилась? И продолжала свою потрясающую лекцию. Словно и не было недельного перерыва. Странное двойственное чувство: хотелось бросить ручку, перестать записывать и просто слушать, слушать и слушать... Но невозможно упустить хоть толику, поэтому надо писать, фиксировать всё обязательно! А потом словно очнёшься: как, уже всё? Пара кончилась? Прекрасная, невероятная Лидия Петровна...

*М. Смирнова,
выпускница Московского
педагогического университета 1990-х гг.*

Такая яркая, живая, ироничная, харизматичная и мудрейшая она была... И как же мне повезло, что успела ещё у неё поучиться...

*Ю. Н. Сытина,
Московский государственный
областной университет*

Я хорошо её помню... её остроумие, необычайную (даже по сравнению с другими преподавателями-корифеями) эрудицию, умение завоевывать сердца студентов...

*С. А. Джанумов,
Московский городской
педагогический университет*

Лидия Петровна была моим научным руководителем при написании дипломной работы... Незабываемый педагог, наставник и друг! Доводилось быть у неё дома, держать в руках раритетные издания, пользоваться ими, и даже позволялось осуществлять процесс поглаживания её кошек и котов... На тот момент их было около 12 или 13 – я не помню точно... После успешной защиты диплома привёз ей домой два замороженных брикета рыбы для кошек... Килограмм по 15 каждый... Сетовала, что хранить негде – придётся сразу всё скормить этим обжорам...

*Д. Ю. Комаров,
выпускник Московского
педагогического университета 1995 г.*

Искренне жалею, что судьба как-то старательно отводила меня от очного или заочного знакомства с таким незаурядным человеком. Не поверите, но я никогда не видел, не слышал Лидию Петровну... Ученица Николая Андреевича – это неоспоримый знак качества!

*А. Т. Хроленко,
Курский государственный университет*

Я помню её прежде всего как большого и настоящего учёного, истинного филолога. А вот про то, что она писала полные юмора стихи, узнала только после аспирантуры. Вспоминаю обсуждение главы её докторской диссертации, которое проходило как раз в мои аспирантские годы. Помню, как Николай Андреевич, стоя у доски с объявлением по этому поводу, ворчал по обыкновению: он главу эту читал и был недоволен тем, как автор сноски оформил... Запомнились слова: «Пишет так же, как одевается!» Я помню тогда, что сильно удивилась: я вообще не могла припомнить стиль одежды Л. П. – мне интереснее она была как учёный и как языковая личность. На заседании кафедры он ей опять по поводу этих сносок всё высказал: «Скобки поставлены, автор не назван. Даже аспиранты так не делают! Ну тут вот в цитате последнее слово *ragole*, можно догадаться, что это *Соссюр*, но про остальных как понять?» В ответ на всё на это Лидия Петровна сказала: «Вот Николай Андреевич ругал меня, а мне моя работа нравится! И вообще меня Академия наук печатает». Что и говорить, ничего и никого она не боялась, а честной была просто беспредельно! Кстати, ещё одну ситуацию в связи с ней вспоминаю... Помню, как на вопрос о том, почему она тянет время с очередной главой работы, Лидия Петровна сказала, что пишущая машинка с греческим шрифтом сейчас в Академии наук занята, и приходится ждать. Уже после аспирантуры мы

иногда с ней встречались на конференциях, и она всегда интересовалась и моей научной работой, и настроением вообще. Светлая ей память!

*Н. Н. Щербакова,
Омский государственный
педагогический университет*

...Мы с ней несколько раз встречались на конференциях в Смоленске, Твери, Москве... Да, она была очень ярким человеком, запоминающимся, ни под кого не подстраивающимся... Помню, на конференции в Смоленске она была руководителем секции. Объявила регламент: «15 минут на рыло (цит.), и пойдём кататься на катамаранах». Секцию довольно быстро свернули. Мы пошли с коллегой гулять по Смоленску – видели, как активно крутит педали катамарана Лидия Петровна (вместе со своей аспиранткой) ... Доклады Лидия Петровна всегда читала только по памяти, без каких-либо записей/заметок, но «как по писанному» – это поражало. Она была очень искренним и светлым человеком, очень настоящим, без грамма фальши... Светлая память...

*М. В. Пименова,
Владимирский государственный университет*

Она – особенная, она – явление! Таких больше нет и вряд ли появятся....

*Л. Ю. Астахина,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН*

Мне повезло знать Лидию Петровну в её 35–40 лет. Могу признаться, что не только была влюблена в неё, но и пользовалась её радостной благосклонностью, я бы сказала. Она была прекрасным педагогом и очень остроумным, догадливым и моментально реагирующим на всё человеком. К сожалению, она преподавала у нас только на начальных курсах. ... Лидия Петровна – уникал, как М. В. Панов, как Н. А. Кондрашов, как В. Н. Шорохова и М. Ф. Тузова. Повезло не всем тем, кто у неё учился, а тем, кто понял, каким интеллектуальным праздником были занятия с ней, любые встречи с ней.

*Н. Н. Карлина,
выпускница Московского областного педагогического
института имени Н. К. Крупской 1979 г.*

Я знала очень немного Лидию Петровну, она с доброжелательным интересом относилась к аспирантам Н. А. Кондрашова. Помню разговор с ней на кафедре о разнице характеров кошек и котов. Лидия Петровна считала, что кошки интеллектуальнее котов, и с юмором рассказывала, как молодая кошка учила уже немолодого дурака-кота

открывать дверь лапой. Кондрашов морщился и иронически хмыкал, а мне было интересно... Голос Лидии Петровны остался молодым и звонко-чистым, как и прежде. Вечная ей память.

*Н. А. Жижулина,
Вятский государственный университет*

Лидия Петровна... была автором отзыва ведущей организации на мою докторскую диссертацию. Отзыв был высококвалифицированным и очень благожелательным, за что я ей признателен. Очень жаль, что уходят такие преподаватели и личности.

*К. В. Лифанов,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Лидию Петровну я помню – и всегда улыбающуюся, и именно по первой фотографии, и именно в 70-е годы. На других фото она другая – возраст... Но мне она запомнилась той, из 70-х. У нас она не преподавала, она досталась другому поколению – младшему. У нас были Хабургаев, Кондрашов, Дружинина, Доконова.

*А. А. Агафонов,
выпускник Московского областного педагогического
института имени Н. К. Крупской 1970-х гг.*

Фото 14 / Photo 14. Л. П. Рупосова в 1990-е гг. / L. Ruposova in 1990s

Лидию Петровну Рупосову я очень хорошо знала, общалась с нею до последних конференций, на которых она выступала. По-моему, это был 2015 или 2016 год, когда она сделала великолепный доклад в нашей секции. Мы сидели камерно с участниками и просто беседовали на те темы, интерес к которым вызвали доклады. В мои аспирантские годы (с 1986 по 1989 гг.) она всегда была на заседаниях кафедры и вставала на защиту аспирантов, если считала что-то несправедливым; про меня и мне она говорила

часто: «Хорошая ты (она)!» Я иногда около корпуса подхватывала её сумки и авоськи, когда мы вместе шли на филфак от метро, что её трогало и удивляло. Очень жаль, что уходят настоящие учёные, великолепные преподаватели, дорогие коллеги. Царствие ей небесное!

*Е. И. Беглова,
Нижегородская академия МВД РФ*

Светлая ей память. Я, конечно же, хорошо её помню. Она была очень интересным человеком...

*В. П. Журавлёв,
Московский педагогический
государственный университет*

Она была вернейшим сподвижником Кондрашова. Она очень помогла мне организационно и душевно в период предзащиты. Дело в том, что работу я не успела полностью перепечатать, одна треть была в рукописи. Она, не дрогнув, всё прочитала, дала очень доброжелательный отзыв. Я её помню с великой благодарностью.

Д. И. Архарова, г. Екатеринбург

Постоянно обращаюсь к своим тетрадам с лекциями Лидии Петровны. Она была прекрасным и добрым человеком, замечательным преподавателем. Первая тетрабочка – это лекции, записанные с её слов по «Истории русского литературного языка». Записывала их, правда, «бегом», так как успеть за Лидией Петровной было очень сложно. Тем не менее, эти записи мне очень дороги. Часто их перелистываю, слышу её голос... А вторая тетрадь – лекции-инструкции, я бы так их назвала, к лингвистическому анализу текста. Этот анализ дался мне далеко не с первого раза. Приезжала пораньше в институт, до начала занятий, заглядывала к ней на кафедру. Вместе сидели и разбирались. Лидия Петровна научила меня правильно пользоваться «Этимологическим словарём» М. Фасмера. И раскрашивать текст научила. Часто приношу свою зачётную работу (для «раскрашивания» выбрала стихотворение С. Есенина «Без шапки, с лыковой котомкой...») своим ученикам в гимназию. Показываю им. С интересом смотрят на мой рисунок, задают вопросы. Для меня – это настоящая память о Лидии Петровне.

*Н. В. Ильина,
выпускница Московского государственного
областного университета 2016 г.*

...Учиться у Лидии Петровны мне не пришлось, да и близко общаться, увы, тоже, но она всегда производила на меня впечатление человека очень неординарного, смелого и независимого во всём – в своём поведении, в своих суждениях. А больше

всего мне помнятся её стихотворные выступления на различных факультетских мероприятиях. Они были по-настоящему талантливы, остроумны, в них присутствовало особое изящество и вкус. Как бесценны сейчас все эти свидетельства времени (целой эпохи!) и жизни яркой личности!

*Т. Ю. Максимова,
Московский государственный
областной университет*

В «Зарайской энциклопедии» Владимира Полянцева¹ есть несколько строк, посвящённых ей: «Рупосова Лидия Петровна (р. 1941) – кандидат филологических наук. Родилась в Зарайске, в рабочей семье. В 1965 г. окончила славянское отделение филологического факультета МГУ; через пять лет защитила кандидатскую диссертацию «Русско-словацкие языковые связи»; доцент кафедры русского языка Московского педагогического университета. Имеет более 40 научных публикаций, среди них учебные пособия для студентов». Думаю, что в Зарайске есть люди, которые её помнят.

Галина, г. Зарайск

С днём рождения, Лидия Петровна! Живые, они все живые – в нашей памяти, сердце...

*М. Могилева,
выпускница Московского
педагогического университета 1997 г.*

...Полотно памяти... Даже те, кто не знал Лидию Петровну так душевно, как Вы, сегодня вкусили её обаяния...²

*В. М. Мокшенко,
Санкт-Петербургский
государственный университет*

Уходит эпоха. Светлая память незаурядному её представителю, прекрасному человеку!

*Т. П. Лёнгрен,
Университет Тромсё, Норвегия*

...Действительно, удивительный человек, прекрасный педагог. Печально, что такие люди уходят. Но главное – остаётся память о них, добрая, светлая память.

*Т. М. Воишелева,
Московский государственный
областной университет*

¹ Зарайская энциклопедия / ред. В. И. Поляничев. М.: Academia, 2003. С. 396–397.

² См.: «Грамматика глаголеть, мусикия поет...». К 80-летию Лидии Петровны Рупосовой // ВКонтакте: [сайт]. URL: https://vk.com/studsovetfilologi?w=wall-40517944_27608 (дата обращения: 14.11.2021).

Есть люди, которые пишут стихи-информацию, стихи-воспоминания, стихи-призывы, чистую лирику и т. д. А у Лидии Петровны (я только сейчас поняла!) стихи-предостережения. Это ведь не совсем сатира. Сатира – это насмешка-образ над тем, что и так всем хорошо известно. А здесь – одна острая грань, один точно сфокусированный луч, в нескольких словах – суть человека. И Боже, насколько это точно!.. В последние годы Лидия Петровна, заходя на нашу кафедру, вела себя, скорее, робко или, лучше сказать, смиренно. Никаких насмешек ни в голосе, ни в смысле сказанного. Она любила наше внимание, которого никто не хотел ей дарить, увы... Она отчаянно сопротивлялась одиночеству, даже разговаривала громко сама с собой у себя на кафедре – это было такой особенностью утренних часов. Я приходила рано. Она тоже. И, гремя ключами, Лидия Петровна громко начинала говорить, открывала дверь и, не закрывая её, продолжала организовывать своё пространство. Так я и проверяла тетрадки под её бормотание и возгласы. Я точно знала, что в 8.50 – 8.55 она придёт к нам с каким-нибудь пустяковым вопросом (словарь, чаю, сахару, лист бумаги, телефон кого-нибудь) и будет страстный монолог либо о непутёвых её девах, которым «срочно надо по диссертации», либо о начальстве (всех мастей). Нам бы с ней ещё год-полгода,

мы бы научились понимать друг друга. Я её по-своему любила за эти утра.

*Н. В. Халикова,
Московский государственный
областной университет*

Кто оказался на филфаке,
Тот не ошибся, ей-же-ей!
Что плох филфак – сплошные враки!
Спросите знающих людей!

Лидия Петровна, наш «великий русский поэт», спасибо за знания, юмор, иронию, талант и за Вашу любовь...

*О. В. Шаталова,
Московский государственный
областной университет*

...Годы идут, я не видела Лидию Петровну со времён Кондрашова, и она в моей памяти превращается в волшебную, почти сказочную старушку: Юза, домик в цветах, весна, лето, ранняя осень, чудесные снегопады... Говорящие кошки, книги, чай, добрая улыбка, слова с десятью подмыслами, щедро подаренные идеи. Светлая ей память!

*Л. Н. Донина,
Санкт-Петербургский
государственный университет*

ИНФОМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of History of Russian and General Linguistics of Moscow Region State University; Professor at the Department of Russian of Petrozavodsk State University; honorary worker of higher professional education of the Russian Federation;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никитин О. В. Лидия Петровна Рупосова: научный и душевно-биографический очерк (к 80-летию со дня рождения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 125–144.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-125-144

FOR CITATION

Nikitin O. V. Lidiya Petrovna Ruposova: Scientific and Heartful Biographical Essay (On the 80th Birthday). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 125–144.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-125-144

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-145-154

ВОСПОМИНАНИЯ О Л. П. РУПОСОВОЙ

Астахина Л. Ю.¹, Козин А. А.², Королева И. А.³, Редина О. Н.²

¹ Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2, Российская Федерация

² Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

³ Смоленский государственный университет

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, Российская Федерация

MEMORIES OF L. RUPOSOVA

L. Astakhina¹, A. Kozin², I. Koroleva³, O. Redina²

¹ V. V. Vinogradov Institute for the Russian Language of Russian Academy of Sciences

ul. Volkhonka 18/2, Moscow 119019, Russian Federation

² Moscow Region State University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishhchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

³ Smolensk State University

ul. Przhevalsky 4, Smolensk 214000, Russian Federation

Мой друг

Лидия Петровна Рупосова

С первых посещений Лидией Петровной Картотеки древнерусского словаря (ДРС) в Институте русского языка АН СССР у нас возникла взаимная симпатия, завязались добрые отношения. Она приходила не только поработать, но и пообщаться. Искренне рассказывала о себе, маме, доме, о садике и подопечных кошках, для которых она покупала рыбу и молоко. Однажды говорит: «Вот, купила им дорогое молоко, в “Диете”, на улице Горького, а они пить не стали, даже не подошли!» Оказывается, это было молоко в треугольном пакете с синими цветочками – молоко длительного хранения. У нас в Отделе развернулась дискуссия, и было решено: кошки почувствовали, что в молоке есть консерванты, и отказались. Молодцы кошки...

Мы подружились. Лидия не раз запросто бывала у нас дома, ночевала, когда ей было нужно идти на лекцию рано утром: от нас проще было ехать. По вечерам она любила понежиться в ванне, полежать в тёплой пенной водичке. Обязательно при-

носила что-нибудь вкусное – побаловать нас. Забравшись на диван под тёплое одеяло, любила что-нибудь почитать, включив свет над головой. Однажды она передала слова своей мамы, которая её попросила: «Принеси чужую еду, так надоела своя». Не знаю, насколько это было профессионально (мне не часто приходилось готовить), но я передала для её мамы котлеты, которые сама сделала. Я не могла игнорировать эту просьбу. Тогда с едой было не просто...

Мы вместе ездили на конференции в Смоленск, Ленинград и Днепропетровск. Лидия Петровна подсказала мне формулировки двух тем для статей, приглашала к себе в институт на конференции с докладами, на праздники, которые были у вас как-то очень тепло устроены, когда не чувствуешь себя чужой, но и опеки настойчивой над тобой нет.

Приезжая к ней домой в Клязьму, я помогала ей что-то делать в огороде: грядку прополоть, обрезать барбарис, почистить дорожку, принести песок. А однажды была вознаграждена невероятно чудной жимолостью, которая созрела уже в июне, а

вкусные плодики были похожи на маленькие чёрные кувшинчики. По осени Лидия всегда приглашала собирать яблоки, и я увозила полные сумки для себя и для своих друзей. Один раз она рассказала мне, как старая кошка учила молодую взбираться по стремянке к окну, чтобы попасть в дом через форточку. Складывались доверительные и искренние отношения...

Со своим трудным сельским бытом (они с мамой занимали половину одноэтажного дома) она всегда справлялась сама. Когда её мама однажды в их маленьком огорожке, поскользнувшись, упала и сломала сразу обе ноги, ей было очень тяжело. Когда мамы не стало, Лидия Петровна осталась одна. Другой раз я увидела, что на доме лежит толстая сломанная бурей ёлка, которая опёрлась ветвями на крышу и потому не проломила её. Справилась она и с этой бедой – ей помогли односельчане (разумеется, за плату). Как-то мы вместе положили в Сбербанк деньги на моё имя – ей почему-то было так удобнее. Потом, через какое-то время, когда понадобилось, она взяла свою сумму. Такое было у неё ко мне доверие!

К своим научным делам она относилась очень трепетно. Писала докторскую диссертацию о терминах семи свободных искусств в истории русского языка с большим вдохновением, была на подъёме всех своих творческих сил. А когда сделала доклад на своей кафедре, и её любимый учитель Н. А. Кондрашов резко отозвался о её работе, она была очень огорчена – не такого ожидала, надеялась на его понимание и поддержку.

Примерно через неделю после этого обсуждения мы с Николаем Андреевичем почему-то пошли пешком от МОПИ до «Красных ворот». Он был замечательный собеседник, интересно говорил о положении в лингвистике, знал многих учёных, наших общих знакомых, предполагал напечатать работы из истории науки. Разговаривали обо всём на свете, и я осмелилась спросить: «Почему Вы так резко отнеслись к работе Лидии Петровны, Вашей ученицы?» Он ответил: «А чтобы не

задавалась». А она не задавалась, а просто радовалась, как у неё хорошо и интересно вырисовывалась тема о терминологии семи свободных искусств. Приходя к нам в Картотеку, она много раз говорила: «А у меня хорошо получается, у меня здорово выходит».

Надо отметить одно важное обстоятельство для Лидии Петровны. Незадолго перед обсуждением на кафедре в МОПИ она съездила в Вильнюс, чтобы изучить «Селенографию» Гевелия по рукописи. А кто прикоснулся к старинной рукописи, смог разобраться в скорописных витиеватостях почерка XVII в., тот поистине имеет право чувствовать себя победителем. Ведь не так часто преподавателю, лектору-практику удаётся углубиться в чисто исследовательский процесс, поработать с подлинной рукописью, отразившей состояние науки давнего времени. У Лидии Петровны наверняка всегда было стремление к такому исследованию, но не было возможностей – постоянные лекции, зачёты, экзамены не позволяли вплотную погрузиться в изучение рукописных источников. Материалов же Картотеки ей явно было маловато, а здесь – такой источник!..

В душе же её уместались все мы, наши темы, статьи, заботы, она обо всех думала. Из своей поездки она привезла мне цитату со словом *игралищный*, которая как нельзя кстати подошла к моему исследованию слов со значением 'игра', указала на новое направление развития этой группы. Я и в книге написала об этом её щедром подарке: «Но вот поездка профессора МГОУ Л. П. Рупосовой в Вильнюс и ознакомление с рукописной "Селенографией" Яна Гевелия (XVII в.) выявила ещё один лингвистический факт, который указывает на иное направление в развитии семантики слов с корнем *игр-*: "Краины солнечные не суть смысла нашего некие игралищные дела и несть прелестные объявления"»¹. Не в этом ли семантическом русле (*смысла нашего игралищные дела*) позднее возникло словосочетание *игра воображения*?»² В

¹ Библиотека Академии наук Литвы. F 19/318. Л. 87.

² Астахина Л. Ю. Слово и его источники. Русская

Картотеке ДРС это употребление не зафиксировано, так как «Селенография» не является источником «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Сама я такой редкий и важный во всей цепочке развития группы факт никогда бы не нашла.

Над своей докторской Лидия Петровна работала с уверенностью и надеждой на непререкаемую близкую защиту. Помню, на конференции в Днепрпетровске, в октябре 1988 г., когда в наш номер пришли Игорь Георгиевич Добродомов и другие коллеги, Лидия Петровна обсуждала возможность представить свою докторскую работу на кафедре общего языкознания МПГУ, но сказала: «Я боюсь Татьяну Николаевну Кандаурову». А ведь какое-то время они дружили, Лидия Петровна не раз бывала у неё в доме, но потом как-то отдалились друг от друга. И. Г. Добродомов отнесся к такой возможности одобрительно, и, казалось, они договорились, всё было решено. Но через несколько дней, уже в Москве, Лидия Петровна передумала и решила идти в МГУ на филфак. Мне объяснила: «Я там училась». Сколько я ни уговаривала, как ни просила её не делать этого, не подводить хороших людей, не нарушать «договора», она настояла на своём, переубедить её было невозможно.

В день обсуждения (это, как помню, был понедельник) она зашла ко мне на работу. Взглянув на неё, я поняла, что значит выражение «опрокинутое лицо». Я сказала: «Что? Ты боишься? Давай я с тобой пойду!» Она отказалась наотрез. Договорились, что она позвонит и расскажет обо всём вечером. Не позвонила ни вечером, ни на следующий день, ни через три дня. Я поехала к ней в Клязьму. Дома была одна мама, которая даже не смогла открыть мне дверь. Разговаривали через открытую форточку. Я передала ей записку с просьбой позвонить. Ответа не было. Лидия Петровна и в Картотеку ДРС больше не пришла. Доходили слухи, что в МГУ кафедра не одобрила её работу.

историческая лексикология: источниковедческий аспект. М.: МГУП, 2006. С. 177.

Потом, через много дней, я узнала, что кафедра отнеслась к её диссертации резко отрицательно, и только одна Валентина Николаевна Прохорова поддержала её. Она мне и передала в нескольких словах, что произошло: Лидия Петровна записывала все замечания и ничего не сказала в ответ в защиту своей работы, а больше никого, кто мог бы возразить, вступить, защитить от несправедливых упрёков, не было рядом. В. Н. Прохорова стала надолго близким человеком и другом Лидии Петровны, она и меня познакомила с этой замечательной женщиной, мы иногда вместе бывали у неё...

Однажды я поехала к Лидии Петровне как-то летом, когда были каникулы. В половине её дома была сделана пристройка, второй этаж. Наверху уже жила семейная пара, помогавшая ей во всём. Мы поговорили, повспоминали о том о сём, у неё на коленях мурлыкал пушистый белый котёнок. Ей было хорошо, она была спокойна: рядом находились люди, которым она доверяла и которые её понимали.

Вспоминаю стихотворение 1972 г. Расула Гамзатова в переводе Н. Гребнева «Берегите друзей». Как будто оно о нас... В нём есть такие строки:

Люди, я прошу вас, ради бога,
Не стесняйтесь доброты своей,
На земле друзей не так уж много –
Опасайтесь потерять друзей.

Л. Ю. Астахина

Несколько памятных слов о Лидии Петровне Рупосовой

Когда хочется рассказать о людях такой величины, всегда теряешься: с чего начать? Перед тобой возникает четырёх-, пяти-, шестимерный образ, постоянно меняющийся и от этого трудноуловимый – невозможно сосредоточиться на одной черте – всё меняется, ускользает. Неправда, что легче писать о великом человеке, нежели о его слуге – ничего подобного, ибо великий человек – в первую очередь, человек, как многие; но всё же!

Голубые глаза, нос с заметной горбинкой; взгляд устремлён или на тебя, или сквозь тебя, вдаль, в пространство. Речь лаконична, мысль – последовательна, отчего создаётся впечатление: как же ты сам до этого не додумался? Великий дар – говорить о сложных вещах внятными языком, как и способность сказать: не знаю. «Не знаю» не на уровне нерадивого прогульщика занятий, а осознавая глобальность проблемы, её тёмную глубину. Но здесь же нельзя не отметить другой черты Лидии Петровны: не признавать абсурда, откровенной чуши, не терпеть мракобесия, тупой однобокости. Л. П. Рупосова была безапелляционно враждебна всему тому, что путало, сбивало с панталыку; любой прищипанной за уши, шитой белыми нитками теории.

Одно время был популярен проект «Новая хронология», где напрочь пересматривалась временная шкала и, соответственно, история цивилизации. Проект, представляющий собой ряд солидных, интересно оформленных изданий, написанных талантливо, напористо, хлёстко. Многие студенты и не только они попали под обаяние авторов «НХ». Я не был в их числе, но оценил интересные вещи того проекта, его полезность с точки зрения более глубокого изучения истории, различного рода текстов, языков, астрономии, физики и прочих наук, к которым прибегали его участники. И однажды я спросил Лидию Петровну об одной оригинально истолкованной языковой особенности, которую вычитал в тех книгах. Она внимательно посмотрела на меня своими широко раскрытыми голубыми глазами и наивным тоном спросила: «Откуда ты это взял?» Я ответил. Она пожала плечами с таким видом, как будто ей предложили помешать чай циркулем или штопором, а потом сказала: «Знаешь, что, парень...» И последовал развёрнутый рассказ об интересующем меня языковом процессе с массой примеров одноструктурных конструкций из разных языков, отсылками к трудам лингвистов. И резюме: «Понимаешь? Так не может быть. А если и допустить, что та-

кое могло случиться, то это исключение не осталось бы без внимания. Так, вот». Это было не просто авторитетное, аргументированное мнение учёного. Со мной говорила сама наука.

Говорят, что талантливый человек талантлив во всём. Это о Рупосовой. Она владела языком настолько, что могла «плесть словеса» в самых разных поэтических формах. Особенно на ура шли её стихотворения. Предлагали ей букву, и здесь же экспромтом (!) рождался небольшой шедевр – не набор рифмованных слов, а полноценное стихотворение с проблемой, идеей, юмором. Она писала стихи и не «на бис». Весёлые и грустные, в них звучала забота и тревога Лидии Петровны о коллегах, о факультете, о жизни. Когда я защитил кандидатскую диссертацию, она и про меня сочинила «стишок».

Трудно найти человека столь лёгкого в общении, как Лидия Петровна. Это был сгусток нашей народной русской манеры общения без обиняков, напрямую. Её манера использовать демиинутивы напрочь убирала расстояние «профессор – студент», «начальник – подчинённый», «старший – младший». Но при этом – неукоснительное требование такта, уважения друг к другу. Свои стихи она читала наизусть – исключительный такт по отношению к слушателям.

Лидия Петровна была очень ранимым человеком, её легко можно было огорчить, обидеть. Однажды в запале дружески коллегиального общения я позволил себе в её адрес шутку, не бестактную, не грубую. Просто в тот момент такая шутка была неуместна. Лидия Петровна огорчилась. Она извинила меня, а я всё равно до сих пор корю себя за свою нечувствительность.

Цепкая память, острый ум, знание, доброта, отзывчивость, жертвенность – лишь немногие стороны её натуры, человека и учёного. Всего не перечислишь, обо всём не расскажешь – слишком неординарен, неоднозначен, неизмерим человек, тем более такой, как Лидия Петровна Рупосова.

А. А. Козин

**«Она была как солнышко...»
(смоленские корни
Лидии Петровны Рупосовой)**

Лидия Петровна Рупосова и Смоленский край... Это целая страница в её жизни длиною более чем в двадцать лет, полная ярких, запоминающихся встреч, блестящих научных выступлений, поездок по памятным местам. Я, смолянка по рождению, верный почитатель Лидии Петровны, человек, постоянно бывший с ней рядом в эти годы, попробую рассказать о светлом и одновременно грустном прошлом. Почему именно Смоленск стал таким родным городом для Лидии Петровны? Потому что в нём жила и работала известный в России специалист по исторической лексикологии и лексикографии профессор Евгения Николаевна Борисова, которая, как магнитом, притянула Л. П. Рупосову в наш город. Эти две уникальные личности, обе характерные и независимые, нашли друг друга и уже не расставались. Каждая их встреча была наполнена обсуждением новых идей, дискуссиями, эмоциями...

1990 г. Евгения Николаевна проводит Республиканское координационное совещание по вопросам исторической лексикологии русского языка и русской исторической лексикографии, подготовленное Институтом русского языка АН СССР, Словарным отделом ЛО Института языкознания АН СССР и Смоленским государственным педагогическим институтом имени Карла Маркса¹. К нам съезжаются все ведущие историки языка России: Олег Николаевич Трубачёв, Галина Александровна Богатова, Роза Дмитриевна Кузнецова, Галина Петровна Смолицкая, Гурий Васильевич Судаков, Людмила Юрьевна Астахина... И, конечно же, Лидия Петровна Рупосова. Я, тогда ещё только что защитившийся аспирант Евгении Николаевны и помощница в организации совещания, стою на перроне и жду москов-

ский поезд. Тёплый сентябрьский день. Сразу же узнаю Лидию Петровну, эту невысокую, быструю, кудрявую и голубоглазую женщину, улыбающуюся и оживлённо жестикулирующую. Она была как солнышко, обаятельная и привлекательная. Это впечатление света и доброжелательности осталось навсегда.

Совещание было организовано и проведено безупречно. Блестящие научные доклады, круглые столы, дискуссии... Олег Николаевич выступал с материалом о Смоленске («В поисках единства»). Евгения Николаевна рассказывала о проекте «Исторической лексикологии русского языка». И в ряду завораживающих выступлений – доклад Лидии Петровны об исторической музыкальной терминологии. Молодёжь (было много аспирантов и соискателей) слушала, затаив дыхание. И тогда подумала: «Я тоже когда-нибудь смогу так выступать». Это стало моей мечтой, которая позднее воплотилась в жизнь.

Начало 1990-х гг., 5 января, день рождения Евгении Николаевны. Я приглашена, иду с цветами и тортом (всё с трудом достала). Захожу в квартиру и приятно изумляюсь: кроме именинницы, меня встречает домашняя Лидия Петровна, приехавшая из Москвы поздравить Евгению Николаевну. Какая тёплая обстановка была в тот холодный январский день! И вместе с тем какие жаркие научные дискуссии, в которых и я, новоиспечённый кандидат наук, уже смогла принять посильное участие. В этот день родились увлекательные проекты: создание коллективного сборника научных статей, проведение семинара, сотрудничество с Могилёвом.

И в научном сотворчестве появился третий исследователь – кандидат филологических наук доцент Валентина Борисовна Сузанович из Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Так укрепила свои позиции диалектология: был обсуждён первичный проспект «Словаря могилёвско-смоленских погра-

¹ См.: Картавенко В. С., Королева И. А. Республиканское координационное совещание по исторической лексикологии русского языка и русской исторической лексикографии // Русский язык в школе. 1991. № 4. С. 109–111.

ничных говором», который вышел только в 2017 г.¹.

Так и я попала в круг общения Лидии Петровны. Это был мир высокой науки. С благоговением потом встречалась с Галиной Петровной Смолицкой, Валентиной Николаевной Прохоровой, Сергеем Викторовичем Гринёвым. Поездки в Тверь к Розе Дмитриевне Кузнецовой на ежегодные конференции молодых учёных и школьных учителей. Там выступали и крупные лингвисты, в числе которых Лидия Петровна была, как всегда, яркой и искрометной. Прогулки, экскурсии, посиделки в общезитии, новые знакомства. В общении с Лидией Петровной крепло моё стремление писать докторскую диссертацию.

Не забуду приезд профессора Рупосовой в 1997 г. в Смоленск на одну из первых «общих» с факультетом иностранных языков конференций «Разноуровневые характеристики лексических единиц»². Известный англист профессор Георгий Георгиевич Сильницкий, стоявший у истоков этого форума, встретился со славистом профессором Лидией Петровной Рупосовой. Как глубоко и всесторонне они обсуждали перспективы таких необычных, действительно разноуровневых конференций! Лидия Петровна вошла в оргкомитет и постоянно оказывала поддержку смолянам. Проректором по научной работе в те времена был Леонид Алексеевич Кузьмин, тоже англист. И ещё поэт, в том же 1997 г. выпустивший интересный сборник стихов «Я к жизни прикоснулся нежно...». Оказалось, что стихотворство не чуждо и Лидии Петровне – ещё одна грань самобытности этой уникальной личности. В дальнейшем на каждой конференции, в её свободной части, читались стихи: это было удивительно и уместно!

Визитная карточка филологического факультета Смоленского государственного педагогического института (ныне Смоленского государственного университета) – «Поливановские чтения», хорошо известные не только в России, но и за рубежом. Практически у истоков этого начинания тоже стояла Лидия Петровна³. Мы всегда включали её в состав оргкомитета. А когда в 2000 г., после защиты докторской, я подала Чтения на грант в РГНФ, то среди выдающихся учёных Москвы назвала и фамилию профессора Рупосовой. Грант поддержали, и Лидия Петровна приехала на конференцию в числе вип-гостей. В той встрече принимали участие также профессор Игорь Георгиевич Добродомов, Александр Николаевич Тихонов, Георгий Исаевич Богин, Валентина Николаевна Прохорова...

Фото 1 / Photo 1. «Поливановские чтения» в Смоленске. 2003 г. / “Polivanov readings” in Smolensk

Первый ряд (слева направо): М. В. Пименова (Владимир), С. М. Прохорова (Минск), И. А. Королева (Смоленск), Л. П. Рупосова (Москва), Е. Н. Борисова (Смоленск).

Второй ряд (слева направо): В. С. Картавенко (Смоленск), Л. З. Бояринова (Смоленск).

Третий ряд (слева направо): Е. Ф. Троицкий (Смоленск), В. М. Алпатов (Москва), И. Г. Добродомов (Москва).

Источник: фото автора.

¹ См.: Словарь моголивецко-смоленских пограничных говором / авт.-сост. В. Б. Сузанович. Вып. 1: А–Б. Моголивец: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. 196 с.

² См.: Рупосова Л. П. Топонимы и селенонимы в специальных текстах XVI–XVII вв., восходящих к текстам польских авторов // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник статей. Ч. 1. Смоленск: СГПИ, 1997. С. 63–67.

³ См.: Рупосова Л. П. «Движение» и «покой» как концепты средневекового мироздания // Пятые Поливановские чтения: Сборник статей. Ч. 2. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 33–41.

С тех пор имя Евгения Дмитриевича Поливанова сплывает исследователей разных школ и регионов страны и зарубежья (Республика Беларусь, Украина, Средняя Азия и др.). Лидия Петровна принимала самое активное участие во всех конференциях до 2011 г. Потом было время, когда из-за трудностей в проведении Чтений был перерыв: они возобновились только в 2016 г. К сожалению, уже без профессора Рупосовой.

В 2013 г. наша кафедра русского языка стала организатором конференций совместно с кафедрой общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П. М. Машерова «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования». Лидия Петровна почти не занималась ономастикой, поэтому не стала принимать в них участие. Но это не ослабило связи её со смоленской землёй.

Я уже упоминала об интересе Л. П. Рупосовой к диалектологии. Наша белорусская коллега Валентина Борисовна Сузанович, кстати, тоже постоянная участница Поливановских чтений, часто ездила в диалектологические экспедиции в приграничные районы Смоленщины: Шумячи, Ершичи, Монастырщину, Хиславичи. Её студенты работали в Картотеке Словаря смоленских говоров. И Лидия Петровна стала привозить московских студентов на диалектологическую практику к нам, на Смоленщину. Студенты-москвичи охотно ездили по деревням, встречались с носителями говоров, записывали материалы. Мы устраивали им небольшие мероприятия-встречи с нашими студентами. Я бывала с Лидией Петровной в поездках по области, видела её работу. Меня поразило отношение профессора Рупосовой к подопечным. Это был такой милый тон: забота и дружба! Ребята тоже весьма приятно общались с ней, заодно и со мной. Во время диалектологических практик мы очень много говорили с Лидией Петровной о личном. Я восхищалась её умением с юмором и какой-то удивительной лёгкостью рассуждать о сложных жизненных перипетиях, и вместе

Фото 2 / Photo 2. У подножия небесного храма... / At the foot of the heavenly temple ...

Л. П. Рупосова в один из приездов в Смоленск. 2000-е гг.

Источник: фото автора.

с тем она была серьёзна и ответственна в своих обещаниях. Помогала же она людям много – студентам, аспирантам, молодым учёным, друзьям, коллегам. Она была щедра душой, бескорытна и этим бесконечно обаятельна. Умела находить контакты практически со всеми, кто попадал в поле её деятельности.

Помню, у меня возникли трудности с проживанием в Москве, а надо было поработать в зале диссертаций. Лидия Петровна уезжала на ГАК в Архангельск. Она дала мне ключи, проездной, денег на проживание, поручила присматривать за домашними любимцами – кошками, и спокойно уехала. Я благодарна ей за многое.... За Москву, которая не мыслима без Лидии Петровны. За МГОУ (в начале нашего общения это был ещё МОПИ имени Н. К. Крупской), который я полюбила. За знакомство, перешедшее

в тесные научные и личные контакты с Валентиной Васильевной Леденёвой и Олегом Викторовичем Никитиным. За Тверь, Архангельск и Вологду... За то, что она была в моей жизни близким и во многом родным человеком.

Смоляне вспоминают Лидию Петровну с большой теплотой и любовью. И мои домашние, особенно дочь, Лидия Петровна неоднократно гостила у нас дома. Помнят её коллеги – она всегда создавала на нашей кафедре праздник. Вспоминает бывший проректор Леонид Алексеевич Кузьмин, в том числе и за её поэтический дар и тонкое понимание слова.

И я тоже часто вспоминаю. Конечно же, моего учителя – Евгению Николаевну Борисову. Рядом с ней – имя Лидии Петровны Рупосовой, смоленской москвички (хотя она жила недалеко от столицы, в Клязьме). Бывало, она скажет своё сокровенное: «Ну, дева, ты просто молодец!», и на душе становится теплее...

И. А. Королева

Чистая душа

Лидию Петровну Рупосову я знала не близко, но видела часто – наши кафедры соседствуют. Почему-то мне кажется, что мало кто из коллег может сказать, что знал её близко. Вроде человек приветливый, речистый, но закрытый. И взгляд у неё был особенный, словно обращённый внутрь. Словно с кем-то она постоянно вела незримый и важный разговор.

Если бы писать её портрет, то какая техника могла отобразить её облик? Не масло, не пастель, а лёгкого контура рисунок, особая акварель, как в иллюстрациях Артура Фонвизина к немецким романтическим повестям. Было что-то неуловимое, не определяемое возрастом, полом, модой в образе этого необычного человека, незаурядности которого сопутствовала милая чудаковатость.

Не мне судить о Лидии Петровне как об учёном – об этом писали её коллеги-лингвисты. Она меня интересовала как

Рис. 1 / Fig. 1. Иллюстрация А. В. Фонвизина к повести Л. Тика «Жизнь льётся через край» / Illustration by A.V. Fonvizin to L. Tieck's story "Life is pouring over the edge"

Источник: Немецкая романтическая повесть: в 2 т. Т. 1: Шлегель, Новалис, Вакенродер, Тик / ред. П. С. Виноградская. М.: Л.: Academia, 1935. С. 280.

личность. Острая на язык, мгновенно считающая собеседника, нелюдимая, она и в мыслях не допускала возможности равняться на общий строй. С ней было нелегко – разговору она задавала темп «быстрых шахмат»: мысль отливалась в ёмкие фразы и спешила дальше. Надо было напрягаться, подстраиваться, чтобы не оплошать. Но как было интересно! О чём бы ни говорили – о круге чтения студентов, о темах дипломных работ, о кошках, их увлекательной жизни, Лидия Петровна обнаруживала собственный, ни с чьим не сравнимый взгляд. При этом она не была заносчивой – это было мелко, недостойно. Она просто имела право быть собой. В силу незаурядной одарённости, огромных знаний, цельности и отсутствия задних мыслей.

Рис. 2 / Fig. 2. А. В. Фонвизин. Портрет Н. Весниной, супруги архитектора В. Веснина. 1944 г. Бумага, акварель / V. Fonvizin. Portrait of N. Vesnina, wife of the architect V. Vesnin. 1944 Watercolor on paper

Лидия Петровна – единственный человек из всех, кого я знала, чья жизнь полностью соответствовала «рецепту счастья» Альбера Камю. Жить на природе, быть лю-

бимым, творить и не иметь честолюбивых помыслов. Эти четыре условия могут быть дополнены поздним признанием Камю в том, что он наконец-то научился жить без оглядки на мнение других людей о себе. Действительно, Лидия Петровна жила за городом, добираться до работы не всегда было легко, но она не мыслила себя вне природы. Она была любима – студенты поначалу немного пугались, робели перед её даром чувствовать Слово, а потом восхищались и любили. Творчество заполняло всю жизнь Лидии Петровны – она была неутомимым филологом-исследователем. И помыслы честолюбивые были ей чужды, «чинов и званий» она не искала. И к чужому мнению о себе была равнодушна. Была собой.

Но почему щемит сердце, когда вспоминаешь о Лидии Петровне? Она была очень одинока. В последний раз, когда мы виделись, это чувствовалось особо. На мой малодушный, признаюсь, вопрос о том, как ей живётся, она бодро ответила: «А что мне делается?! На работу ездить не надо, читаю, сижу в саду, вокруг цветы, кошки мои рядом...»

Лидия Петровна, простите нас! Нам Вас очень не хватает. Одно утешает: место такой чистой душе на том свете нашлось достойное.

О. Н. Редина

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахина Людмила Юрьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН;
e-mail: lastakhina@yandex.ru

Козин Александр Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: kozzin@mail.ru

Королева Инна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета;
e-mail: innakor@mail.ru

Редина Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: olgaredina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila Yu. Astakhina – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, V. V. Vinogradov Institute for the Russian Language of Russian Academy of Sciences;

e-mail: lastakhina@yandex.ru

Alexander A. Kozin – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of History of Foreign Literatures, Moscow Region State University;

e-mail: kozzin@mail.ru

Inna A. Koroleva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Russian Language, Smolensk State University;

e-mail: innakor@mail.ru

Olga N. Redina – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of History of Foreign Literatures, Moscow Region State University;

e-mail: olgaredina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воспоминания о Л. П. Рупосовой / Л. Ю. Астахина, А. А. Козин, И. А. Королева, О. Н. Редина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 145–154.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-145-154

FOR CITATION

Astakhina L. Yu., Kozin A. A., Koroleva I. A., Redina O. N. Memories of L. Ruposova. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 5, pp. 145–154.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-5-145-154

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2021. № 5

Над номером работали:
Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик И. А. Улиткин
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Глузун

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 9,75, уч.-изд. л. 16.
Подписано в печать: 09.12.2021. Дата выхода в свет: 24.12.2021. Заказ 2021/12-02.
Отпечатано в МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А